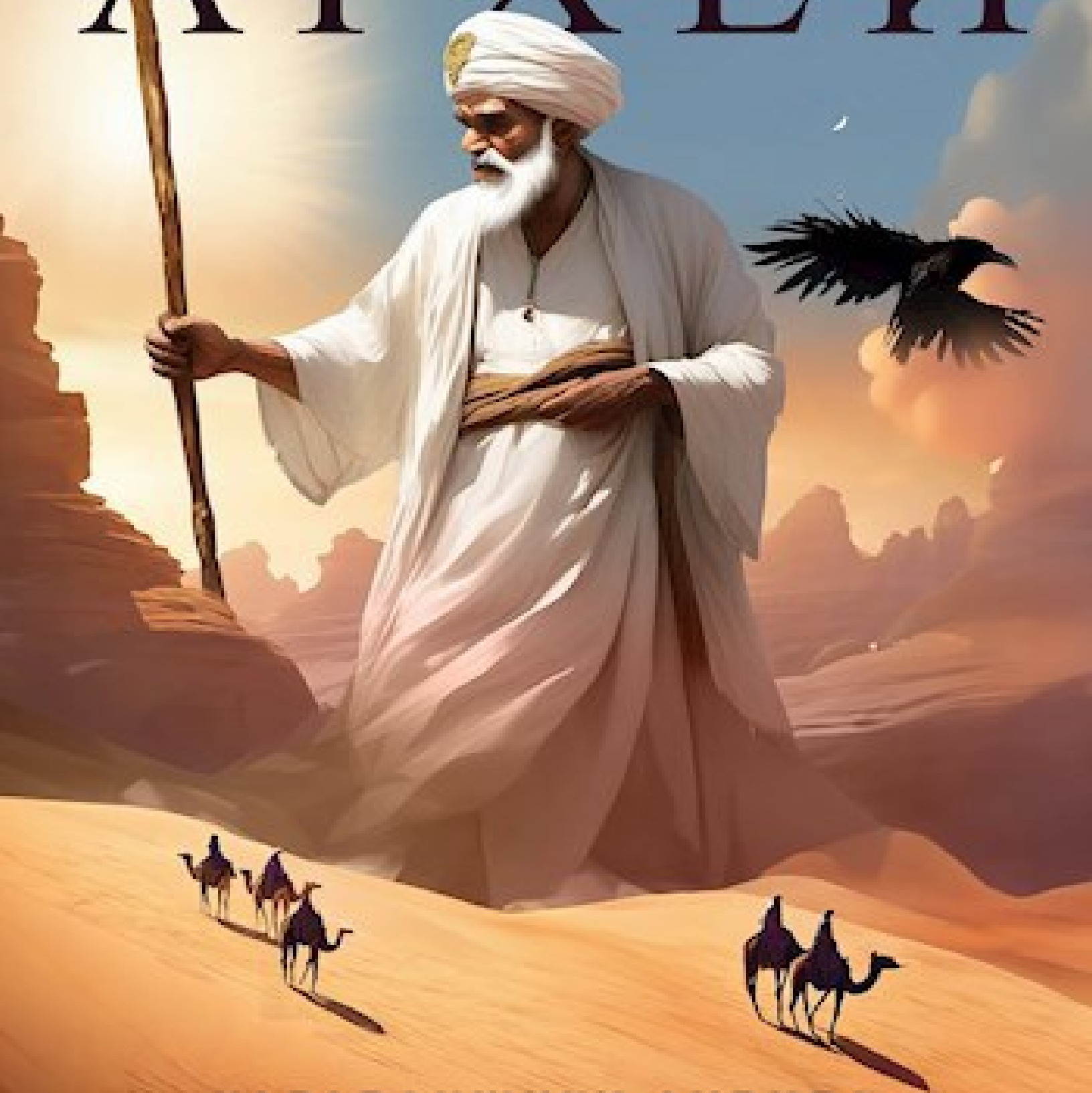

ДМИТРИЙ ЖЕЛЕЗНЯК

АРХЕЙ

КАРАВАНЩИКИ АНВИЛА

Небольшой городишко Анвил увядает среди безжалостной пустыни. На поместье бывшего шейха лежит таинственное проклятие, скрывающее роковые тайны. Могущественные организации готовы пролить реки крови, чтобы завладеть тем, что скрыто под толщей анвильской пыли. Группа авантюристов бросает им вызов, но можно ли доверять союзникам, которые лелеют собственные амбиции? В особенности, когда судьба ведет тебя в земли, где правят мертвые?

Дорогой читатель, добро пожаловать в Архей! Авторский мир сурового фэнтези по всем законам жестокого средневековья. Тут вы не увидите четкого разделения добра и зла. Каждый персонаж, будь он королем, рыцарем, магом или крепостным крестьянином руководствуется понятными человеческими потребностями и целями. Они — живые люди, каждый со своими достоинствами и недостатками. Это не значит, что у них не существует никаких моральных и нравственных ориентиров, но ведь часто жизненные представления и стремления разных людей сталкиваются, порождая хаос и бедствия.

В этом хаосе рождаются новые герои: те, кто при других обстоятельствах прожили бы бесславную жизнь, ныне имеют огромнейшие шансы на успех. Смекалка, изворотливость, храбрость, а порой жажда наживы и безрассудность, могут возвести авантюриста на вершину мира. Главное — устоять под ударами судьбы и выйти из бури живым.

Забудьте о ванильных рыцарях, стремящихся сложить голову ради исполнения принесенной клятвы, а попутно снимающих котят с деревьев и помогающих крестьянам пахать поля. Это эпическое фэнтези с преобладанием серой морали. Вам встретятся как положительные, так и отрицательные герои, но кто не совершает ошибок и просчетов? Кто не поддается эмоциям и чувствам, и кто, наконец, определяет грани светлой и темной стороны?

Для вашего удобства, автор создал карту, по которой вы можете без проблем ориентироваться в пространстве. Ознакомьтесь с ней, и даже скачать, возможно в тематическом сообществе Вконтакте (vk.com/arheybook) и Telegram-канале (t.me/arheybook).

Это настоящий литературный проект с прицелом на десятки историй и книг. Оставайтесь с нами и зовите друзей, будет интересно.

АКТ I. Глава I. Прибытие

«Зло, по сути своей, ничтожно. Оно всего лишь тень на душе человеческой, отброшенная каким-то несчастным недоразумением.» (с) лорд Эразм Деций Нарст Пифарей

Началось все с пришедшего в упадок в прошлом городка, ныне скорее поселка, под наименованием Анвил. Название сие родилось в глубокой древности, когда Таморская Империя основала на этом месте экспедиционный лагерь, который в дальнейшем стал крепостью, а вокруг развивалось поселение.

Пустынная местность не позволяла деревушке вырасти в крупный город, но местные оазисы могли обеспечить комфортное существование небольшому торговому городишке. Когда Империя пришла в упадок, а крепость оказалась заброшена и растащена по камешку на строительство дорог и домов, Анвил служил как перевалочный пункт между двумя враждующими станами. А местные владыки из рода аль-Гази, захватив наиболее плодородные земли, выращивали виноград, финики и пустынные злаковые.

Знатный таморский дворянин, лорд Эразм Деций Нарст Пифарей, с мрачным видом покачивался в небольшой повозке со скрипучим колесом, которую тяжело тянула измученная жаждой и голодом кляча. Дорожная пыль густым слоем покрывала длинную белую бороду и изношенный походный костюм. Можно подумать, что Эразм имел мрачный вид из-за изнуряющего путешествия, но, в действительности, он вечно выглядел так, словно ненавидит все окружающее. За сварливый и желчный характер Эразма прозвали Брюзгливым, хотя никто не отваживался сказать ему это в лицо. Недостаток харизмы с лихвой компенсировался высоким интеллектом и мудростью, а по совместительству, наш герой приходился волшебником и запросто мог испепелить неудачливого шутника заживо.

Единственным недостатком мага являлся возраст. Но об этом необходимо рассказать с самого начала. Эразм родился и развивался в столице Тамора, великолепном и огромном Исиасполисе. Благодаря происхождению, в меньшей степени, и способностям, в большей степени, Брюзгливый учился у лучших учителей. Нередко они отказывались от него, потому что не выдерживали отвратительнейшего характера ученика.

В совершеннолетнем возрасте Эразма женили, как это обычно заведено в дворянских семьях. Жену Брюзгливый не любил, но старался обходиться с ней если не ласково, то хотя бы более-менее сносно. Девушка слыла красавицей, находится рядом с ней оказалось приятно, особенно в постели. Она умудрилась родить Эразму шесть детей: четыре сына, две дочери. Впрочем, не она одна... Лорд Пифарей и сам не знал, сколько детей с его голубыми глазами зачаты вне брака.

Примерно в двадцати шести летнем возрасте его выслали из Тамора. Говорят, Эразм назвал ослом Его Императорское Величество. Кого только не именовал ослом наш почтенный маг. Пришлось отправиться в Эриндан — соседнее королевство, где король правил лишь номинально и даже ослом его периодически называли. Власть там держали могущественные аристократические кланы, решавшие все экономические и политические вопросы государства.

В Эриндане лорд Пифарей совершенствовался в магии, проводил эксперименты и иногда, когда с золотом в кошельке оказывалось пусто, обучал бездарных детишек местных

дворян.

Еще через двадцать пять лет умрет его жена. А через год в бою, сражаясь за осла-императора, погибнет старший сын, единственный ребенок, который раздражал Эразма не так сильно, как остальные. Эти события окончательно убедили волшебника отбросить идею возвращения домой. Семья прекрасно справлялась и без него. Настало время странствий. Брюзгливый посетит разные страны и регионы, поучаствует в крестовых походах и войнах, откроет несколько магических тайн и заведет множество знакомств.

Осел-император, в соответствии с вошедшими в традицию военными переворотами в Таморе, сменился другим ослом-императором. Лорд Пифарей как раз пребывал в том возрасте, когда старики забывают о количестве прожитых зим и садятся у камина, чтобы согреть ноющие кости. Тогда-то он и вернулся в родовое поместье. Устремив тоскливый взгляд на пляшущие по поленьям языки огня, Эразм осознал, что родственники раздражают его как никогда. Человек с таким опытом, умом и знаниями вынужден доживать остатки дней с идиотами-детьми, которых волнуют только придворные интриги и балы. Нет ни славы, ни признания. А сосредоточенная внутри могущественная магическая сила пригождается лишь для того, чтобы разжечь пламя в печи.

Брюзгливого сжигало чувство катастрофической нехватки времени. Он перебирал в голове все события, которые, по его мнению, впустую растратили драгоценные минуты жизни. Вот уж детям не повезло, они вовсе потеряли в его глазах какую-либо ценность. Эразм бросился в столичные библиотеки за поиском способа продлить жизнь хотя бы на десяток лет больше положенного. Абсолютно случайно (а может и не случайно?) до него дошли слухи, что старый друг, Саид ар-Рашид, с которым он учился магии, а затем и путешествовал по южным землям, обрел дар вечной жизни.

Так лорд Эразм Деций Нарст Пифарей и оказался посреди пустыни, держа путь к Альвазир, столицу страны мертвых — Сулифского Халифата. Там правил мертвый халиф Кадир бин Усам, за пределами Сулифы звавшийся Блудником. "Как же это? Блудник, в стране мертвых, да народом правит?!" — сказал бы наш следующий герой со странным именем Ослябья. Но обо всем по порядку.

Потирая седую бороду под монотонный скрип, Брюзгливый задремал, а колесо телеги угодило напрямиком в выбоину. Старик подпрыгнул и вылетел на пыльный песок.

— Глупая скотина! — заорал Эразм, с трудом поднимаясь на ноги. — Тебе самое место на живодерне!

Колесо, попавшее в яму, отлетело от телеги и продолжало катиться по дороге. Лорд Пифарей приготовился разнести его в щепки волшебной стрелой, но с досадой вспомнил, что другого колеса у него нет. Выругавшись и шлепнув клячу по крупу, он принялся осматривать ось.

— Дедушка, ты почему на животину ругаешься? Обидела тебя чем? — раздался голос за спиной.

— А ты не видишь? Колесо отвалилось, тупой осел! — даже не повернувшись бросил Эразм.

— Не, дедушка, то не осел, то кобылка, хероватая, но лошадинка все же, — простодушно ответил незнакомец и принялся осматривать клячу. — Ба-а-а, да ее подкормить надобно бы, ишь вся исхудала, — он погладил лошадь по морде. — У нас в Прудах... эт, стало быть, деревенька моя родненькая. Так вот, в Прудах ослов-то и не водилось никогда. Я покамест мальцом бегал только бычков, козликов да овечек с лошадами видал. Вот как-то с мамкой

до города на ярмарку решили... А! Батяка-то мой, упокой Эсмей его душу, преставился, мне зим с десяток набежало всего. А смерть-то страшная какая, ой, не дай Эсмей тебе дедушка такой конец повстречать...

— Хватит тараторить! — грозно вскрикнул Эразм. — Я тебе не дедушка никакой, а лорд Пифарей! — Брюзгливый чуть не вскипел от гнева. — А осел — это ты, идиот.

— Хех, — усмехнулся парень, — а ведь и то верно. Ой, вы простите меня, милорд, не признал вас в одежонке-то убогой, да в тележке развалившейся. Но про осла эт вы метко подметили, — незнакомец лыбился во весь рот. — Я ж вам про то и рассказывал. Животина вроде маленькая, убогая, а тащит сколько... Я как увидел, аж калач выронил. Мамка за калач сильно всыпала, но я тогда в раз решил, что как осел буду, — он гордо ударил себя в грудь. — Мелкий был-то, худенький, а хозяйство-то, на ком останется? Вот я в плуг-то и запрягся. Не, не то, чтобы у всех крепостных лошаденки или ослы бывали, я ж не давеча рассказывал, что ослов видать не видывал. В общем, пахали, конечно, все собственной силой. Но я ж про то, что у мальчика силенок маловато, а я, как осел, тяну и тяну, хоть бы хны!

У Эразма подрагивало правое веко. Терпение подходило к концу. Если бы не укатившее колесо, то незнакомец окончил бы путешествие прямо на дороге у ног волшебника. Незатейливый путник вполне походил на того, кто умел чинить телеги, а это оказалось весьма кстати.

— Помолчи хоть минуту. Ты кто такой и чего тут забыл? — маг всматривался в лицо собеседника.

— Так это, милорд, Ослябя я! — парень снова простодушно осклабился. — Крестьянский сын, стало быть.

— То, что ты из крестьян кривоzubых, я и так вижу, дурень.

— Хех. А и правда, зубы-то кривые, милорд. Но хоть есть, и на том спасибо. У нас же знаете, как праздник или выходной, так молодцы зубы в раз теряют, — парень звонко и раздражающе заржал.

— Ты таморец? — снисходительно спросил лорд Пифарей, тяжело вздохнув.

— Угу.

— И что ты в такой дали от своих Прудов делаешь-то?

— А... ну... я это... в... ну... как же это...

— От помещика сбежал что ли?

— Что вы! Что вы! — Ослябя в ужасе замахал руками. Если бы его одежды уже не промокли из-за жары, то сейчас парень оказался бы мокрым с головы до пят. — Не... в этом... па...по зову богини следую, стало быть.

— Паломник? А, впрочем, плевать, — Эразм махнул рукой. — Вон, колесо принеси, надо отремонтировать.

Пока Ослябя бегал по поручению, Эразм смог как следует разглядеть его. Грубый ватный подшлемник прикрывал кучерявые каштановые волосы. Пропитавшаяся насквозь потом стёганка, набитая паклей, и ржавый короткий меч на поясе — вот, пожалуй, все вооружение и доспехи, что носил паломник. Дорожный мешок за плечом казался пустым, только силуэт бурдюка виднелся через грубую ткань.

— Это мы быстро, милорд. В раз приделаю, — Ослябя наклонился над телегой и, напрягая мускулы, принялся приворачивать колесо. Через несколько мгновений что-то хрустнуло. Теперь уже отвалилась и ось.

— Асмодей бы тебя побрал! — заорал Эразм. — Всеми тремя головами! Осел! Идиот!

— Не ругайся, дедушка... Я ж эт не со зла, — Ослябя потупил взгляд. — Говорил же, что силы много.

— А ум где? Где ум твой?!

— Так в голове, стало быть, — Паломник пожал плечами. — Сила в руках, а ум в голове, эт мне еще мамка по малолетству сказывала.

Эразм хлопнул себя ладонью по лбу.

— Не в твоей голове, стало быть.

— Да вон уже и деревня рядом, за тем песочным холмом. Дым виднеется. Я сейчас кобылку распрягу, твои вещи, деду... — он глянул на лицо мага. — Ваши вещи, милорд, возьму, да доберемся в раз до деревеньки. А там я уж и инструментом разживусь и до вашей телеги сбегаяю.

Пока Эразм и Ослябя следовали в Анвил по западной дороге, ведущей из вольного города Эль-Эменталь, фактически единственный сухопутный путь в Сулифский Халифат по суше, одинокий человек зашел в поселение с востока. Восточная дорога вела в пустыню, полную бандитов, блуждающей неразумной нежити и других ужасных тварей.

Человек, замотанный в дорожный плащ, уверенно ступал по раскаленному песку. На него никто не обратил бы особого внимания, но рядом шагал грозный питомец, шаркающий когтями по дороге. Пена капала из его пасти с острыми как бритвы зубами, а короткие мощные руки заканчивались огромными черными когтями. Черно-красная чешуя ящера блестела на солнце. Молодой раптор, редкий для этих мест хищник, но от этого не менее опасный. Динозавр, словно пес, бежал у ног хозяина, раздувая ноздрями горячий воздух.

Смуглая кожа путника могла выдать его за уроженца здешних мест, но выгоревшие светлые волосы, видневшиеся из-под капюшона, высеченный, словно из камня, подбородок и зеленые глаза демаскировали. Еще один уроженец Тамора. Да, такое количество таморцев в захолустном Анвиле действительно к беде.

Незнакомец не только одеждой и загаром пытался выдать себя за того, кем он не является, но и историей, которую рассказывал. Все до скуки банально и приправлено каплей правды, от чего звучало вполне правдоподобно. Одинокий дрессировщик ящеров, вырастивший зверька еще с яйца, явился в поисках какой-нибудь работы и редких пород хладнокровных.

В Анвил частенько наведывались авантюристы разных мастей. Захаживали и преступники, и искатели лучшей доли, стремившиеся в Сулифу, где можно начать жизнь заново. Поэтому еще один отщепенец вряд ли бы вызвал подозрения, к тому же, таскающий за собой зубастую зверюгу. К такому лучше не приставать, а то вдруг ящерица-переросток не завтракала.

Наш же очередной герой, представлявшийся новым знакомым именем Калдóр, плевать хотел и на поиск новой жизни, и на поиски работы. Работа у него имелась, и даже определенное задание — найти заклинателя змей. Нет, не затем, чтобы делиться секретами воспитания хладнокровных гадов, все куда сложнее.

Калдор преодолел поле пасущихся верблюдов, миновал бдительного стражника-мамелюка, который молча наблюдал за ящером со смотровой вышки, и остановился у местного трактира. Назвать эту дыру трактиром не поворачивался язык, но табличка над входом прямо указывала на наличие питейно-спального заведения. Даже название присутствовало: «Наследие Тамора».

Владелец явно имел чувство юмора. Глиняное строение с отверстиями вместо окон и

занавеской из грязной, рваной ткани вместо двери. Внутри воняло мочой и потом, а интерьер представлял собой грязные стены, несколько низких столов и пьяницу, храпевшего у входа. Даже пара местных бездельников без удовольствия хлебали что-то из глиняных пиал. Но, кое-кто, кажется, совсем не смущался окружающим колоритом и напитками.

Широкоплечий мужик в кожаных наручах и с длинной светлой косой, в этот раз хотя бы не таморец, а также клыкастый, зеленоватый орк в длинной кольчужной рубашке. Эта милая парочка что-то весело обсуждала, когда Калдору не посчастливилось зайти внутрь славного заведения. Раптор ринулся за хозяином, но тот шикнул на зверя, и живность молниеносно вылетела на улицу. Широкоплечий тут же потерял идиотскую улыбку на лице, но нащупал у ноги тяжелый двуручный топор. Он не сводил глаз с ящера, что виднелся в дверном проеме.

— Приветствую тебя, уважаемый, — Калдор сверкнул монетой, обращаясь к трактирщику.

— О, рад видеть нового гостя! — обрадовался толстяк в заляпанном жиром халате. — Сегодня у нас не особенно оживленно, поэтому к моему величайшему сожалению, выбор еды чрезвычайно скуден.

— Не страшно, я не голоден. Дай что-нибудь выпить, — пара медных монет оказалась на стойке.

— Свежая кактусовая настойка! — трактирщик с гордостью плеснул в пиалу мутную жидкость.

Махнув предложенный напиток одним глотком, Калдор незаметно глянул в сторону странной парочки. Но от трактирщика этот взгляд не укрылся.

— Работу ищут, хотят к Басиму наняться в караван, — начал он, наполнив поставленную дрессировщиком на стойку пиалу. — Хотя Басим ныне другую работу предлагает, опасную.

— Что за работа? — заклинатель ящеров соорудил заинтересованную мину.

— Бывшее поместье аль-Гази от призраков очистить, да проклятие снять. Платит хорошо, но желающих не так много. Кто ж в здравом уме с призраками тягаться станет. Не-е-е, — он махнул рукой, — дело гиблое, и сомневаться не нужно.

— Надо разузнать, деньги сейчас не помешают, — едва заметная улыбка скользнула по губам Калдора. — Слышал тут представление ожидается?

— А, да, какой-то старик с мальцом притащились с кучей корзин. Говорят, что они доверху змеями набиты. Выступать вечером будут.

— Скажи, уважаемый, а где тут можно остановиться на ночлег? — дрессировщик еще раз с сомнением оглядел округу и двоих здоровяков, что мерялись силой, схватив друг друга за запястья.

— Могу предложить прекрасный соломенный тюфяк на крыше заведения, — улыбнулся трактирщик.

— А есть что-то более уединенное? — еще одна медная монета скользнула в руку толстяка.

— Что-ж, если по карману, то можешь арендовать шатер, они с другой стороны оазиса. Но поторопись, половина уже занята местными мамелюками, а другая редко пустует. Вот, недавно странный парень заселился, заплатил золотом и еду требует отдельную, чтобы, как господину, в шатер приносили.

— Да уж, действительно. Странно, что мужик с золотом брезгует откушать в столь изысканном месте, — усмехнулся Калдор.

— Э-э-э. Зря обижаешь, — трактирщик нахмурил брови. — Станный он, потому что все время в капюшоне ходит, да разговаривает чудно так... Жутковато даже. Волосы седые, кожа бледная, как у девицы какой-нибудь таморской.

Обсуждать бледного заклинатель ящеров не желал, а потому распрощался и направился к шатрам, благо, средства позволяли. Устроив сделку по аренде, Калдор решил стряхнуть дорожную пыль и отдохнуть перед вечерним представлением. Кто знает, чем оно могло закончиться.

Брюзгливый тем временем кипел. Кипел не столько от жары (от жары он, к слову, совсем никогда не кипел, так как знал заклинание «защита от непогоды»), сколько от непрекращающегося потока историй о Прудах.

— Ой, дедушка. Надо кобылку пристроить на откорм. Худая она, переход по пустыне не выдержит.

Эразм тяжело вздохнул.

— Скотинка эта хилая от породы, зря вы ее покупали в городе этом вольном. Обманул вас торгош, — Ослябя поглаживал нос лошади на ходу. — Вот к нам в Пруды рыцари приезжали. Ну хлеб закупать, стало быть. Так вот у них кони так кони. Статные, сильные... Даже доспехи на себе носят. Хотя доспехи на лошади я один раз всего видел, да и то издалека. Я ж, тогда как раз с поля шел. Помню вечерело, а закат такой краснющий. Жуть!

— Вон смотри, — Эразм указал рукой на старушку, которая у глиняной хижины терла щеткой хмурого упитанного верблюда. — Иди ей предложи кобылу на откорм. На, — пара серебряников упала на ладонь паломника. — И не вздумай ничего комментировать! — повысил голос волшебник, предугадывая реакцию собеседника.

Пока Ослябя бегал общаться со старухой, Эразм присел в тень под финиковой пальмой. Приятная прохлада веяла от кристально чистой воды местного оазиса. Но, волшебник ее не замечал. Жара и так не мучала старое тело, спасибо магии. Он поставил дорожный посох между ног, облокотился на него подбородком и задремал.

Паломник не торопился сбегать клячу. Сначала старушке повезло услышать историю про рыцарских коней, что топтали посевы в Прудах, а после шли сравнения лошадиных и ослиных сил. Маг же преспокойно дремал, забыв о существовании назойливого знакомого. Кто знает, сколько времени потребовалось на продолжение этой сцены, если бы не объявилась черная птица.

Ворон спланировал на плечо Эразма. Волшебник медленно открыл глаза и сунул птице кусочек вяленного мяса, который нашупал в кармане дорожного плаща. Тот схватил угощение и на колени старика свалилось запечатанное письмо.

— Ты где столько времени пропадал? — Эразм недовольно посмотрел на ворона. — Своровал у кого-то почту?

Печать показалась волшебнику знакомой. Он улыбнулся, сломал ее и развернул желтую бумагу длинными сухими пальцами.

О старый друг!

До меня дошли слухи, что ты ищешь моего общества. Рад, что ты еще в добром здравии и решился на такое отчаянное путешествие. Иногда я вспоминаю наши многочасовые этюды в шахматы, и это согревает мне сердце. Жаль, что уже не делают тех замечательных магических шахмат из нефрита и мрамора.

Я слышал также, что годы твои приближают смерть. К сожалению, я не могу покинуть Альвазир, чтобы помочь тебе преодолеть жестокие пустыни, но, если

добререшься до меня, то непременно смогу отсрочить неминуемый конец.

Помню твое стремление к могуществу и признанию. О, сколько часов мы провели в жарких дискуссиях на эту тему. Думаю, что и с этим смогу помочь. Я занял пост кади и теперь вершу суд с благословения великого халифа. Но есть вещица, которая позволит мне стать одним из Могильных Визирей. Мои шпики выяснили, что некий шейх Ахмад аль-Гази, около ста лет назад, стал владельцем могущественного артефакта. Тогда же он бесследно пропал вместе с женой.

Если мы завладеем этим предметом, то в Альвазире вознесемся до самых вершин. Пойми правильно, я не могу действовать от собственного имени, теперь оно напрямую связано с властью великого халифа. Но ты мог бы что-то выяснить. Будь осторожен, эту вещицу ищет множество влиятельных фракций. Я мало что знаю, но практически уверен, что этот артефакт имеет отношение к великому халифу Кадиру бин Усаму. **Без исключения, те, кто служит ему, награждаются выше всяких мер.**

Как только появятся новости — срочно направляйся в Муфтарак, приграничный город Сулифского Халифата, и найди моего человека, он столяр. Спроси: «Какова цена лжи?». Если это он, то все поймет. За сим прощаюсь и надеюсь на скорую встречу!

С преданностью и дружбой, кади Саид ар-Рашид

Эразм скомкал послание и отбросил подальше. Легкий ветерок подхватил бумагу, и она зашелестела по песчаной почве. Волшебник что-то шепнул и едва двинул пальцами. Через секунду ветерок раздувал серый пепел.

— Ослябя! — вдруг крикнул лорд Пифарей. — Пора посетить местный трактир. Живее.

Попробовать трактирных деликатесов Эразм побрезговал, хотя спутник и намеривался купить старику порцию каши на последние медяки, но волшебник строго запретил. Лорд побрезговал также оставаться на ночлег в таком непритягательном месте. Зато выяснил, что местный работорговец Басим ибн Факир ищет авантюристов, чтобы наведаться в бывшее родовое поместье клана аль-Гази. Это показалось весьма заманчивым.

Возможно какие-либо зацепки получится отыскать в этом самом фамильном доме. Да и добраться в Муфтарак получится только с местным торговым караваном, который принадлежал работорговцу Басиму. Попутчикам приходилось платить за место в караване, а стоило это весьма недешево. Заручившись уважением, можно попробовать наняться в охрану, еще и заработать при этом.

Работорговец обосновался в огромном красном шатре, отделанным золоченной тканью. Охрану Басима, как и всего Анвила, осуществлял отряд из клана мамелюков, древнего, таинственного братства наемников. О них мало что известно, мамелюки ревностно хранят тайны. Основной доход клан получает в Сулифе, где братья являются основой стражи как городов, так и караванов, но не брезгают наниматься на службу к любым частным лицам, платили бы золотишком.

Как обычно и бывает — в шатер никого не пустили. У входа околачивался и Калдор, и мужик с косичкой, и топором из таверны, и орк в тяжелых доспехах с пошловатым именем Шалилун, ну и, конечно, дед с восторженным Ослябей. К сожалению, больше желающих отправиться в проклятое поместье не нашлось. Всем сообщали о том, что Басим готов принять всех заинтересованных завтра в полдень.

— Слушайте славные жители и гости Анвила! — орал во все горло босой смуглый мальчишка. — Только сегодня. Только у нас. Великий заклинатель змей! Спешите не

пропустить. На главной городской площади состоится грандиозное событие.

— Городской площади?! — возмутился волшебник, отходя от шатра работорговца. — Это тот клочок вытоптанной земли, где вокруг стоит пара торговых лотков? Городская площадь. Да эту дыру с глиняными хибарами даже деревней назвать сложно.

— Да, милорд, эт вы верно. Вот у нас в Прудах...

Ослябя недоговорил, так как заметил людей за длинным глиняным забором. Они сидели в затылок друг к другу. Ноги их сковывали металлические кандалы. Ошейники соединялись между собой цепью. Таким образом каждый оказывался прикованным к сидящему спереди. Металл ранил плоть. Кровавые язвы чернели и гноились. Несмотря на сооруженный навес из потрепанных тканей, что хоть немного защищал от палящего солнца, пленные выглядели истощенными.

Паломник мгновенно стянул со спины дорожный мешок. В бурдюке еще плескалось немного воды. Ослябя намеревался перебраться через ограду, чтобы напоить последней водой хотя бы самых ослабевших, но резкий удар справа свалил его в песок. Мамелюк, в черном кожаном нагруднике, приставил лезвие алебарды к горлу парня.

— Стоять! — заорал волшебник, оказавшись рядом.

Стражник тут же перевел оружие в сторону старика. Ворон низко кружил над головами и истошно каркал. Казалось, он вот-вот спикирует в лицо мамелюку. Волшебник, блеснув золотой монетой на солнце, успокоил стража и поспешно отвел Ослябю в сторону.

— За что заковали этих людей, милорд? — тяжело дыша, паломник отряхивался от пыли.

— Они товар. Рабы.

— Нехорошо это. Чтобы человека вот так запросто продали.

— А тебя там в Прудах продать не могли что ли? — усмехнулся Эразм. — Тебя и сейчас небось помещик ищет, а как найдет — выпорет. А после захочет, так в шахты какие-нибудь отправит. Так ведь?

Ослябя нахмурился.

— Все равно. Эсмей призвала меня избавить Сулифу от зла. Стало быть, надо этих несчастных спасти, куда сил хватит.

— Да будет тебе известно, мы еще не в Сулифском Халифате. Стоит ли тратить время на то, чтобы искоренять зло не там, где тебе богиня завещала? Более того — этих несчастных скоро поведут с караваном в Муфтарак, а этот город уже территория государства мертвых, — волшебник указательным пальцем почёсывал горло ворона, сидящего на плече. — Там и завет Эсмей действовать начнет и возможностей для освобождения пленённых больше. А тут парочка мамелюков тебя зарубят алебардами при попытке через ограду перемахнуть. Вот и считай, что завет богини провален.

— Хм, — Ослябя почесал затылок, сдвинув набекрень ватный подшлемник. — А ведь и то правда. Вот вы умный, милорд, не зря такую толстенную книгу с собой таскаете.

Эразм машинально схватил рукой сумку, висевшую через плечо, проверив на месте ли гримуар.

— Много ты замечаешь, Ослябя. Не вздумай еще кому-то о книге сказать. Понял?! — гневный взгляд пронзил паломника.

— Конечно, милорд, я — могила! — радостно воскликнул парень, предвкушая возможность рассказать еще одну историю. — Я ж, когда мальцом бывал, нас, детишек крестьянских стало быть, старый дед Антось тайком грамоте обучал. Он при храме

прислуживал. Даточный человек, вернулся калекой из заграничных военных походов лорда нашего. Детишек любил — страх как. Он нам игрушки из полenceв строгал, сказки и истории рассказывал, ну и на всеобщем читать поучивал. Не, не то чтобы мне сильно нравилось учиться грамоте, но я к Антосю часто бегал, послушать про войну или жизнь в дальних странах.

— Ну и к чему эта душещипательная история?

— Так я ж не закончил, милорд! Настоятель наш говаривал, мол, нечего деревенщинам головы забивать обучениями всякими. Надо слово божие заучить, да как с плугом обращаться, а остальное ни к чему простому люду. Потому Антосю здорово попадало, если кто до настоятеля доносил о посиделках наших. Так вот я никому не говорил, даже матушке.

Эразм промолчал и, указав посохом направление, зашагал к месту представления.

Глава II. Сомнительная компания

— А ты кто такая? — Калдор недоумевающе уставился на девушку в рваных мешковатых одеждах.

Черноволосая казалась красивой даже под слоем грязи. Длинные ресницы, пухлые губки и щечки. Забитый, но чарующий взгляд. Дрессировщик словно почувствовал что-то.

— Чего молчишь? — он присел на корточки, чтобы заглянуть ей в лицо. — Как тебя зовут? — парень ласково улыбнулся и положил серебряник в протянутую руку.

Девушка с недоверием посмотрела на собеседника, но сжала кулак.

— Спасибо, господин.

— Ну же, — Калдор нежно дотронулся до ее подбородка, — кто ты, красавица?

Красавица больше ничего не отвечала, только понурила взгляд и дрожала от страха всем телом, прижимая к себе уродливую куклу, сшитую из мешковины. Заклинатель смутился. Может ее пугал клыкастый ящер, а может двусмысленное поведение мужика с серебряной монетой. В любом случае, Калдор решил сначала разузнать о ней побольше. Девчушка как раз просила милостыню возле трактира, а всем известна старая как мир истина — если хочешь что-то узнать, то просто спроси трактирщика.

Трактирщик отвечал нехотя, юлил, но серебряник упавший в кувшин, который тот вытирал серой тряпкой, сделал свое дело.

— Шахриет ее кличут. Только имя она и вспомнила.

— У девушки потеря памяти? — Калдор отхлебнул наваристого душистого чая с жасмином из пиалы.

— Ну я ж про то и говорю, уважаемый. Нашли ее несколько месяцев назад в пустыне. На пути в оазис Глаз Ящера. Без сознания обнаружилась. Одежда вся разодрана, лицо и колени разбиты, а из имущества только кукла убогая. Видно бандиты поизмывались, развлеклись. Старуха Ададь была уверена, что понесет девка. Непонятно говорит, сколько шакалов ее попользовало, но обошлось. Ничего она так и не вспомнила, ни родни, ни места где жила.

— И что? Никто не пристроил?

— Куда пристроить-то? В жены порченную не возьмут, в гарем тоже. Хотя гарем у нас разве что у Басима, — трактирщик досадно вздохнул. — В борделе ей место, хотя в Анвиле с такими заведениями туго. Прибьют ее, наверное, ну или в рабыни Басим возьмет, потом продаст где-нибудь в Сулифе. Повезло дуре, красивая, в шлюхи пойдет, а не на корм вурдалакам.

Калдор был не из тех, кто легко расстается с деньгами, к тому же, они подходили к концу. Но странное, незнакомое чувство, поселившееся в нем после рассказа трактирщика, подмывало сделать хотя бы что-то для девушки. Он вспомнил собственных родителей, потерянных в раннем детстве. Отец, разорившийся таморский дворянин, продав бандитам информацию о торговых путях, скоропостижно скончался из-за перерезанного горла после совершения сделки. Мать слегла в горячке и больше не встала. Имущество ушло с молотка, а малец, благо дворянских кровей, отправился в путь к дальним родственникам. По иронии судьбы, караван ограбила та самая банда, которую навел убитый папаша, а мальчишка сбежал и пристроился к бродячему цирку, где овладел искусством заклинать зубастых чешуйчатых тварей.

Выйдя из трактира, дрессировщик с тоской посмотрел на попрошайку. Та жадно грызла

лепешку, сидя на лавке у торгового прилавка. Мужчина торговец, носящий роскошный белый тюрбан, брезгливо поглядывал на нее и отпускал пошлые шутки.

— Уважаемый, есть ли женская одежда? — Калдор разглядывал прилавок, оставив ящера позади.

— Конечно, дорогой! — торговец радостно развел руки в стороны. — Есть черные и коричневые абайя, — он указал на платья с длинными подолами и рукавами, — есть еще серые, синие и белые хиджабы. Платье отдам за пять медяков, а вот хиджаб меньше чем за семь не рассчитывай.

— А-а... А что там размер какой-то имеется?

— Размер? А на какую красавицу о, сын щедрости, одежды присматриваешь?

— Да вон, — Калдор указал взглядом на Шахриет, — на ту.

— Э-э-э! Ты что?! Для шлюхи наряды выбираешь?

— А что? Проблемы? — Калдор понизил голос. Ящер, словно почувствовал опасность и через мгновение скалился на торгаша у ноги хозяина.

— Вай! Что за чудище на меня натравил?! — торговец схватился за рукоять скимитара, висевшего на поясе.

— Спокойно. Спокойно, — рука дрессировщика легла на голову зверя. — Я всего лишь куплю одежду и уйду. Деньги ведь не пахнут, верно?

— Тогда серебряник за абайя и полтора за хиджаб.

— С чего это цена возросла?!

— Начальная цена для порядочных женщин, а потаскухам цены выше.

Дрессировщик злился, но ничего не стал предпринимать. Стража находилась совсем рядом, да и провалить задание атамана из-за уличной девки верх идиотизма. Расплатившись с торгашом, Калдор отдал девушке одежды, сунул в ладонь еще один серебряник и собирался уходить, но она удержала его за руку.

— Пожалуйста, молю вас, не оставляйте меня тут, — она с надеждой смотрела на парня.

— Прости, красавица, дела не ждут. Переоденься и найди себе работу. Вроде бы в трактире требовалась прислуга, — улыбнувшись, он подмигнул.

Одинокая слеза скатилась по щеке Шахриет. На мгновение ей показалось, что кто-то разглядел в ней человека и, несмотря на всеобщее презрение, искренне хотел помочь, но добрый знакомый, успокоив чувство жалости, насвистывал веселую мелодию и удалялся прочь.

Широкоплечий, стоя в стороне, поглаживал лезвие двуручного топора и оглядывал собирающуюся толпу. Шалилун находился рядом. Орк закатил глаза и шептал молитву, видимо возносил восхваления божеству. Одному Асмодею известно, кому молился зеленоватый, кто вообще разбирается в орочьих богах? Узнать имя орочьего напарника, увы, тоже не представится возможным. Имена северян, не особенно запоминающиеся для жителей угасавшей Империи и южных земель, грубы и совершенно безвкусны. Чего уж говорить, даже орк называл светловолосого просто — Варвар. А тот, казалось, совсем и не против.

До имени Варвару совершенно не было дела. Его заботил наказ вождя племени — добыть великий трофей. Именно поэтому он и отправился в столь далекий путь, в надежде встретить в землях Сулифы поистине страшную тварь, которую незамедлительно требовалось отделить от головы. Для добытой башки в дорожном мешке имелся

специальный порошок, практически останавливающий гниение. Вот бы кровожадный охотник удивился, когда какой-нибудь имперец предложил бы использовать порошок для тела самого Варвара, чтобы убить исходивший от него ядреный запах недельного пота.

Эразм грубо расталкивал зевак дорожным посохом, намереваясь поближе подобраться к заклинателю змей. Ослябя покорно шел следом, с опаской поглядывая на черную птицу, сидевшую на плече хозяина и пронзавшую паломника холодным взглядом.

Представление начиналось. Босой мальчишка стоял на пустой бочке и кричал во все горло приветствия и похвалы мастеру, с трудом справляясь с гомоном толпы. Собрался весь Анвил. Подобные события редко происходили, да и вообще какие-либо события, поэтому даже кочующие бедуины и жители ближайших оазисов прибыли в деревню. На площади кипела торговля. Странствующие торговцы, отважившиеся забраться так далеко, на перебой горланили о преимуществах и исключительных качествах продаваемого товара.

Басим ибн Факир восседал на небольшом, но позволяющем смотреть поверх голов, помосте. За его спиной стоял суровый на вид мамелюк. Он держал руки на двух скимитарах, висевших на поясе. Лицо закрывала черная маска, но глаза сверкали и пронизывали толпу. Поверх черной кандуры, длинной до щиколоток рубахи, мамелюк носил кожаный доспех, традиционного для братства черного цвета. На груди красовалось изображение белых перекрещенных кривых мечей. Голову стражника обвивал длинный платок, закрывая лоб и шею. Походил он скорее на ассасина из гильдии Харисидов, чем на телохранителя, но все же, являлся капитаном отряда мамелюков, что нанял Басим. Отличить капитана от обычного стражника позволял лишь черный, но отделанный золотым узором бишт, представлявший собой длинную просторную накидку, наброшенную на плечи поверх кожаного нагрудника.

Сухой старик, в выцветшем сером халате, оглядел собравшихся. Он сделал три поклона и опустился на маленькую подушечку среди множества соломенных корзин, поджав под себя ноги. Босой мальчишка преподнёс старику деревянную дудочку. Заклинатель змей глубоко вздохнул и принялся играть простую мелодию. После долгого вдоха, его грудь совсем не двигалась, казалось, будто он перестал дышать, но мелодия становилась все настойчивее. Музыка грубела.

Вдруг крышка одной из корзин съехала на бок. Показалась светло-коричневая голова гадюки. Собравшиеся ахнули и отшатнулись. Местные называли этот вид змеи эфатой. На апахитском языке (коренных жителей пустынь и основного народа южных земель), «эфата» означало «воздух».

По рассыпающимся пескам эфата перемещалась особенным образом, сжимаясь и разжимаясь подобно пружине. Вначале рептилия выбрасывала вбок голову, затем туда же и слегка вперед выносила хвостовую часть тела, а следом подтягивала оставшуюся переднюю часть. Поскольку змея передвигалась боком, казалось, будто ее сносит ветром. Таморские ученые считали, что название родилось не только из-за необычного передвижения змеи. Эфата способна прыгнуть в высоту до одного метра, а в длину до трех. Мало кто из змей может преодолевать по воздуху такие расстояния.

Показавшаяся змея, на удивление собравшихся, не кинулась в лицо старика. Она замороженно смотрела на дудочку и грациозно извивалась под музыку. Через несколько секунд еще пять корзин остались без крышек. Заклинатель невозмутимо сидел вокруг танцующих рептилий и покачивал головой в такт.

— С каких пор каждого проходимца, что умудрился выдрессировать пресмыкающихся гадов, называют заклинателем?! — воскликнул Эразм, глядя на происходившее. — В

приличные времена — это звание могли носить только опытные маги. А что сейчас?

— Да ладно тебе, дедушка, — Ослябья добродушно улыбнулся. — Мне из змеюк только ужиков видать приходилось, да и те не танцевали.

— Останови предстоящую историю из Прудов! — лорд Пифарей поднял руку перед лицом паломника. — К Асмодею такие представления. Можешь развлекаться, а я отправляюсь спать.

Выступление заклинателя змей окончилось к сумеркам. Босой мальчишка резво накрыл корзины крышками и пробежался с протянутой рукой через толпу, собирая монеты от благодарных зрителей. Люди постепенно расходились. Ослябья тоже планировал отправиться к шатру Эразма, где ему выделен тюфяк у входа, набитый овечьей шерстью, но что-то задержало его. Странное чувство тревоги вдруг пронзило жилы. Паломник огляделся и заметил человека, скрывающегося за финиковой пальмой.

Этот тип прятал лицо под капюшоном, но, самое странное, он будто выжидал старика и босого мальчишку. Ослябья взгляделся в заклинателя змей и вздрогнул. От него веяло злом. Паломник словно почувствовал человеческую сущность, как будто видел старика насквозь. Холод пробежал по телу пробирающей дрожью.

— Эй, а ну отойди! — грубый голос Варвара, вывел Ослябью из оцепенения. — Дай дорогу двум славным товарищам, — загоготал здоровяк, обнимая орка за шею и отстраняя встречавшихся на пути топорищем.

Парень посторонился, но найти глазами заклинателя и человека в капюшоне смог не сразу. Они почти скрылись в узкой улочке между жилых лачуг. Лишь мальчуган стаскивал корзины со змеями к верблюду. Паломник поспешил к нему, дабы выяснить в чем дело. Не дойдя лишь пару шагов, Ослябья отпрыгнул от мальчика, словно увидел оскалившуюся змею.

— Вы чего это? — звякнуло лезвие извлекаемого из ножен кинжала. — Ограбить вздумали?!

Паломник поднял руки.

— И от тебя веет злом... — Ослябья сжал рукоять ржавого меча и бросился в подворотню за скрывшимися.

Обогнув несколько пальм, парень добрался до лачуг, но продолжить движение не смог. Проход перегораживал раптор. Динозавр рычал и перебирал когтями на передних конечностях. Вновь жизнь смелого паломника могла окончиться бесславно, но женский плач заставил Ослябью отступить и поспешить на помощь в другое место.

— Давай, держи эту тварь! — какой-то пьяный ашахит рвал подол платья на молодой девушке. — За руки хватай.

— Пожалуйста! Прошу!

Двое мужчин громко гоготали, затаскивая девицу за здание трактира. Местные выпивохи, что стояли у входа «Наследия Тамора», одобрительно посмеивались, отпуская похабные шутки.

— Умоляю!!! Отпустите меня! — девушка рыдала и яростно сопротивлялась, но это только раззадоривало нападавших.

Один из них ударил кричащую тыльной стороной ладони по лицу. Капли крови брызнули на песок.

— А ну заткнись, потаскуха! Думаешь можешь вот так запросто нацепить приличную одежду и работу ходить выпрашивать?! Сейчас покажем, где твое место.

— Ха-ха-ха, — второй залился хохотом и подхватил. — А заодно узнаешь, каким

местом работать должна!

— А ну-ка отпустите девицу, изверги, — Ослябя выхватил меч.

Двое, успевшие затащить Шахриет в темный переулок, медленно повернулись. Девушка тут же отползла в угол и сжалась в комок, прижав к себе уродливую куклу.

— Ба, мужик, ты оружие убрал бы.

— Да-да, а то порежешься, — поддержал напарника второй. Видимо, всегда только подхватывал и поддерживал.

Паломник чувствовал зло, исходившее от нападавших, но оно казалось каким-то совсем мелочным, не глубинным. Заклинатель змей совсем другое дело. В эту секунду Ослябя даже удивился. Эти два болвана, решившие надругаться над беззащитной, и даже тот странный человек в капюшоне, не источали столько злобы, сколько старик, играющий на дудочке для змей.

Парень хотел рассказать насильникам о том, как наказывают за подобные преступления в Прудах, но вспомнил, что наказание за такой проступок следует не всегда, а если и следует, то только для простолудинов. Ему на ум даже пришла история о сыне местного барона, который похищал и портил крестьянских невест прямо перед свадьбой.

— Не переживай, о, сын горячности, — продолжал уговаривать первый. — Девки на всех хватит. Давай, мы тебе даже уступим, — он нагло подмигнул.

— Уходите или, стало быть, защищайтесь!

— Значит не хочешь по-хорошему? — первый едва заметно качнул головой, глядя на второго. Напарник понял и начал медленно обходить внезапного защитника сбоку. — Слушай, разве это честно? У нас же оружия нет.

— А ведь и то верно, — усмехнулся Ослябя. — Я вас и без меча уделаю.

Лезвие влетело обратно в ножны, а кулак паломника в лицо подкрадывавшегося насильника. Удар оказался такой силы, что затрещали зубы, а нападавший тут же повалился без чувств. В два прыжка паломник оказался рядом с первым. Еще один удар в челюсть. Страшный хруст и падающее тело.

— Тьфу, зачем только за меч хватался. Хлюпкие, стало быть, — Ослябя пожал плечами, подошел к Шахриет и, уверенным легким движением, поставил ее на ноги. — Ты, девица, зачем по таким ме... — он обомлел.

Читатель мог бы подумать, что от неопишуемой красоты... Хотя Шахриет и с разбитым лицом казалась прекрасной, но Ослябя, открывший в себе незнакомый ранее дар, провалился в бездну черной, бесконечной и вязкой злобы. Такого он не чувствовал ни от кого. Его охватил ужас. Парень бросился прочь.

Мысли путались. Паломник не мог поверить, что зло, сокрытое в хрупкой девушке, в сто крат превосходит злость, которую приходилось видеть до этого. Насильники не дотягивали до собственной жертвы. Черная мелочность, царившая в них, не шла не в какое сравнение с той темной силой, что скрывалась в Шахриет. Именно тогда и именно Ослябя понял, что забитое безразличием и презрением создание, является в действительности чем-то страшным и разрушительным.

Парень вспомнил завет богини. Уж не это ли зло имела ввиду Эсмей? Но ведь девушка не совершила чего-то дурного. Скорее наоборот. И правильно ли он поступил, когда пресек недостойный и откровенно злой поступок, но тем самым защитил большее и, возможно в последствии, более разрушительное зло? И разве бывает так, чтобы слабый старик и беззащитная девушка оказывались более злы, чем те, кто стремиться причинить им

страдания и боль?

Эти вопросы путали мысли. Только под утро Ослябя смог найти шатер Эразма. Он с трудом пробрался внутрь и, повалившись без сил на тюфяк, забылся в тревожном сне.

Внезапно открывшийся дар мог бы показаться паломнику очень странным, если бы он знал всю правду о мотивах опасного путешествия, в которое отправился. Побег от помещика и паломничество — это чистая правда. Ослябя — крестьянский сын из Тамора. Он жил со старухой-матерью без отца (который умер скоропостижно и смиренно, как обычно умирают крестьяне), пахал землю и слыл в общем-то очень старательным работником, из-за чего у него всегда образовывались излишки хлеба после выплаты оброка. Обычно, если есть излишки, крестьяне могут продать их в город, но удивительная набожность Осляби постоянно толкала его на то, что все излишки он жертвовал или жрецам Эсмей, или ордену Рыцарей Меча, которые скупали хлеб, чтобы обеспечить строительство новых крепостей и замков в регионе. Из-за этого добряк всегда жил очень бедно и прослыл чудаком.

В Прудах паренек считался этаким восторженным простофилей, из-за чего над ним частенько подтрунивали. Однажды, пока он спал на выпасе, ему явилась сама богиня Эсмей, которая велела отправляться в Сулифу со священной миссией избавить этот край от зла. Она сказала, что озарение и благословение снизойдёт, когда Ослябя прибудет на место. На самом деле это оказалась не богиня, а очередная шутка со стороны сверстников. Но, увы, наш герой об этом и не догадывался.

После розыгрыша Ослябя покинул родную хату, простившись с матерью и заручившись её благословением. Учитывая, что он — единственный кормилец, парень прекрасно понимал, что фактически обрек самого близкого человека на голодную смерть или нищенское прозябание. Но, твердо верил, что светлые боги не оставят невинного человека без опеки, и его матери воздастся. Хотя бы после смерти, за её мучения.

Встреча в переулке, на которую паломника не пустил зубастый ящер, оказалась невероятно короткой, но весьма важной.

Старик что-то глянул на правом запястье Калдора и тут же вложил ему в руку запечатанное послание. Парень хотел поинтересоваться у заклинателя змей о его ремесле, но тот скрылся в тени. Никто из жителей Анвила не видел, как старик с мальчиком покинули город. Калдор, после беглого прочтения записки, попытался разыскать их следы, но ничего не нашёл. Утром он сжег полученное письмо в жаровне внутри шатра, покормил холоднокровную зверушку сырой бараньей ногой, а после задремал, намереваясь к полудню посетить Басима.

Полученное Калдором письмо, написанное лично атаманом Пустынных скорпионов Наилем аш-Шаммаром, содержало следующее:

Скорпион!

Братья говорят, что ты перспективный новобранец. Не многим удавалось заслужить рекомендации сразу нескольких капитанов. Что ж. Я не привык доверять словам. Докажешь полезность на деле и можешь рассчитывать на скорое продвижение и щедрую награду.

Соглядатаи сообщают о странных слухах, будто бы в Анвиле может находиться сердце Блудного Халифа. Наверняка это всего лишь пустые разговоры. Но проверить стоит. Если клан завладеет такой вещицей, то баланс сил может измениться. Наступают времена, когда нам пора выходить из тени. С весомым козырем Пустынные скорпионы откроют путь в города, а может и завладеют ими.

Мы стражи песков. Хозяева безжалостной пустыни. Но в городах нашего влияния нет.

Мамелюки прочно там обосновались. Эти жалкие трусы вечно жмутся поближе к огню, когда в ночи оказываются среди песков. Нельзя упустить шанс доказать всему Сулифскому Халифату, что мы не просто бандиты, а грозная сила, с которой нужно считаться.

Выясни все, что сможешь и, если слухи подтвердятся, то сделай все, что должен. Когда появятся новости, незамедлительно отправляйся в Муфтарак. Скоро из Анвила пойдет караван, следуй вместе с ним, так безопаснее. Если в пути на караван нападут, то держись в стороне, наши братья тебя не тронут. Постарайся передать им всю информацию. В случае, если дело с нападением не выгорит, в Муфтараке найди заклинателя огня. Покажи знак.

Будь начеку, повсюду шпики. Если мы узнали об артефакте, то значит про него знают и другие. И помни: «Бери все, что можешь забрать и не позволяй никому это отнять!»

Удачи, Скорпион. Пусть пески хранят тебя!

Атаман Наиль аш-Шаммар.

К скорпионам Калдор попал совершенно случайно. Он нанялся охранять торговые караваны, что ходили в Эль-Эменталь из Ошиосской Империи. Когда-то, в борьбе за независимость от Тамора, Ошиосс смог объединить южные земли, состоящие из Ошиосской Империи, Сулифского Халифата и Ашахитского Султаната, отделенного от соседей морем. Но, когда угроза со стороны Таморской Империи перестала существовать, началась борьба за власть, в том числе духовную.

Между Сулифой и Ошиоссом происходили постоянные военные столкновения. В Сулифском Халифате процветало новое вероучение, отрекающееся от старых ашахитских богов и традиций. Но что более непримиримо, восхваляющее некротические изыскания, — поиск вечной жизни в материальном мире, неукоснительное следование собственным желаниям, а также всевозможное потребление излишеств и материальных благ.

Правящий ныне в Ошиоссе принц Захир Алый, прозванный в народе Алым Принцем за реки пролитой крови, поклялся на могилах предков, что продолжит священное дело и искоренит заразу из диких земель Сулифы. К слову, Ошиосская Империя также забывала старых богов и древние традиции ашахитов. Многовековое влияние Тамора не могло не сказаться на ошиосской аристократии, которая начала подражать «более цивилизованному миру».

Можно сказать, что в войне сильно страдали некоторые торговцы и ремесленники, связанные друг с другом экономически. Из одной страны в другую шел контрабандистский путь. Требовался перевалочный пункт, где был бы возможен обмен одних товаров на другие. Если бы не разруха, царившая в Анвиле, то он вполне мог претендовать на это звание, но севернее находилось куда более удобное и надежное место.

Большая крепость. Бывший опорный пункт легионов Тамора с огромными запасами воды и населением, которое не стремилось поддерживать ни Сулифу, ни Ошиосс. Город находился прямо на стыке границ враждующих государств. Он то и стал своеобразным черным рынком. Так и назывался: на сулифский манер — Аль-Базар ("место встречи", "рынок", "публичное место"), или на ошиосский — Эль-Эментум ("место, где торгуют") или в шутку Эль-Эменталь, что означает "безумие", потому что центральной властью обеих стран контрабанда жёстко каралась.

Поскольку больше всего пострадала коммерция, связанная с созданием или призывом экстрапланарных существ, именно эти дельцы чаще всего стали обращаться к незаконному пути решения проблем. С тех пор некоторых призванных экстрапланарных существ даже так и называют — элементами.

В ту пору в Ошиосской Империи гуляло стандартное пожелание "удачной торговли", которое можно было интерпретировать и как пожелание "удачного пути до Эль-Эменталья". В такой путь и отправился Калдор с зубастым питомцем, охраняя караван с магическими эссенциями и порошками. Пустынные скорпионы во всю хозяйничали в песках вокруг вольного города. Потому нападение на очередной караван не оказалось чем-то необычным.

Надо отдать должное владельцу каравана. Торговец пожалел денег, чтобы оплатить услуги мамелюков, потому нанял различный сброд, что имел при себе оружие. В итоге, при малейшем намеке на ограбление, охранники ретировались куда подальше. Калдор же обнажил скимитар и остался.

До сражения дело не дошло. Торговец сдал товар без боя и, выпросив у скорпионов одного верблюда и бурдюк с водой, отбыл в направлении Эль-Эменталья. Бандитов впечатлила храбрость молодого человека, к ноге которого жался зубастый ящер, способный перекусить эту ногу без особых усилий. Поскольку перспектива умереть под палящим солнцем без воды не прельщала Калдора, он прибил к банде.

После он поучаствовал в нескольких стычках со стражей вольного города, сражался с небольшим отрядом мамелюков и совершил несколько налетов на бедуинские стоянки. Когда же атаману потребовался предприимчивый и никому неизвестный боец, то из ближайших к Анвилу банд, лучше Калдора на эту роль никто не подходил.

Вообще, о Пустынных скорпионах известно ровно столько же, сколько и о мамелюках. То есть почти ничего. Зато слухи и легенды разносятся от оазиса к оазису, повергая торговцев в ужас, девиц в беспамятство, а сорванцов в восторг.

Их называют стражами песков и хозяевами безжалостной пустыни. Никто не ориентируется в песках лучше, чем Пустынные скорпионы, никто не выживет там, где выживет скорпион. Когда-то небольшая банда промышляла разбоем на торговые караваны. Но со временем крепла, разрасталась и занимала все новые уголки пустыни. Сейчас ни один путник не может чувствовать себя в безопасности, когда выходит за пределы охраняемого поселения. Если его не прикончит нежить или дикие звери — он падет от руки Пустынных скорпионов. Говорят, что у них повсюду соглядатаи и скупщики. Ведь сбывают же куда-то награбленное.

К полудню Ослябя с трудом разлепил глаза. Ужасно хотелось пить. Он приподнялся и нащупал на полу кожаный бурдюк. В воздухе витали ароматы затхлости и пота, но паломника это совсем не смущало. Зато смущало лорда Пифарей. Эразм сидел за столом и заучивал что-то из гримуара, положив его перед собой.

— Проспался? — не отрываясь от чтения начал волшебник. — Где ты так нажрался, что приполз только под утро?

— Нет, дедушка. Я не пил.

— Дедушка твой под коровой подох.

— То отец, милорд.

— Рад за них обоих, — Эразм безразлично зевнул. — Сбегай-ка ты до оазиса, набери себе пару ведер воды и омойся, а то несет как от скотины.

Ослябя медленно потянулся. Вчерашняя тревожность прошла и, осушив половину бурдюка, парень чувствовал голод.

— А чего эт вы, милорд, там бубните? — паломник поднялся и принялся разминать ноги.

— Вспоминаю формулы заклинаний. Я ж тебе не чародей какой-нибудь.

— А что, дедушка? — Ослябя принялся вертеть корпусом. — Чародеи не учат ничего?

— Чародеям магия от рождения дается, они ее из себя черпают.

— Это как так? Из себя? — парень удивленно уставился на Эразма.

— А так! Выродки они, вот как. Ошибки природы, — волшебник отстранился от книги, чувствуя, как накатывает волна раздражения. — Я изучаю магию с детства. Прикладываю к этому огромный труд. А тут бац! Какую-нибудь проститутку обрюхатил демон, джин или еще какая-нибудь тварь магическая, и вот на свет появляется выскочка, наделенный небывалыми магическими силами. То, над чем мне приходилось корпеть годами — это недоразумение получает просто потому, что его мамаша спит с кем попало.

— Так может она дитя тьмы... — Ослябя вдруг оставил зарядку и задумался.

Волшебник, невольный тем, что его тираду прервали, испепеляюще глянул на парня.

— Чего ты там бормочешь?!

— Да девчонка эта, с куклой. Зло в ней великое. Я ж как глянул... Словно в бездну черную провалился.

— Куда ты там ей глянул? — Эразм смутился.

— Да в душу заглянул, дедушка. Я ж вчера, словно нутро глядеть научился. Сразу зло чувствую, сильное оно или нет.

— На солнце перегрелся что ли?

— Да нет же! — Ослябя вдруг сорвался с места и припал к ногам волшебника. — Вот вам крест, милорд, — он принялся крестить грудь старика, выполняя обыденный ритуал последователей Эсмей, символом которой являлся меч с массивной гардой, обрамленной солнечным кругом.

— А ну-ка успокойся, — лорд Пифарей с трудом отстранился от парня. — На, вина выпей, да расскажи все по порядку.

Паломник выпил предложенное одним глотком и затараторил о произошедшем, заодно вспомнил историю о ведьме, которую в Прудах сжег настоятель храма.

— Ладно, решим проблему Басима, обеспечим себе место в караване, а потом глянем, что там за девица такая.

— Так, а магия-то, милорд? Научите?

— Хех, — Брюзгливый усмехнулся. — Раз тебе Эсмей силу дала, о чем я еще сомневаюсь, она и дальше проявляться будет, а там уже и посмотрим. Может паре фокусов тебя обучить и получится.

Солнце достигло верхней кульминации. Жара усиливалась, и жители Анвила оставляли работу, чтобы укрыться под навесами или насладиться прохладой оазиса, спрятавшись под тенью пальм. Басим, ожидая соискателей, расположился на подушках под цветастым навесом. Рабыни зажгли ароматические лампы и принялись обхаживать господина.

Слегка горьковатый, но тонкий и нежный запах жасмина ласкал обоняние. Одна из девушек, одетая в синий полупрозрачный шелк, нежно разминала маслом жирные ступни. Другая активно работала опахалом из павлиньего хвоста. Еще две танцевали, неприлично поглаживая друг друга. Торговец попивал из золотого кубка и с трудом боролся со сном.

Четыре мамелюка стояли с каждой стороны навеса, держа алебарды наготове. Только их капитан полулежал на подушках недалеко от Басима и выпускал из легких густой дым, затягиваясь из кальянной трубки. Его лицо оказалось открыто. Многим женщинам он показался бы привлекательным. Восточный шарм, присущий ашахитам, дополненный карими глазами и густой черной бородкой.

Капитан разглядывал прелести рабынь, видневшиеся под шелком. Девушки в ответ игриво улыбались, стреляли глазками и тихонько посмеивались.

— Господин, — один из стражников вдруг вырвал торговца из дремоты. — Прибыли желающие.

Басим небрежно махнул рукой, позволяя мамелюку привести гостей. Первыми появились здоровяки. Зеленоватый Шалилун и Варвар. Почти одновременно с ними прибыл и Калдор, завесив ящера черной накидкой. Зверюгу к Басиму не пустили, но стражники указали хозяину на динозавра. Торговец одобрительно качнул головой.

— Говорят, ты предлагаешь славную работу, — грубым голосом начал Варвар, откинув светлую косу за спину.

— У тебя голубые глаза и светлая кожа, странник. Вижу, ты не таморец, — медленно начал Басим, отхлёбывая вино из кубка после каждой фразы. — Откуда ты прибыл?

— Я с Севера. Из клана Железнобоких.

— Железнобокие? — Басим с удивлением глянул на капитана мамелюков, но тот даже не повел бровью. — Далек же тебя занесло.

— Да. Я ищу трофеи, достойные мужчины и воина, — северянин поднял подбородок, но торговец уже разглядывал орка.

Шалилун нервно переминался с ноги на ногу. Капли пота стекали по спине и щекотали, но кольчуга ограничивала движения и возможности воздействия на кожу. Орк не мог почесаться и это очень сильно его беспокоило. Он перекинул через плечо массивный двуручный меч, убранный в грубые, низкокачественные кожаные ножны, и, подергивая рукой, пытался почесать спину гардой.

Его пепельные волосы блестели от пота. Черная лента, вплетенная в длинную косу, на манер той, что носил Варвар, развивалась от легкого ветерка. Два ее конца, спускавшиеся до середины бедер, легонько хлопали стоявшего рядом здоровяка.

— А орки, кажется, сражаются с северянами? — Басим потребовал от рабыни долить вина, подождав ее указательным пальцем.

— Шалилун убивать — нежить. Шалилун не убивать — Варвар, — на ломаном всеобщем языке, фактически таморском, выдавил из себя орк.

— А-ха-ха. Тогда тебе понравится в пустынях Сулифы. Посмотрим, может возьму тебя в охрану каравана.

Орк одобрительно кивнул. Только вот понял ли он что-то из сказанного, так и останется загадкой.

Калдор впечатлил Басима зверушкой. Пока работорговец выяснял подробности и возможности холоднокровной твари, мамелюк привел следующих соискателей.

— Так-так, — торгош скептически оглядел прибывшую парочку. — Это что? Дедушка привел внука?

Ослябя, как и полагается, в стеганке, подшлемнике с ржавым мечом глуповато улыбался. Эразм же, оделся просто, но строго. Синяя кардура и синий платок, обмотанный вокруг головы. В руках волшебник держал обычный дорожный посох, на верхушке которого восседал черный ворон. На среднем пальце правой руки красовался перстень с изображением воинствующего грифона, гербом дома Пифарей.

— Никто из этих, — Эразм презрительно глянул на собравшихся, — ничего не смыслит в проклятиях. Максимум, что они могут снять, так это портки перед тем, как сходить помочиться.

— А ну, дед, рот закрой! — Варвар поднял топор на плечо и занял угрожающую стойку.

Мамелюки тут же оказались возле Басима и ошетинились алебардами. Девушки поспешили за их спины. Только лишь капитан мамелюков с интересом наблюдал за происходящим, хорошенько затянув дым в легкие.

Орк, глядя на напарника, стянул меч с плеча, но обнажать не стал. Видимо, волшебник еще не совсем внешне напоминал нежить. Калдор предпочел отойти подальше, поближе к ящере, а Ослябя загородил собой лорда Пифарей и сверлил северянина суровым взглядом.

— Ого, да ты оказывается речь человеческую понимаешь? А я думал, что ты как тот зеленый увалень, только глазами хлопать умеешь.

Орк недоумевающе вертел головой, пытаясь уловить смысл или хотя бы парочку известных слов.

Варвар взревел. Занеся топор, он кинулся на волшебника, намереваясь сначала раскроить череп Ослябе, стоящему на пути. Паломник не мешкая выхватил меч и приготовился зайти нападавшему в ноги, чтобы сбить того с траектории движения. Но в этот момент Эразм едва заметно двинул пальцами на левой руке. Веревки, которые удерживали навес в натянутом состоянии, вдруг сорвались с места. Мгновение и северянгрифонаин лежал лицом на ковре у ног Осляби полностью связанный.

Ткань, укрывающая от солнца, упала в песок, оставив деревянный каркас пустым. Солнце ослепило всех, кроме волшебника. Ворон взмыл в воздух с криками: «Конча-а-а-й его! Конча-а-а-й его!». Паломник шурясь убрал меч в ножны.

— А-ха-ха-ха, — Басим залился в звонком смехе, похлопывая в ладоши. Складки его живота потряхивало. — Колдун! Отлично. Вы наняты. Все наняты!

Орк продолжал стоять с открытым ртом. Эразм улыбнувшись кивнул Басиму и, совершив манипуляцию пальцами, освободил железного. Веревка покорно скрутилась в бухту у его ног. Варвар поднялся. Гневный взгляд испепелял Ослябя и лорда Пифарей, но северянин все же склонил голову в знак уважения.

— Колдовское мастерство и возраст я уважаю, — медленно начал он. — Согласен идти в бой с колдуном и его слугой.

Ослябя хотел возразить, что не слуга, но ворон приземлился прямо на плечо парня и заорал в ухо: «Дура-а-а-к!». Паломник дернулся и согнал наглую птицу.

— А почему же ты не отправишь кого-то из собственной стражи? — поинтересовался Эразм.

— Вокруг города полно разных тварей, от бандитов до нечисти. У меня едва хватает людей, чтобы обеспечивать безопасность товара, — Басим шлепнул рабыню в синем шелке по ягодице, подавая знак, что пора за работу. — Впрочем, с вами отправится мой человек.

— Какие условия сделки? — вмешался Калдор, подошедший ближе, как только стражники опустили алебарды. Его очень даже интересовало золото, но и получить место в караване при успешном выполнении задания, оказалось бы весьма кстати. Да и зацепок по искомому артефакту обнаружить не удавалось. Прикинув, что слова «проклятие» и «артефакт» вполне могут иметь какую-то связь, дрессировщик начал действовать.

— О, сразу видно деловую хватку, — работороговец улыбнулся и громко отхлебнул из кубка. — По двадцать золотых монет каждому, если разберетесь с проклятием. Плюс трофеи, которые сможете найти ваши, кроме одной вещи. Ее из ваших находок выберет мой человек.

— Что это за вещь? — напрягся скорпион.

— Кто знает... Я оставляю за собой право на один трофей. А каким он будет, решит мое доверенное лицо. Это справедливо. Все по древним ашахитским обычаям.

— Иронично, — буркнул Эразм. — Ни одного ашахита из нанятых тобой людей для этой работы. А, — волшебник брезгливо глянул на Шалилуна, — и орк еще.

— Ха-ха-ха. Да, о, отец мудрости, но ашахит все же будет. — Торговец указал рукой на поднимающегося на ноги капитана стражи.

— Можете называть меня Нахиор, — мягкий и располагающий голос вырвался из уст капитана. Он сложил руки на рукояти скимитаров, висевших на поясе. — Не ждите, что я сделаю всю работу за вас. Я лишь прослежу за вашей честностью и прикрою спины, если придется. Большого не ждите.

— Договорились, — лорд Пифарей кивнул. — Но моему спутнику тоже полагается равная доля. Пусть выглядит он весьма... хм... непрезентабельно, но силы в нем много, да и с мечом управляться умеет.

— Да будет так. Снимете проклятие — золото получит каждый. И даже ты, Нахиор.

— Премного благодарен, господин, — капитан мамелюков нехотя склонился. — Но, если хотим успеть до начала песчаной бури, необходимо выдвигаться немедленно. Вас больше никто не задерживает. Подробности о поместье я расскажу вам в пути. А теперь торопитесь. Жду вас у восточного выхода.

Глава III. Бери все, что можешь забрать

О скором начале бури Нахиор не соврал. Ветер усиливался. Жители Анвила и близлежащих оазисов прятали все, что может сгинуть в песчаной мгле. Даже собак и куриц загоняли в укрытия или дома.

— Не лучше ли нам выйти, когда буря затихнет? — Варвар с опаской глядел на облако пыли, что приближалось к городу с юга.

— У нас мало времени. Басим торопит меня вывести караван завтра к вечеру, — нехотя ответил Нахиор укрывая лицо под маской. — Тем более, до поместья минут двадцать ходу. Оно еще способно укрыть от ветра и песка. Разрушен только второй этаж, а перекрытия и стены первого в порядке.

— Тогда поторопимся, — Эразм укрыл лицо шарфом и посадил ворона в дорожную сумку, которую Ослябя накинул на плечо.

— Стойте! — отчаянный женский крик раздался за спинами приключенцев. — Не оставляйте меня тут. Я прошу вас. Умоляю... — Шахриет впиалась в ноги Калдора, размазывая слезы по его дорожным штанам.

— Это еще что за девка? — волшебник посмотрел на Ослябю.

Паломник отступил на шаг и перекрестил себя знаком Эсмей.

— Та самая, милорд... сущее зло.

— А ну не задерживать! — рявкнул Нахиор на ходу.

— Ну прости, красавица, — Калдор ласково ей улыбнулся. — Обожди меня в трактире, потом займись тобой, — он сунул в руку девушки серебряник и поспешил догнать остальных, оставив Шахриет на коленях посреди пустынной тропы, ведущей из Анвила.

Пока герои добирались до поместья, пытаясь обогнать ветер, перемешанный с пылью и песком, капитан мамелюков рассказал историю поместья аль-Гази. Само собой, не все, что знал. Но, справедливости ради, Нахиор тоже не имел в арсенале всей правды.

Шейх Ахмад аль-Гази пропал вместе с женой примерно сто лет назад. Это общеизвестный факт, который даже Шалилун смог осознать. Куда исчез шейх, так никто и не выяснил. Тогда шли ожесточенные бои между Сулифой и Ошиоссом, поэтому пропажа провинциального аристократа, который долго тянул с выбором стороны, никого не заинтересовала. Только лишь люди Блудного Халифа согноли жителей Анвила, способных держать в руках меч, под сулифские знамена.

Ходили легенды, что Ахмада умертвил сам Кадир Блудный, превратив в нежить. При этом надругался над женой шейха, а после отдал ее солдатам. Но, без сомнений поверить в эту историю мог разве что Шалилун, который, уловив слово «нежить», перестал слушать, принявшись неистово молиться орочьим богам, воздев к небу двуручник.

В день исчезновения аль-Гази, молния ударила в крышу фамильного дома шейха, в следствии чего полностью выгорел второй этаж. Только начавшийся ливень спас остатки поместья. Слуги, избежавшие рекрутчины, разбежались, а знаменитые анвильские виноградники захирели. Говорят, что в мире еще можно встретить несколько закупоренных кувшинов вина аль-Гази. За такую редкость ценители готовы платить баснословные суммы.

Почти сто лет о поместье никто не вспоминал. Местные старались обходить его стороной. Поверье, гласило, что призрак жены шейха до сих пор бродит вокруг дома, высасывая жизненную силу из каждого, кто приближался достаточно близко. Впрочем,

никто не смог бы вспомнить случай, когда незатейливый путник попадал под гнев нечистой силы. До недавнего времени. Несколько месяцев назад действительно начались пропажи людей и животных.

Местный пастух, упустивший из виду отару овец, оказался первой жертвой. Скотина, сбежавшая к проклятому дому, исчезла вместе с догоняющим ее пастухом. После пропали братья овцепаса, которые также поспешили к бывшему поместью аль-Гази в поисках родственника. Больше на поиски никто не отважился, но в трактире каждый пьяница рассказывал, что собственными глазами видел одинокую парящую в воздухе бабу с изуродованным лицом и неестественно вывернутыми ляжками.

Поскольку в добрые намерения Басима о защите местного простонародья никто не поверил бы, Нахиор поведал о том, что работоровец устал жить в шатре и желает собственное, величественное поместье. О столетней переписке контрабандистов Эль-Эменталья, попавшей к торгашу, капитан мамелюков умолчал. Но, внезапно появившееся проклятие настораживало даже его.

Как не старались герои идти быстрее, буря все же настигла их возле поместья. Видимость стремительно ухудшалась. Ураганный ветер поднял в воздух песок и мелкие камни. Всё вокруг потемнело. Крохотные частицы пыли резали лицо и глаза, а песок и камушки колотили открытые участки тела. Хуже всех приходилось Ослябе, не захватившему с собой никаких платков или масок. Он мог бы и вовсе задохнуться, но Эразм поделился с ним запасным шарфом.

— Нужно срочно найти укрытие! — крикнул волшебник. — Идти в такой мгле безумие!

— Нет! Поместье уже рядом, — прижимая черный платок к лицу, ответил мамелюк.

Видимость составляла не более четырех метров, но Нахиор уверенно шагал вперед. Буря ревела, а песок забивал все, куда мог проникнуть, любую складку одежды, любое отверстие в дорожном мешке или сумке. Калдор шел немного в стороне, но успевал следить не только за направлением, а еще и за капитаном мамелюков. Никогда он не видел врага, который также как скорпионы, с легкостью переносит бурю.

Проклятый дом действительно оказался рядом. Варвар облегченно выдохнул, когда коснулся рукой деревянной стены. Авантюристы укрылись за подветренной стороной поместья и смогли немного перевести дух.

— Очень плохо, — заключил северянин. — Из-за бури не получится провести разведку.

Нахиор кивнул.

Старая вывеска, надписи на которой уже невозможно прочесть, пронзительно скрипела, раскачиваясь на ржавых цепях.

— Вот, главный вход где-то здесь, — крикнул мамелюк, заметив ее.

Приключенцы, прижимаясь спинами к стене, медленно продвигались. Заглянуть в окна не получалось, они оказались достаточно высокими. К тому же, заляпаны глиной и песком.

Ослябя услышал едва различимый скулеж, с трудом пробивавшийся между порывами ветра.

— Я слышу, как воет призрак!

— Ветер это, — Эразм строго глянул на паломника.

— Нет, там что-то есть! — Калдор выхватил скимитар и отдал команду ящери.

Динозавр зарычал и медленно стал продвигаться к небольшому камню, лежащему рядом со скрипучей вывеской. Ослябя ринулся вперед. Варвар, вскинув топор, тоже обогнал зубастого питомца. Нахиор и орк нашли, наконец, двери в главный вестибюль и принялись

выламывать одну из створок. Только лишь Эразм со скучающим видом прятал лицо под шарфом и размышлял о возможной природе проклятия.

Подбежав к камню, за которым притаился призрак, Ослябя отпрыгнул, словно действительно увидел приведение. Он сбил северянина и оба повалились в песок, увлекаемые ветром. Калдор, который в момент атаки паломника прибавил в скорости, с ходу налетел на товарищей и повалился сверху.

— Идиоты, — волшебник покачал головой и скрылся в дверном проеме за мамелюком и орком, укрываясь от ветра и пыли.

Через несколько минут внутрь влетел запыхавшийся паломник, держа на руках тело, завернутое в дорожный плащ Калдора. Горе-напарники ввалились в поместье следом. Пока Варвар прилаживал остатки выломанной двери на место, приключенцы обступили Ослябю.

— Зажгите лампу, — посоветовал Нахиор.

— Да, точно, — поддержал северянин и тут же смутился. — Только у меня нет лампы.

— Что никто не взял лампу?

Калдор усмехнулся и принялся шарить в дорожном мешке, который ловко скинул с плеча. Он молча достал факел, присел на корточки и начал шаркать кресалом по кремнию, держа их над факелом, зажатым между коленей.

Волшебник, наблюдавший как компаньоны несуразно столпились у выхода, где хоть-какой свет проникал через щели, тяжело вздохнул: «О, эта авантюра обещает быть интересной.»

Эразм вытянул указательный палец. С него сорвался маленький огонек, устремившийся к Калдору. Факел неожиданно вспыхнул и полетел на пол. Все шарахнулись от яркой вспышки. Все, кроме Осляби. Он сидел на коленях и, зажмурился, держал на руках обмякшее тело, неистово тараторя молитву за молитвой.

Калдор поднял выпавший факел и оглядел комнату. Тусклый свет играл по обугленным перекрытиям потолка. Паутина затянула все верхние углы, а песок устилал пол ковром. Помещение оказалось достаточно просторным и когда-то служило парадной залой. Справа от входа находилась добротная деревянная вешалка, украшенная сказочной резьбой, изображавшей диковинных зверей. На ней парочка запыленных и порванных плащей все еще дожидались хозяев. Прямо от входных дверей располагался каменный камин, встречавший непрошенных гостей холодной, безжизненной топкой. Старый клавесин, стоявший недалеко от камина, оказался единственной достопримечательностью, но разглядеть его из-за недостатка света не получалось.

— Хватит на нее молиться, — Калдор легонько толкнул Ослябю в бок носком сапога. — Давай, клади ее на пол, проверим, дышит или нет.

— Колдун! Как эта девка добралась сюда раньше нас?! — воскликнул железнобокий, уставившись на волшебника.

Эразм скривился и заглянул в лицо Шахриет. Девушка что-то несвязно бормотала синими губами. Плащ закрывал ее разорванные одежды, но крови Брюзливый не заметил.

— Что она там шепчет?

— Ей х-х-холодно, милорд, — Ослябя с ужасом смотрел на девушку.

— А кажется, что тебе.

— Оставьте ее, — Нахиор озирался по сторонам. — Она не смогла бы нас обогнать, тем более в буре. Решим эту проблему после.

— А вдруг она как-то связана с проклятием? — Калдор машинально положил руку на

голову ящера, что жался к нему, словно дворняга.

— Тогда тем более нужно осмотреться. А то... — мамелюка прервал бешенный крик, раздавшийся за спиной Осябли.

— Прокля-я-ятье! Прокля-я-ятье! Умре-е-ете!

Паломник подскочил словно ошпаренный. С девушкой на руках он принялся скакать и вертеться во все стороны. В тот момент все схватились за оружие, даже Нахиор. Только волшебник в очередной раз хлопнул себя ладонью по лбу. Решительно подойдя к Осябле, он открыл мешок и выпустил бесновавшуюся птицу на волю. Перья полетели во все стороны. Ворон перестал угрожать собравшимся и, сев под потолком на одно из деревянных перекрытий, сверлил героев ненавистным взглядом.

Шахриет аккуратно уложили на пол и принялись искать дополнительные источники огня.

— И что, факел только один? — Эразм всплеснул руками и тяжело вздохнул. — Вы серьезно?

Волшебник прошептал формулу и лезвие меча Шалилуна загорелось голубым светом. Орк вскрикнул и бросил оружие на пол, чуть не зашибив при этом дрессировщика, торопливо рыскающего в дорожном мешке.

— Проклятье атаковать! — завопил он. — Шалилун проклят!

— Тебя еще в материнской утробе прокляли, осел! — лорд Пифарей, уставший вздыхать и лупить себя по лбу, молча проделал тоже самое с оружием Варвара и Калдора. Теперь можно было разглядеть даже толстый слой пыли, что покрывала клавиесин словно скатерть.

Неожиданно одна из клавиш музыкального инструмента вдавилась. Раздался пронзительный звон. Все вздрогнули. Даже у Эразма пробежала дрожь по спине. Следом сыграла еще одна клавиша. Потом еще. Еще и еще. Клавиесин играл, словно невидимый музыкант решил исполнить жуткую симфонию. Расстроенный инструмент издавал дребезжащие, тоскливые звуки. Ревел как раненный зверь. Приключенцы остолбенели.

— Призрак! — заорал Шалилун и бросился в атаку.

Он одним махом перевернул деревянный каркас и принялся топтать его ногами. Отломил ножки, вырвал все внутренние механизмы. Клавиесин молчал, но орк продолжал крушить.

— Нужно разжечь камин, — Осябля выхватил факел у Калдора и принялся свободной рукой загребать разбросанные части музыкального инструмента.

Железнобокий, поняв замысел, принялся помогать. Через несколько минут в очаге затрещало сухое дерево. Орк все продолжал доламывать дорогостоящую вещь, бормоча при этом понятные только ему и, видимо, его богу, молитвы. Шахриет расположили ближе к огню и дополнительно укутали в плащи, найденные в комнате.

Калдор и Эразм уже осматривали соседние помещения, расположенные справа и слева от парадной.

Комната справа оказалась столовой с большим столом по центру комнаты. Старинная паутина связала между собой стулья. Два больших окна совершенно не пропускали свет. Копоть и песок превратили их в чернеющие квадраты. Дрессировщик осторожно ступал по старым доскам, озираясь по сторонам. Раптор шел следом, надувая ноздри. Зверь крался бесшумнее хозяина, хотя и имел на лапах длинные когти.

Заметив, что слой пыли покрывал не всю поверхность стола, дрессировщик насторожился. В дальнем углу лежало несколько листов пергамента и стояла чернильница.

Один из стульев сдвинут. Калдор обогнул стол и крался мимо окон. Огромное зеркало попало в поле зрения героя. Заклинатель ящеров посмотрел на отражение и замер.

Он постарел. Его лицо увядало с каждой секундой. Отражение умирало и рассыпалось в прах. Калдор в ужасе отшатнулся и принялся судорожно ощупывать себя. Сзади раздались тяжелые шаги. Доски на полу заскрипели. Казалось, что кто-то невидимый шел по комнате к зеркалу. Ящер, тоже услышавший звуки, резко развернулся, но не оскалился. Только усиленно вдыхал спертый воздух, старясь учуять добычу. Хозяин же выхвалил меч и бросился на пустоту с намерением нащупать лезвием непрошенного гостя.

Волшебник спокойно оглядывал кабинет владельца. Как показалось лорду Пифарей, тут глава рода аль-Гази принимал посетителей. Когда-то изысканная мебель потускнела, а мозаика, украшающая стены, облупилась. В углу находился запыленный книжный шкаф, а рядом с ним изящный столик с двумя стульями. На столике красовалась шахматная доска с вырезанными из нефрита и мрамора фигурами.

— Не уж то те самые шахматы? — Эразм улыбнулся.

Вдруг одна из черных пешек двинулась. Волшебник почувствовал магию. Он узнал заклинание, что использовали на фигурах, но не подал вида. Вместо этого, Брюзгливый вошел в азарт. Заняв место у белых фигур, лорд Пифарей двинул пешку.

Ослябя молился. Он просил прощения у Эсмей, за очередное спасение девчонки. Просил прощения, что помогает ей согреться и прийти в чувства. Парень не мог поступить иначе. Пусть в ней течет зло, но ничего дурного девушка не совершала. Зато была слабой и беззащитной, а матушка учила, что слабым и беззащитным всегда нужно помогать. В конечном итоге, борьба со злом заключается и в совершении добрых поступков.

Слева от камина располагалась дверь в темный коридор. Варвар, стоя в проходе прислушался. Детский плач раздавался где-то в глубине.

— Ты тоже это слышишь? — Нахиор вынул скимитар.

— Да. Похоже, что там ребенок.

— Ребенок? — Ослябя поднялся с колен. — Мы должны немедленно ему помочь.

— Больно уж это похоже на ловушку.

— И то правда, мастер Нахиор, но, если дитя погибнет из-за нашей трусости, нет мне прощения, — паломник решительно шагнул к проходу.

— Постой, а что с девчонкой?

— Шалилун за ней присмотреть. Шалилун охранять.

Орк поднял светящийся меч и встал над лежащей без чувств девушкой. Озноб проходил, и она перестала бредить. Языки пламени отражались на ее бледном, измученном лице. В отблеске огня Шахриет казалась еще прекраснее.

Отважная тройца оказалась в середине коридора. Один его конец оканчивался винтовой лестницей, ведущей на второй этаж. Оттуда падал слабый свет закатного солнца. Второй оказался темным. Там и плакал ребенок, всхлипывая и крича, словно от ужаса.

Прощупывая всю комнату лезвием скимитара, дрессировщик выбился из сил. Тревожность понемногу затухала. Калдор, наконец, добрался до предметов на столе. Развернув сложенный пергамент, он пробежал глазами по строчкам и улыбнулся. Из комнаты в другую часть дома вела еще одна дверь. В этот самый момент, за ней раздались детские всхлипывания. А после — заклинатель ящеров услышал осторожные шаги. Зверюга оскалилась и заняла боевую стойку, но хозяин успокоил зверя и притаился.

Спешившие на звуки, прошли мимо темного помещения, отделенного от коридора

перегородкой. Ослябя успел заметить еще один камин и стоящую мебель, но осматривать комнату герои не стали. В конце ожидало еще три двери. Одна вела прямо, две другие располагались по бокам от нее.

— Тихо! Нужно прове... — Нахиор не успел договорить.

Из правой двери выскочил Калдор, занеся над головой скимитар. Мамелюк успел не только увернуться от удара, но и поставить внезапному противнику подножку. Дрессировщик полетел дальше. Ослябя и Варвар замешкались. Коридор оказался узким, и в линию с трудом помещалось три человека. А наши герои выросли весьма габаритными. Снова все трое повалились друг на друга, но в этот раз, паломника прижали к стенке.

— Проклятье! — завопил северянин и, отшвырнув Калдора, вошел в комнату, где раздавался плач.

Остальные завалились следом. Помещение представляло собой кухню и имело еще один выход наружу, который полностью зарос виноградной лозой. Иссушенная виноградная лоза проросла из бывших знаменитых виноградников аль-Гази. Она покрывала пол, стены и часть потолка. Приходилось перешагивать, чтобы не наступить на сухие, но неестественно толстые стебли растения.

— Так и знал, что тут пусто, — северянин остановился в середине кухни и принялся рассматривать большую каменную печь.

— Вот там, — паломник указал мечом направление, — видать спуск в подвал.

Калдор осматривал комнату из коридора. Уж слишком подозрительно выглядело растение. Он часто бывал на виноградниках в детстве и никогда не видел ничего подобного.

— Оно движется! — закричал дрессировщик, и оказался первым, кто угодил в захват лозы.

Один из отростков схватил его за ноги и повалил на землю. Ящер тут же вцепился в него зубами. Все, кто находился на кухне, попали в ловушку. Лоза обвивала тела и постепенно увеличивала давление. Ослябя висел вниз головой. Отросток поднял его к потолку. Железнобокого и Нахиора прижало к стене.

Паломник сумел выхватить меч и, напрягая мускулы, принялся рубить вцепившийся в ногу конец. Щепки летели во все стороны.

— Сме-е-ерть! Сме-е-ерть! — внезапно ворон влетел в комнату. Лоза пыталась схватить птицу, но та резво меняла направление и смогла выбраться наружу.

У северянина оказалась свободной одна рука. Он махал топором из стороны в сторону, но, заметив, что Нахиор полностью обездвижен, Варвар рубанул по основанию отростка, который удерживал союзника. Мамелюк, почувствовавший, что хватка растения ослабла, сбросил с себя стебель и принялся освобождать Железнобокого.

Ослябя шмякнулся на пол. Песок, что заметало сюда десятки лет, смягчил падение. Вскочив, парень бил мечом по бесновавшимся побегам и отступал к спуску в подвал.

— Шалилун спасти пастуха динозавра, — орк, с перекинутой через плечо девушкой, перерубил стебель, удерживающий Калдора.

Шахриет, все еще без сознания, висела вниз головой. Дрессировщик быстро поднялся и занял оборону у двери в кухню, к которой пробивались Варвар и Нахиор.

— Куда?! — мамелюк кричал паломнику. — К коридору!

Но Ослябя не послушался. В подвале могло находиться беззащитное дитя, долг требовал рискнуть.

Пока Шалилун и Калдор удерживали проход, из двери слева показались двое

вооруженных. Мужчина и женщина. Их лица скрывали темные капюшоны, но агрессивные намерения казались очевидными. Первым удар принял орк. Отразив клинок, направленный в левый бок, он отступил дальше по коридору и поспешно сбросил с себя Шахриет. Она с грохотом бухнулась на пол, но в себя не пришла.

Рептилия бросилась на нападавшего и, зацепившись зубами за кисть свободной руки, дернула, сомкнув покрепче челюсти. Раздался хруст ломанных костей. Кровь брызнула на пол.

— А-а-а-а!!! А-а-а-а!!! — мужчина рухнул на колени. На его лице застыл ужас. Из культи обильно струилась кровь. Схватившись второй рукой у основания поврежденных тканей, раненный трясся и скулил.

Следующий выпад пришелся в горло. Тут ящер вовсе не напрягался. Укус и отступление. Поверженный хрипел. Горячие алые струйки фонтанировали из остатка горла и шеи. Это произошло так стремительно, что женщина не успела ничего сделать. Бой казался неравным, но смекалка часто помогает в бою надежнее меча.

Незнакомка сделала шаг назад. Динозавр приготовился к броску, но она внезапно взмахнула рукой, и красный порошок осыпал морду зверя. Ящер отскочил, начал чихать и бесноваться.

Калдор с трудом оттащил его за ремни, протянутые вдоль туловища для крепления различных поклаж. А после попытался протиснуть зубастого через дверь в столовую, где испугался отражения в зеркале.

Женщина атаковала орка, намереваясь проткнуть незащищенное горло острием рапиры. Заметив, что дрессировщик спешит на помощь, она снова отступила к комнате, из которой появилась. Тут ей самой пришлось уйти в оборону. Встав в проходе, незнакомка отбивала атаки упорно нападавшего на нее Калдора.

Эразм слышал крики и звуки боя. Даже видел то, что видел его ворон, но прервать партию в шахматы — преступление. К тому же, игрой он отвлекал того, кто пытался выдать себя за приведение. Противник оказался не особо искусен. Волшебник легко взял партию.

Сыграв белую пешку, Брюзгливый поставил слона к выдвинутой пешке черных, угрожая забрать правого от себя коня, в случае его хода. Соперник атаковал, намереваясь прогнать наглую фигуру. Волшебник отступил на шаг по диагонали, подведя слона к краю. Вышла третья черная пешка. Лорд сделал вид, что не заметил угрозы для слона и сыграл вторую белую пешку. Призрак без раздумий срубил белого слона, но тем самым лишь ослабил королевский фланг. Следующим ударом ферзь белых не оставил черному королю шанса на спасение.

Поставив мат, Эразм усмехнулся и, опираясь на посох, неспешно поднялся. Размяв затекшую спину, направился к кухне, поглядывая на потолок.

Орк и дрессировщик загнали женщину внутрь комнаты. Места для маневра не осталось. Пара кроватей, сундук и круглый стол, занимавшие почти все пространство, здорово затрудняли оборону. Незнакомка отчаянно сопротивлялась, но остановить рубящий удар двуручного меча не смогла. Шалилун разрубил ее голову на две части. Осколки костей, перемешанные с кровью и мозгами, осыпали доски на полу. Зеленоватый не остановился. Он продолжал рубить бездыханное тело, забрызгивая себя и все вокруг. Калдор с отвращением поморщился и оставил орка развлекаться.

Нахиор и Северянин с трудом пробивались в коридор. Лоза не отступала. Побег медленными шагами пробирался следом. Топор и скимитары шинковали стебли в щепки, но силы

начинали оставлять героев. Тут-то и появился Эразм.

— А ну разошлись! — грозно крикнул волшебник.

Едва союзники успели расступиться, как с ладони лорда Пифарей сорвался огненный луч. Яркая вспышка осветила коридор и присутствующие зажмурились, закрыв лицо руками. Впрочем, жаром их обдало неслабо. Побег затрещали, как высушенные дрова. Угольки сыпались во все стороны. Растение стремительно отступало, но волшебник продолжал идти и жечь. За его спиной приключенцы судорожно топтали и засыпали песком горящие остатки. Через пару минут все кончилось.

По комнате распространился запах горелого дерева. Калдор промывал морду зверя водой из бурдюка, заботливо протирая глаза чистой тряпицей. Варвар и Нахиор продолжали тушить обугленные стебли, а Эразм осматривал кухню.

— Где, Асмодей его дери, Ослябя? — волшебник выглянул на улицу.

— В подвале, — Нахиор махнул рукой на спуск в темноту.

— А что это за мужик с обглоданным горлом и обрубок руки? — лорд Пифарей подошел к Калдору. — Вижу твоя зверюга поужинала бедолагой.

— Тот бедолага еще легко отделался, — дрессировщик тщательно обтирал морду питомца, почесывая его, как кота, за шею. — А вот девка зря перцем в динозавра бросила. Он бы ее за пару секунд умертвил и успокоился. А вот наш зеленоватый друг до сих пор ее труп мечом молотит. Слышите? — Калдор поднял палец, призывая прислушаться.

— Р-а-а-а!!! Р-р-р-а-а-а! — орк ревел, словно бился с ордой нежити. — Туц. Туц. Туц, — лезвие, изрубив плоть, врезалось в сухие доски.

— Я не спрашивал об участии бедолаг. Я спросил, кто они такие?

— А, — дрессировщик вынул из-за пазухи пергамент, — вот. Если не встретим тут еще какую-нибудь бабу, то эту Тюльпан звать. И она тут вроде яблока раздора.

Эразм взял записку и пробежался по ней глазами.

— Так-так. Некий Ваиль, похоже, досаждал юной особе навязчивыми ухаживаниями. Причем, его конкурент Серпентес, видать местный главарь, этим фактом очень недоволен, — волшебник посмеивался. — Наказывал Ваилю оставить красотку в покое, пока она не сделает выбор между двумя ухажерами.

Калдор занес в комнату Шахриет. У нее текла кровь. Падая, девушка ударилась и рассекла правую бровь.

— Как бы то ни было, — отвечал он с опаской поглядывая в сторону орочьих криков, — наш зеленоватый друг их терзания прекратил. Теперь они даже не будут спорить, кто в последний раз дотронется до ее лица.

— Асмодей с ними. Нужно найти парнишку, — Брюзгливый направился к лестнице.

— Я с вами пойду. Не могу больше слушать, как этот бешенный орет и месит то, что осталось от девицы, — дрессировщик приказал ящеру охранять Шахриет.

— Идите, я с ней останусь, — Нахиор опустил на колени и промокнул платком начавшую запекаться кровь.

Варвар увязался следом. Волшебник наложил заклинание «свет» на собственный посох, заставив его светиться словно факел, и двинулся вниз по лестнице.

Подвал являлся небольшим винным погребом. Повеяло прохладой и плесенью. Старые амфоры, стоявшие на стеллажах, заволокло паутиной. Свежий труп гигантской крысы украшал центр помещения, а Ослябя орудовал лопатой в углу.

— Вот же мерзкая тварь, — Эразм брезгливо обошел мертвое животное.

— Это еще что! — весело начал дрессировщик. — Эта размером с собаку всего. Я видел как-то особь раза в два больше.

— Рад за тебя. А теперь помолчи, — волшебник подошел к паломнику. — Чего ты там копошишься?

— Не знаю, милорд, — Ослябя повернулся и вытер пот со лба. — Эта тварюга там скреблась чего-то, вот интересно стало, — он простодушно улыбнулся. — А дитяти, стало быть, не нашлось. Но оно и хорошо, а то эт животина проклятая загрызла бы мальчика, как пить дать.

— Дурак ты. Это все иллюзии. И клавесин, и ребенок, и остальное. Кто-то сильно не хочет, чтобы мы шастали по поместью.

— Еще один колдун? — северянин почесал затылок.

— А ты соображаешь, — Лорд Пифарей ухмыльнулся. — И прячется он наверху. Скорее всего подглядывает за нами через щели.

Пока герои обсуждали вероятный шок, в котором прибывал скрывающийся маг из-за вида растерзанной Тюльпан, в яме зашевелилась земля. То, что привлекло крысу, само стремилось на поверхность.

— Рука! — заорал Ослябя и сходу долбанул по костлявой кисти лопатой. Острие рассекло ее надвое.

— Оттуда сквозит некротической энергией, — заключил Эразм.

— Это мы и так видим, господин волшебник, — Калдор аккуратно подошел ближе.

Обрубок кисти продолжал извиваться. Древний скелет, погребенный под землей несколько десятков лет, пытался выбраться из могилы. Решили немного подкопать, чтобы добраться до черепашки и прекратить страдания неразумной нежити.

Варвар с радостью раскроил череп топором и с приподнятым настроением пошел наверх. Ослябя и Эразм следовали за ним. Только Калдор замешкался. Имел он редкое чутье, которое часто приводит авантюриста к диковинным вещам и сокровищам. Что-то почувствовалось и сейчас. Подняв лопату, он подкопал еще немного. Одежда на мертвце практически истлела. Ни кошелька, ни драгоценностей скорпион не обнаружил. Но, кое-что все же привлекло внимание.

Во второй руке скелет зажимал небольшой черный камень. Калдор может и не заметил его, если бы тот не блеснул от света, исходящего от скимитара, заколдованного волшебником. Камешек отливал бирюзой. Вспомнив традицию Пустынных скорпионов: «бери все, что можешь забрать и не позволяй никому это отнять», дрессировщик сунул находку в кошель, что висел на поясе, и поспешил к союзникам.

Орк вошел в кухню окровавленный с головы до пят. За ним тянулся жуткий алый след. Нахиор с отвращением смотрел на навязанного Басимом союзника, но чувства жалости к убитой не питал. Волшебник и, следовавшие за ним приключенцы, остановились в нерешительности. Шалилун вызывал у них опасения. Ослябя усиленно искал в нем зло, но не мог ничего нащупать. В душе орка царил хаос. Тьма, поглотившая его с головой, несколько минут назад, теперь сменилась радушием и желанием помогать союзникам.

Паломник не чувствовал выраженной злобы, но видел последствия страшного поступка собственными глазами. Ослябя выхватил меч. От неминуемого боя Шалилуна спасло, как это не парадоксально, другое мгновенное и неожиданное нападение. Молодой варан, но уже достаточно крупный, чтобы представлять опасность для человека или орка, атаковал зеленоватого сзади. Подкравшаяся ящерица, оцетинилась и разрядила в здоровяка несколько

ярких молний. Кольчуга, намокшая от пота и крови, значительно усилила эффект.

— Зеленоватого тюфяка знатно пробрало, — усмехнулся волшебник, когда обмякший Шалилун падал лицом вниз.

Герои приготовились к обороне, но нашелся хищник покрупнее. Раптор настиг добычу в три прыжка. Он прыгнул, вонзив когти в тело противника, и откусил тому голову. Раздался хруст пережевываемого черепа.

— Прекрасный хищник! — Варвар с восторгом глядел на зверя. — Достойный соперник. Редкий и мощный.

— Знал бы ты, как он разделал головуреза в коридоре, — гордо заявил появившийся из подвала Калдор. — Это самый опасный зверь в этих землях. Даже волки или львы не могут сравниться с ним в силе.

— Заткнитесь! — крикнул волшебник, резко выставив перед собой посох.

Стуток магической энергии, похожий на стрелу, ударил в него. Эразм успел наколдовать магический щит, который поглотил всю мощь заклинания. С потолка посыпался песок.

— Мерзкий фокусник проплакался, — бросил Эразм и отступил в укрытие подвального спуска.

— Живо! — Нахиор вылетел в коридор. — Наверх!

Через несколько секунд мамелюк уже скакал по ступеням винтовой лестницы. Луна хорошо освещала развалины второго этажа поместья. Некоторые стены, не успевшие разрушиться при пожаре, все еще могли укрывать от лишних глаз, но противник не прятался. Мужчина стоял во весь рост и также, как и предыдущие головурезы, скрывал лишь лицо, накинув на голову глубокий капюшон.

— В-в-вы чудовища! — со всхлипами выдавил он из себя. Вскинув руку, противник указал пальцем на Нахиора, появившегося наверху первым.

Мамелюк сделал пару шагов и встал как вкопанный, держа в руках обнаженные скимитары. На его лице застыла гневная гримаса.

— Чего встал?! — возмущенный Варвар с трудом обогнул союзника.

Вскинув топор, северянин оттолкнулся от поваленной деревянной балки. Он даже не сомневался, что разрубит незнакомца пополам, но противник заранее составил план обороны. С кистей рук, направленных в сторону железного, сорвалось две молнии. Удары пришлись в грудь летящего и изменили траекторию его падения в обратную сторону. Здоровяк, словно мешок, с грохотом рухнул.

Калдор, оставивший ящера с Шахриет, решил действовать более тонко. За спинами союзников, он прошмыгнул в сторону, укрываясь за развалинами. Поэтому Ослябя остался один на один с враждебным чародеем. Противник применил две волшебные стрелы, но паломник успел пригнуться. Стустки магии прошли над головой и скрылись во тьме.

До укрытия парень не успевал. Головорез приготовился к следующей атаке, но из щели, что оказалась аккурат между ног чародея, ударил бело-синий луч. Внезапный холод сковал мускулы и суставы. К сожалению, сопротивляемость к заклинаниям у некоторых видов чародеев в крови. Противник с трудом отошел и выпустил в щель волшебную стрелу.

Эразм отразил магию, но атаковать головуреза больше не мог. Зато мог подкравшейся сзади Калдор. Удар скимитара пришелся в ключицу. Дрессировщик не особенно хотел прикончить врага, но отчаявшийся и загнанный в угол чародей — опасная штука. Второй удар перерубил сонную артерию. Фонтанчик крови брызнул в сторону, а незнакомец,

зажимая горло рукой, жадно глотал ртом последний воздух.

— Так-так, что у нас тут... — дрессировщик срезал с пояса убитого кожаный кошелек.

За пазухой чародея заклинатель ящеров обнаружил свернутые пергаменты. Пока Ослябя приводил в чувство Варвара, Калдор изучил найденное.

— Да. Колдун оказался прав. Этот мужик, — дрессировщик легонько пнул тело, — и есть Ваиль. А та расчлененная женщина — наверняка Тюльпан.

— Для тебя... — Эразм тяжело дышал, поднявшись по лестнице, — милорд!

— Северянин, кажется жив, — паломник припал ухом к груди союзника.

— Тот зеленоватый душегуб, к сожалению, тоже, — волшебник обошел Нахиора и щелкнул пальцами у его лица. — Ступор. Дешевый фокус, но действенный.

— Вы его в чувство не приведете? — Калдор поднял бровь.

— Хватит на сегодня магии. Через пару минут сам оклемается, — лорд Пифарей подошел к дрессировщику. — Ну-ка, что там пишут? — Брюзгливый вырвал из рук парня пергамент.

Владелец зубастой твари не особенно расстроился по этому поводу. У него в руках осталась карта. Сокровища. Вот о чем он думал в те минуты. Если бы знал, к чему ведет этот клочок бумаги, то незамедлительно избавился от него, а заодно и от парочки присутствующих. Но. Все шло своим чередом.

— Ага, похоже, что Серпентес отправился за нашим общим другом Басимом, — Эразм пересказывал содержание письма. — Скоро стоит ждать гостей. Этот бандит, увещевал Ваиля дожидаться утра и не беспокоить Тюльпан.

— Эт верно! — вмешался Ослябя. — Мне мамка всегда говаривала: «Утро вечера мудренее». На вечерней заре и ночью людям положено соблюдать тишину, да в хате поживать.

— Нет... — Эразм хотел назвать паломника ослом, но на собственное удивление сдержался. — Серпентес пишет, что утром приведет пленного Басима. После они выпытают у него местонахождение сокровищницы, а потом скормят демону. Все любовные интриги предписано оставить на потом.

— Демону? — Ослябя обомлел. — Откуда ж тут демоны?

— Внизу. Справа от винтовой лестницы запертая дверь, думаю, что там.

— Так вот куда ведет этот люк в полу, — Калдор указал пальцем на металлический круг, закрытый на навесной замок.

В пылу боя лаз действительно никто не заметил, но дрессировщик заметил его сразу. Возможно, уже залез бы внутрь, если бы не замок.

Эразм покачал головой в знак согласия и поспешил вниз. До прихода гостей ему хотелось забрать шахматы и осмотреть книги, найденные в кабинете владельца. Он с разочарованием перебирал книгу за книгой. Одна все же заинтересовала волшебника. «Демонология аль-Гази» — гласила надпись на изношенной обложке.

— Такую я ранее не встречал... — Брюзгливый бубнил себе под нос. — Ого! Она еще и на демоническом языке. Давненько я не практиковался, — довольный Эразм сунул книгу в дорожный мешок. — Так, а это путеводитель по Сулифскому Халифату. Хм, тоже возьму.

— Милорд, — Ослябя появился в дверях, — Калдор кое-что нашел. Вы должны это видеть.

— Опять по лестнице? — волшебник сурово глянул на паломника. Тяжело вздохнув, Брюзгливый сунул мешок в руки парня и поплелся наверх.

Калдор показывал металлическую коробку пришедшим в себя Варвару и Нахиору.

— Тут встроенный замок, — пояснял дрессировщик, крутя находку в руках. — Нашел ее вон в тех завалах. Похоже, без отмычек не вскрыть.

— А ты умеешь орудовать отмычками? — Нахиор тер виски, мучаясь от головной боли, но не спускал глаз со шкатулки.

— Не, но, если подумать, то таких умельцев можно отыскать...

— Дай-ка сюда, — северянин выхватил найденный предмет, бросил его под ноги, и рубанул топором точно в край крышки.

Металл, достаточно толстый, немного погнулся, но замок раскололся.

— Опять писанина?! — скорпион разочаровано вынул сложенный пергамент. — О, тут печать какая-то.

— А ну руки прочь! — волшебник ударил посохом о пол.

Присутствующие обернулись. Ворон сидел на плече Эразма и зловеще глазел на людей.

— Про-о-очь! Про-о-очь! — заорала птица.

— Э, — Калдор поднял руки перед собой, — ладно-ладно. Все равно ничего интересного.

Брюзгливый осмотрел пергамент.

— Ястреб, окруженный виноградной лозой, — начал он. — Это фамильный герб аль-Гази. Думаю, что у нас в руках завещание последнего из рода. Если это так, то Ахмад мог завещать все имущество, а значит твой Басим не сможет официально стать владельцем этих земель. Если вообще останется жив после встречи с Серпентесем.

Нахиор усмехнулся.

— Что-то тебя не особенно заботит судьба хозяина, — вмешался Варвар.

— Эта свинья мне не хозяин! — отрезал мамелюк. — К тому же, мы прибыли сюда, чтобы разобраться с проклятием. Так что займитесь делом.

Волшебник сломал печать и развернул послание. Птица устроилась поудобнее и тоже уставилась в текст. Ослябя подошел поближе и глянул через плечо лорда. Пока он разбирал первые несколько слов, Эразм свернул пергамент.

— Ну все понятно. Скорее всего, кто-то из вас сегодня умрет в страшных муках, — Брюзгливый пожал плечами. — Хотя, я бы предпочел, чтобы умертвили зеленоватого. Он через чур мерзкий.

Глава IV. Охотники за приведениями

Шейх Ахмад аль-Гази не желал занимать сторону Блудного Халифа, но расположение Анвила у границ Сулифы не позволяло открыто выступить против. Предки шейха изучали мелких демонов, тех, чьи амбиции потворствовали заключать с ними выгодные для обеих сторон сделки. Семейная легенда гласила, что возвышению род обязан одному из таких договоров. Хотя с точки зрения аристократии Тамора, Эриндана или даже Ошиосса, возвышение аль-Гази выглядело весьма условно.

Ахмад слабо владел демоническим языком и оккультными знаниями. Изучая фамильные книги, он с трудом разобрался с ритуалом призыва Велизара, не понимая, что имеет дело с демоном лжи и коварства. Шейху требовалось средство, способное избавить его от угрозы со стороны Кадира Блудного. Демон предложил сделку. Подробности этого контракта не пояснялись в завещании Ахмада, но Велизар обещал сообщить о нахождении артефакта, который не просто позволял приобрести влияние на халифа, но и вовсе уничтожить его. Речь шла о забальзамированном сердце, вырезанном из груди Кадира братьями ордена Рыцарей Меча.

Этот, поистине, бесценный артефакт продавался на черном рынке, как сердце одной из ошиосских мумий. Демон вручил шейху свиток и требовал одного — прочесть его, когда урна с органом попадет к Ахмаду. Сулифское войско, что стояло лагерем недалеко от Анвила, сделало подозрительные условия привлекательными. В завещании глава рода аль-Гази признавался, что струсил, поэтому безоговорочно принял условия.

Жена шейха, красавица Наваль, не знала о договоре, который ее супруг подписал кровью. Ахмад, получив артефакт через контрабанду в Эль-Эментале, тянул с прочтением свитка, заперев тот в личном кабинете, где подолгу оставался один. Наваль тревожилась за мужа. Тот стал нервным, часами сидел у камина, погруженный в собственные думы, и постоянно пропадал в личной комнате, пропуская обеды и ужины.

Дождавшись, когда шейх отправится на виноградники, она, выкрыв ключи, проникла в кабинет. Там случайно обнаружила демонический свиток. А прочитав его, призвала отвратительное крылатое создание. Демона, тело которого покрывали язвы и нарывы. Его конечности выглядели, как закрученные ветки, а туловище и голова напоминали человеческие, но ссохшиеся и съежившиеся до размеров семилетнего ребенка.

Тварь укусила Наваль, от чего та впала в беспокойный сон. Вернувшийся Ахмад зарубил демона мечом, но помочь жене уже не мог. Шейх бился в бесплодных попытках снова призвать Велизара.

Через несколько дней, умирая в страшных муках, Наваль иссохла, словно цветок, оставленный на раскаленном камне в пустыне. Она превратилась в крылатое чудовище.

Завещав все, что останется, а вместе с тем фамильное имя и титул собственному бастарду, Ахмад поджег верхний этаж дома. Добравшись до личной комнаты, он заколотил дверь изнутри и отдался в объятия того, чем стала его жена. Шейх хотел сгореть вместе с тем, что осталось от Наваль и проклятым артефактом, но начавшаяся гроза потушила пламя.

— Я туда не полезу, — Калдор отшатнулся от открытого люка. — Давайте ломать дверь.

— Она заколочена изнутри. А начнешь ломать, так эти твари проснутся, — Варвар с отвращением смотрел на две фигуры, что лежали в темноте среди комнаты. — Колдун! Может что-нибудь наколдуешь?

Эразм вместе с Ослябей рыскал по завалам второго этажа.

— А вы тогда зачем нужны?! — раздраженно ответил он.

— Что вы там шарите? — дрессировщик аккуратно закрыл люк. — Я там уже все осмотрел...

— В завещании есть имя — Нуруддин из Муфтарака. Это видимо и есть тот самый бастард. А вот печатки с гербом аль-Гази в шкапулке точно не нашлось?

— Да точно! Я ж говорил. Зачем нам сдалось это кольцо?

— Если не понимаешь сам, то знать тебе не положено, — огрызнулся волшебник.

— Милорд, — голова Осляби показалась из-за завала. — Нету тут колечка, стало быть. Может я тихонько в люк слажу? Этот шейх его у себя мог оставить.

— А ведь и правда... — задумался Эразм. — Ну-ка, ты... укротитель рептилий. открывай люк.

Калдор нахмурился, но поднял металлическую крышку. Волшебник снял с плеча птицу и бросил ее внутрь. Ворон вспорхнул на стоящий среди кабинета шкаф и замер. Демоны не реагировали. Глаза Брюзгливого заволокло белой пленкой. Увидев это, приключенцы отступили на шаг.

— Твари накормлены, — вырвалось из уст Эразма. — Свежие обглоданные кости. Тела рубили на части, а потом сбрасывали в люк.

— Теперь понятно, куда делись пропавшие, — Нахиор поглаживал бороду.

— А зачем скидывать частями? — Варвар уселся на упавшую балку и приложился к бурдюку с водой.

— Чтобы не плодить этих тварей, — догадался Калдор. — Но зачем их вообще кормить, если те несколько десятков лет тут без еды сидели?

Ворон неожиданно выпорхнул из люка и улетел в темноту.

— Жуткая птица, — дрессировщик передернул плечами.

— Кормят их, чтобы те спали, — волшебник подал знак, и крышку люка закрыли. — Откуда по-вашему пошли слухи о проклятии? Эти твари отвратительно и пронзительно визжат.

— Это краперы, — мамелюк взял из рук северянина бурдюк и приложился.

— Все верно. Неразумные демонические создания. Ими движет лишь инстинкт размножения. Голода, как такового, они не испытывают. Профессор Альбин Окрофунт, декан факультета демонологии и прочих оккультных наук Королевского Университета в Эриндане, исследуя краперов, писал, что те очень падки на свежее мясо. Оно для них вроде болотной травы.

— Наркотик? — заулыбался дрессировщик. — Там зеленоватый как раз мяса нарубил...

Калдор погладил ящера по голове и запустил в комнату, где висело большое зеркало. Через несколько минут затащил туда труп убитого в коридоре головореза и оставил зубастого ужинать. Сам же направился в помещение, где Шалилун изрубил несчастную женщину.

Кровь залила деревянный пол. Орочьи следы тянулись от центра комнаты к выходу. Остатки тела валялись практически везде. Обезумевший орк разбрасывал их вокруг. Осматривать куски дрессировщик побрезговал, хотя жалел, что не обшарил убитую сразу. Его внимание приковывал сундук, стоящий между двумя кроватями. Калдор прокрался вдоль стены, чтобы не запачкать сапоги и запустил руки в ларь.

Нашел несколько чистых дорожный халатов и плащей, а также натертую бараньим

салом кольчугу и конический шлем с кольчужной защитой шеи. Раздосадованный заклинатель ящеров выволок находки в кухню.

— Вот, тебе как раз подойдет, — он бросил найденное рядом с Ослябей.

— Доспехи! — обрадовался паломник и принялся примерять подарки.

Эразм сидел возле Шахриет и что-то шептал.

— Она в бреду, — медленно начал Брюзгливый, отстраняясь от девушки. — Не знаю, что с ней приключилось, но определенно у девчонки есть магические способности. Природа их мне не ясна.

Северянин пытался привести в чувство орка. Он лил воду тому на лицо. В конце концов, зеленоватый очухался.

— Голова болеть... — с досадой произнес Шалилун, поднимаясь на ноги.

— Вот и хорошо, — Нахиор нетерпеливо топтался, поглядывая в коридор. — Вы вдвоем сможете сломать дверь, если что-то пойдет не так, и зажмете тварей в тиски.

— А ты уверен, что стоит одевать паренька в кольчугу? — спросил Варвар глядя на облачающегося Ослябю. — Он будет греметь.

— Те твари кусаются, словно львы. Так хоть какая-то защита.

— Да я тихонько! — ухмылялся паломник. — У меня в Прудах, стало быть, соседский пес живет. Ох и злющая животино. Старик Ждан его с цепи спускал. Ну, когда я с пахоты шел. Так вот приходилось тихонько огородом пробираться, через репу. Да осторожно надо, а то можно и псину приманить и посев потоптать. Так что я как мышка. Вшуть, — Ослябя махнул рукой, — и в раз пробегу.

— Это за что он тебя? — спросил Калдор. — Кобелем-то?

— Не знаю, — паренек пожал плечами. — Боялся, стало быть, что я к его дочкам бегаю. У него ж их десяток был, не меньше.

— Плодовитость соседа обсудите после! — Эразм направился к выходу. — Готовь веревку, да динозавра с собой захвати.

— Не, толку-то от него? В люк все равно не спустится. Лучше пускай северянина прикроет.

Через несколько минут приключенцы заняли условленные позиции. Железнобокий и орк, под прикрытием раптора, ожидали команды на прорыв вниз, а Калдор, под присмотром мамелюка и волшебника, обвязывал Ослябю веревкой.

— Сейчас, — дрессировщик отбежал в сторону и перекинул край веревки через лежащую балку. — Так проще спускаться. Даже сам справлюсь.

Эразм, заметивший у люка окровавленный мешок, отодвинул его от края посохом.

— Да я на всякий, — Калдор стыдливо усмехнулся. — Мало ли, вдруг зверушек подкормить придется, чтоб уснули.

— В случае, если они почуют жертву, то твое мясо не поможет. Сначала выполняют предназначение, а потом уже жрать начнут.

Дрессировщик пожал плечами и промолчал. Он намотал веревку на руку и подал знак, что готов. Ослябя тихонько откинул крышку и, опираясь на руки, опустил вниз. Калдор с трудом удерживал его, но справлялся.

Оказавшись в кабинете, паломник осторожно достал меч и крался к ближайшему демону. Зажечь оружие с помощью заклинания не решились. Велика вероятность, что твари проснутся. Поэтому лишь лунный свет, падающий в комнату через люк, немного рассеивал тьму.

Краперы мирно сопели, свернувшись калачиком и укутавшись крыльями. Паломник наступил на валявшийся среди костей череп и не удержал равновесие. Он надавил стертой подошвой сапога на ближайшего демона. Тот вскочил, пытаясь взлететь, но Ослябя рубанул его мечом. Лезвие просвистело и отрубило твари часть крыла. Пронзительный вой оглушил всех. Демон выл так сильно, что паломник почувствовал боль в ушах. Завопила и вторая тварь. Парень оказался дезориентирован. Перед глазами все поплыло. Он махал оружием перед собой и отступал в сторону люка к стене.

Послышались удары топора по двери. Эразм наколдовал «свет» на меч паломника, но это уже не могло ему помочь. Демоны, закончив ор, бросились в атаку. Впервые за сто лет рядом с ними оказалось живое существо. Инстинкт размножения брал верх.

Справа наступала тварь с целым крылом. Она попыталась вцепиться в горло, но в последний момент парень опустил голову, и клыки демона скребнули по металлу шлема. Второй, оставшийся без крыла, не мог достать до шеи. Он пытался взлететь, судорожно махая крыльями, но только подпрыгивал и заливал пол черной кровью. Демон нацелился в ноги. Его челюсть увеличилась в размерах, но вонзить клыки в плоть не удалось. Волшебник использовал заклинание «магический доспех», известное непосвященным, как «дубовая кожа». Зубы монстра отскочили от колена парня, словно от камня.

— Р-а-а-а! Р-а-а-а! Р-а-а-а! — орал Шалилун вбегая по винтовой лестнице наверх.

Он держал над головой меч, словно стремился рубануть первого, кто попадет на пути. Стоявшие у люка расступились. Зеленоватый не обратил на них никакого внимания. Орк опустился на колени и продолжал рычать на демонов, потрясая оружием, просунутым в отверстие. Калдор и Эразм переглянулись. Дрессировщик осторожно подкрался и подтолкнул Шалилуна подошвой сапога.

Пролетев три метра, здоровяк распластался, придавив собой демонов. Варвар смог сломать дверь и без помощи. Щепки полетели в разные стороны, когда тот врезался в нее всем весом. Раненый монстр, выполз из-под орка и ринулся на северянина. Тот пинком повалил наступавшую тварь и всадил в нее лезвие топора. Удар оказался такой силы, что оружие застряло в полу.

Зеленоватый поднялся и вертел головой из стороны в сторону, пытаясь обнаружить врага. Ослябя заметил, что второй демон взлетает, но побоялся задеть орка и потому не ударил. Тварь намеревалась вылететь в открытый люк, где, Калдор и Нахиор приготовили скимитары, но вновь холонокровный хищник внес свою лепту. К огромному восторгу северянина, ящер оттолкнулся и в прыжке схватил челюстями летящего крапера. Приземлившись, раптор бросил тварь на пол и придавил ногой, выпустив когти. Паломник, оттолкнул орка и с разбега пригвоздил монстра к доскам, проткнув тому черепушку.

Пока Нахиор и Эразм спускались вниз по лестнице, Калдор ловко съехал по веревке и принялся осматривать комнату, не обращая внимания на союзников.

— Хм. Разный хлам. Ничего существенного нет, — расстроено произнес дрессировщик, высыпая на пол содержимое столетнего мешка.

— А чего ты тут ожидал увидеть? — Варвар отрубил одному из краперов голову и принялся посыпать ее порошком.

— Да-а-а теперь уже и не важно, — заклинатель ящеров опустил глаза. — Хе-хе. Решил засолить на черный день?

— Трофей, — северянин насадил башку на крюк. — Осталось добыть лошадь и приторочить к седлу.

— Эт по всему выходит, проклятие снято, — радостный Ослябя присел на одно из стоящих кресел. — Теперь, стало быть, можно и за наградой.

Нахиор и Эразм появились в проходе.

— Вы, видимо, забыли, что уничтожили не всех, — мамелюк принялся осматривать шкаф. — К утру ожидается еще один похититель местных. А с ним и ваш наниматель.

— Хм, а ведь и то верно... — паломник запустил мизинец в ушную раковину. — Глушат тварюги знатно. Звенит и звенит.

Эразм со скучающим видом подошел к одному из демонов. Он отрезал палец трупа кинжалом и стянул с него кольцо.

— Тут было что-то кроме хлама? — Нахиор пристально оглядел приключенцев.

— Да не, — Калдор махнул рукой. — А мы что-то определенное ищем?

Мамелюк медлил с ответом. Он метался от шкафа к столу, от стола к комоду. Переворачивал старые ткани, выбрасывал на пол книги и сохранившуюся письменную утварь.

— Ладно. До утра еще есть несколько часов, — северянин обнял орка за шею. — Мы с Шалилуном пойдем к камину, да вздремнем.

Они не успели выйти. Из открытого люка с грохотом упало тело мертвого чародея. Все замерли от неожиданности. Труп едва слышно рычал и медленно поднимался на ноги.

— Мертвяк?! — ошалело выпалил дрессировщик.

Лицо чародея оставалось перекошенным от предсмертной гримасы. Тусклые безжизненные глаза смотрели куда-то мимо приключенцев, но бледнеющие руки тянулись к сидевшему на кресле Ослябе. Паломник, заметив это, вскочил и рубанул мертвеца по голове. Кусочки мозга вылетели из развалившегося черепа. Взгляд мгновенно потух и тело рухнуло на пол.

— Умер дважды, — равнодушно произнес железнобокий и потянул орка дальше.

В коридоре шатаясь ковылял еще один восставший. Тот самый, которого доедал ящер. Лохмотья разорванной клыками плоти свисали и болтались. Мертвец заметил живых и прибавил шаг, но шел все также неуклюже.

— Шалилун прибыл, чтобы рубить нежить, — на удивление спокойно произнес орк и снял с плеча меч.

За два шага он оказался рядом с противником. Тяжелый удар пришелся в левую ключицу и отсек руку вместе с плечевым суставом.

— Ар-ра! — заорал зеленоватый. — Во славу Горга!

Мертвец будто и не заметил отсутствия второй руки. Немного качнувшись, он выпрямился и попытался укунить орка. Тот увернулся и рубанул по шее. Голова слетела на пол. Зеленоватый пнул не успевшее свалиться туловище. Перешагнул его и отправился к камину.

Башка мертвеца продолжала рычать и хватать зубами воздух. Варвар опустил на нее топор и пошел за товарищем.

— Ну... хотя бы беспокоиться о том, что девка восстанет в виде нежити не нужно, — Калдор выглядывал в коридор.

— Милорд... — Ослябя осматривал труп чародея. — Это конец света?

— Нет. В Сулифе множество подобной нежити, — на этот раз волшебник занял кресло. Вытянул уставшие ноги и зевнул.

— Но она никогда не восстает просто так... — Нахиор с досадой окончил

бессмысленный поиск. Нахмурившись, он глянул на труп и отправился за двоицей здоровяков.

Пожалуй, только Эразм догадался в чем заключалось дело. Он чувствовал, откуда исходит источник некротической магии, но предпочел молчать. Не то, чтобы он желал сохранить что-то в секрете, ему, в силу характера, было все равно. Ну, а в силу возраста хотелось спать. Поэтому, захватив паломника, он пошел за остальными, намереваясь найти местечко поудобнее и дождаться утра.

Только Калдор медлил. Снова обострилось чутье. Где-то в комнате пряталось то, что он искал. Дождавшись, пока останется один, он еще раз осмотрел каждый угол и прощупал стены. Удача улыбнулась и в этот раз. Урна с сердцем Кадира Блудного покоилась за стеновой панелью, прикрытой платяным шкафом. Аккуратно подцепив ее кинжалом, дрессировщик бесшумно извлек из ниши небольшой сосуд. Обернув урну несколькими слоями найденной тут же ткани, скорпион торопливо спрятал ее в дорожном мешке. Потрепал по голове зубастую зверюгу и тоже отправился спать.

Приключенцы поделили остаток ночи с учетом караулов. Караулили все, кроме волшебника. Хотя, вместо Эразма за местностью наблюдал ворон, причем видел он куда дальше, чем все остальные, но лорд Пифарей предпочел и об этом не говорить. В гостиной, мимо которой к кухне вел коридор, Брюзгливый храпел на диване, прикрыв лицо платком.

Шахриет так и не приходила в себя. Ослябя осторожно вливал ей воду, положив голову девушки себе на колени, но та продолжала бредить. Так он и уснул, прислонившись к спинке дивана, где спал волшебник. Остальные поделили между собой два оставшихся кресла и стол, который застелили висевшим на стене ковром.

Утром, когда в Анвиле пропели первые петухи, Эразм бодро поднялся на ноги.

— Вставайте! — он повысил голос. — К нам целая делегация движется.

— Что? — северянин недовольно поднял голову. На его щеке отпечатались рукоять топора.

— В дозоре ж Нахиор, он бы предупредил, — Калдор, лежавший на столе, отвернулся от волшебника к стене и покрепче обнял дорожный мешок.

Только Ослябя молча поднялся и осторожно положил девушку на освободившийся диван. Послышались быстрые шаги мамелюка.

— Пора, — начал он. — Похоже любовник Тюльпан пожаловал, а с ним два мордоворота. Тащат волоком нашего нанимателя. Со стороны Анвила виден дым, видимо, подпалили что-то.

— О-о-о, за порчу столь славного городишки они заслуживают волшебной стрелы, — ехидно бросил волшебник, проходя мимо мамелюка. Брюзгливый сутулился и держался за поясицу, которая болела после сна.

Серпентес шел впереди, за ним следовали двое подручных со скимитарами и стальными щитами. Они тащили связанного Басима. Работорговец волочился по песку, словно мешок. Его лицо наполовину обгорело и кровоточащие раны забились пылью.

Приключенцы не спешили показываться гостям. Затаившись в главном вестибюле, герои поджидали, пока противник подойдет ближе. Эразм заставил Ослябю подтащить один из диванов к окну и наказал разбить его, если начнется бой.

Главарь головорезов заметил неладное практически сразу. Сломанная дверь и ворон, нагло восседавший на остатках стен второго этажа, заставляли насторожиться. Серпентес приказал бросить толстяка и проверить в чем дело. Подручные повиновались и, обнажив

мечи, медленно подбирались к поместью.

— Ничего не выйдет, — заключил Варвар. — Они знают, что мы тут.

— Тогда может попробуем поговорить? — Ослябя пожал плечами. — Эй, душегубцы! — заорал он, выглянув в щель между дверными створками. — Сдавайтесь, стало быть.

Головорезы остановились и подняли щиты.

— Да нет у нас луков, чего вы?

— Тшш! — шикнул Калдор. — Это мог бы и не озвучивать.

— Вы кто такие? — крикнул главарь, укрываясь за спинами подчиненных.

— Мы сниматели проклятий, — ответил северянин.

— Чего?! — Эразм скривил лицо. — Поумнее не придумал?

— Охотники за приведениями! — поддержал дрессировщик и подмигнул волшебнику.

— Заткнитесь! — мамелюк грозно посмотрел на столпившихся у дверей. — Все твои приспешники мертвы, Серпентес. И у тебя есть выбор. Сдавайся и больше никто не умрет.

— Что?! — гнев исказил лицо главаря. — Где Тюльпан? Что с ней?

— Э-э-э... — Калдор скривил рот, опустив уголки губ вниз. — С Тюльпан и правда промашка вышла, — сказал он товарищам и усмехнулся.

Серпентес вскинул руки прошептал формулу заклинания. Перед порогом здания появились клубы серого дыма. Как будто из-под земли появилась отвратительная тускло-серая многоножка. Ростом она оказалась практически с Ослябю, а ее длинное сегментированное туловище извивалось и подергивалось. Почувяв добычу заиграли ядовитые жвала, с которых капала прозрачная слизь.

— Трофе-е-ей!!! — неистово заорал северянин и вскинул топор, намереваясь пнуть приставленную дверную створку и выскочить наружу.

Но, гигантская многоножка получила приказ от призвавшего ее хозяина раньше. Перебирая десятком острых и твердых лап, тварь выломала остатки дверей и влетела внутрь. Приключенцы с трудом успели отпрыгнуть в стороны. Только Варвар остался на пути противника и рубанул двумя руками, опустив топор из-за головы. Лезвие пробороздило по округлому панцирю, оставив глубокую царапину, но монстр не обратил на это внимания. Многоножка сбила железнобокого с ног и устремила жвала к его лицу.

Ослябя кинул обломок клавишина в окно, чтобы разбить мутное стекло, а сам поспешил на улицу, так как двое приспешников следовали за многоножкой. Нахиор и Шалилун также решили атаковать мечников. Но, первым на улицу вылетел ящер. Он пронесся мимо двоих головорезов, устремившись на Серпентеса. Главарь, небрежно вскинул руку, погрузив зубастого зверя в ступор. Разогнавшийся раптор рухнул в песок, подняв облако пыли.

Паломник и мамелюк надели на одного из врагов, по очереди нанося удары по стальному щиту. Другому не повезло встретиться с орком, который ревел и рычал, брызжа слюной.

Серпентес использовал заклинание «слепые брызги». Десятки белых пузырей устремились в сторону Нахиора и Осляби. Сражавшийся с ними головорез понял, в чем дело и натянул на глаза шарф, что до этого скрывал только лицо. Приключенцы же не успели что-то сообразить. Пузырьки лопались у лица, забрызгивая глаза. Союзники с ужасом обнаружили, что ослепли. Приспешник отошел на несколько шагов, усмехнулся глядя на то, как герои в панике размахивают оружием по воздуху, и решил осторожно подкрасться.

— Ого! — восхитился Эразм, глядя в окно на действие заклинания. — Такое я еще не

знаю. Надо бы глянуть в гримуар этого Серпентеса.

— Убье-е-ет! Убье-е-ет! — завопил ворон и привел хозяина в чувства.

Три волшебных стрелы ударили в противника, обходившего Ослябю сбоку. Головореза отбросило назад. Одна из стрел размозжила ему голову. Тело повалилось, а из черепа выпал мозг.

Главарь, заметивший лорда Пифарей, тоже выпустил волшебные стрелы. Брюзгливый успел использовать магический щит. Струски магии ударили в него. Осколки стекол и щепки полетели в разные стороны. Эразм, поняв, что позиция более не выгодна, опираясь на посох, с трудом спустился с дивана.

Северянин лежал под многоножкой, вцепившись в ее жвала. Вены выступили на его внушительных мускулах, казалось, что зверь вот-вот одолеет.

— Не-е-ет! — заревел он, уловив взгляд волшебника. — Я сам! Мой трофе-е-ей!

— Тю, — Эразм поднял брови и покачал головой. — А по мне разве видно, что я на помощь спешу? — Брюзгливый медленно поплелся к двери.

Не обращая внимания на то, как орк рубил щит приспешника, Серпентес внимательно наблюдал за домом. Маг казался куда более важной проблемой, чем оружий зеленоватый детина.

Ослябя медленно пробирался на звуки лязгающей стали и безумных криков. Головорез, удачно отражавший атаку за атакой, отбил очередной выпад Шалилуна щитом и отбросил лезвие двуручника в сторону. Орк потерял равновесие. Теперь ударил враг. Он навалился на щит и толкнул зеленоватого, тот упал на колени. Следующий выпад должен был закончить представление орка, но Шалилун умудрился поймать лезвие скимитара кольчужными перчатками, и зажал его между ладоней.

В это время Калдор выбрался через кухню и обошел поместье, затаившись за углом. Вид рухнувшего без чувств питомца привел его в смятение. Первый раз он увидел, как могучий зверь легким движением руки повержен, словно беззащитный щенок. Злоба закипала. Дрессировщик решил подобраться к вражескому магу также, как к чародею, но настороженный Серпентес сразу заметил скорпиона. Калдор отпрыгнул в сторону, словно кошка. Волшебная стрела ударила в песок, осыпав лежащего заклинателя ящеров пылью.

Этого времени вполне хватило Эразму, чтобы наколдовать «морозный луч». Заклинание убивало медленно, но сковывало движения, а главное — практически лишало концентрации, а значит — возможности колдовать. Брюзгливый показался в проеме. С его руки сорвался бело-синий луч, поразивший противника в грудь. Жилы и мускулы Серпентеса сковали морозные путы.

Волшебники учились противостоять заклинаниям, но не всем это удавалось. А если заклинание накладывал сильный и опытный маг, то шансы и вовсе сводились к нулю. Главарь боролся как мог. На его лбу выступали капли пота, которые тут же превращались в лед. Серпентес пытался поднять руку и использовать заклинание «магический щит», но не имел врожденной сопротивляемости к магии, как подчиненный ему чародей Ваиль.

Дрессировщик вскочил на ноги и планировал ринуться к главарю, но заметил, что помощь требуется Ослябе и Шалилуну. Головорез навалился на рукоять меча. Лезвие проскользнуло между ладоней и, проткнув кольчугу, вонзилось в плечо орка. Раздался вопль. Паломник, услышав его, понял, что враг рядом с союзником. Приспешник тяжело дышал. Ориентируясь на звуки хрипящего дыхания, Ослябя прикинул направление и взмахнул мечом. Противник увернулся, но вынуждено выпустил оружие из рук, за которое снова

схватился зеленоватый.

Боль совершенно сковала Шалилуна. Он повалился на землю и истошно молил о помощи.

— Го-о-о-орг! Помоги-и-и-и! Го-о-о-орг! — эти вопли и заставили Калдора поспешить к ним.

Тем временем головорез наступал на ослепленного паломника. Он выхватил кинжал и, нагнувшись, сделал выпад. Ослябя, будто почувствовал опасность, отшатнулся, но острие скользнуло по бедру, оставив кровавый подтек. Парень опустил меч, машинально схватившись за рану. Ничто не мешало врагу ударить в горло. Он приготовился, но скимитар скорпиона внезапно пронзил правый бок.

Многоножка жутко заверещала. Северянин оторвал одно из жвал монстра. Лицо здоровяка залило вязкой слизью, но он уперся ногой в живот насекомого и смог столкнуть тварь с себя. Обтерев глаза правым предплечьем, Варвар подобрал топор и бросился на противника. Гигантская многоножка выгнулась, подняв голову кверху. Несколько пар лапок пытались отражать удары тяжелого топора, но отлетали, словно сухие ветки виноградной лозы. Она пятилась, пока не оказалась в проходе. Нижние конечности потеряли устойчивость, и железнобокий рубанул под голову. Головешка улетела на улицу, а здоровяк принялся искать дорожный мешок.

Эразм вплотную подобрался к Серпентесу. Главварь под воздействием «морозного луча» совершенно выбился из сил. Лорд Пифарей прекратил заклинание и со всего маха ударил противника посохом по голове, от чего тот потерял сознание.

Слепота паломника и мамелюка рассеялась, они не мешкая перерезали трупам сухожилия и повредили мозг, остерегаясь, что и эти восстанут. Ящер тоже оклемался и Калдор поил его из бурдюка, который нашел в мешке одного из врагов. Герои перенесли связанного Серпентеса и раненного Басима в поместье. После чего Нахиор вытащил из рань орка лезвие меча и перевязал его бинтами. Шалилиун сидел у стены, бормоча молитвы и не обращая никакого внимания на собравшихся.

— Так-так. Интересно, — Эразм листал добытый гримуар. — Хм, а вот и оно, — он провел пальцем по строчкам и вырвал страницу из книги.

— Дедушка, кажись очухался, — Ослябя приподнял главаря головорезов и облокотил его на спинку дивана, на котором лежала Шахриет.

— Зачем вы устроили этот спектакль с проклятием и пропажами местных? — начал Калдор выпустив питомца на улицу, где лежали еще свежие трупы.

— Вы... что вы сделали с моими людьми? — на бледном лице главаря читалась горечь.

— Они напали на нас, потому мертвы.

— С ним буду говорить я, — грубо бросил Эразм и подошел к противнику. — Скажи мне, кто вы такие?

Серпентес с недоверием смотрел на волшебника, но предпочел ответить.

— Что ж, раз все мертвы, значит ничто им больше не навредит... Этот мерзавец, — он бросил взгляд на Басима, раны которого Ослябя промывал водой. — Нанял нас для налета на резиденцию контрабандистов Эль-Эменталья. Мы все сделали, но при отступлении из города завязалась драка со стражами... Многих товарищей я тогда потерял...

— Ближе к сути, милейший, — Брюзгливый присел в кресло, что стояло напротив главаря.

— Он хотел получить старинную переписку, накладные, в общем все, что касалось аль-

Гази. Когда я отдал бумаги и потребовал вознаграждения, Басим приказал мамелюкам убить меня. Тогда мы потеряли еще нескольких...

— Об этом ты не упоминал, — Калдор смотрел на Нахиора, но тот молчал, скрестив руки на груди.

— Я всего лишь хотел получить свое, — продолжал Серпентес. — Пришлось убить тех бедолаг. Они могли выдать, что мы обосновались в этом месте.

— Понятно, — прервал Эразм. — Ты взял парочку подручных, и вы захватили Басима, а заодно и положенное вознаграждение.

— Хах, — Серпентес ухмыльнулся. — Золота не оказалось. Парни хотели взять посуду, но я побоялся, что она будем мешать при отступлении. Мамелюки, на удивление, в эту ночь не охраняли торгоша. Уж не знаю, что там приключилось, но они могли вернуться в любой момент. Пришлось взять борова с собой. У него где-то имеется сокровищница, нужно лишь выбить эту информацию.

— Сокровищница... — глаза Калдора загорелись.

Барвар, находящийся рядом, совсем не обращал внимания на разговор. Он обильно смазывал голову многоножки порошком и улыбался.

— Погоди-ка, ящеролуб! — лорд Пифарей легонько пристукнул посохом по полу. — А что именно в бумагах интересовало Басима?

— Не знаю... Я их не смотрел толком. Вроде аль-Гази покупал какие-то артефакты древности. Хлам разный.

— Кажется и этот приходит в себя, — паломник отошел от раненного работорговца, чтобы волшебник его хорошо видел.

— Вот он сам нам и расскажет, — Брюзливый помахал рукой торгошу. — Ну, зачем тебе бумаги о покупках аль-Гази? Что искал?

Толстяк с трудом открыл глаза и простонал от боли.

— Прикончите эту тварь. Гкха. Гкха. Гкха. — работорговец закашлялся. — Убейте... и я... заплачу... гкха. Гкха. Расскажу...

Нахиор пошел к Басиму, взялся за воротник обгоревшего халата, и вонзил кинжал в ему глаз.

— Что ты сделал?! — вскричал Ослябя и выхватил меч.

— Он все равно не жилец, — спокойно ответил мамелюк. — Я прекратил страдания. А что до золота, то не переживайте. Теперь я владелец каравана и заплачу вам с процентом.

— Дело не в деньгах! Ты совершил зло. Убил раненного и беззащитного, — паломник грозно смотрел на Нахиора. — Я вызываю тебя на поединок! Бой до смерти.

— А-ха-ха-ха, — мамелюк рассмеялся и вынул один скимитар из ножен. — Будь по-твоему.

Эразм хотел прекратить это, но не успел. Ослябя вдруг затрясся. Его вырвало. Паломник сделал два шага и обмяк. Калдор успел подхватить парня и опустить на пол.

— В чем дело?! — волшебник вскочил на ноги.

— Хм, — Калдор осматривал воспалившейся порез на бедре. — Похоже, что яд. Колдун, излечи.

— Если бы маги могли что угодно лечить, то лекари были бы бесполезны, но, наверняка, ты замечал, что врачеватели есть даже у королей! — ответил Брюзливый.

— Это яд многоножки, — вмешался Серпентес. — К сожалению, я не знак противоядия.

— Старуха Адаль знает, — Нахиор перетянул бедро паломника ремнем. — Это замедлит распространение яда. Но нужно торопиться.

— А что с этим делать? — дрессировщик взялся за рукоять скимитара, подойдя к главарю.

— Отпустим, — отрезал Эразм, тоном, не терпящим пререканий.

Волшебник выхватил кинжал с пояса Калдора и кряхтя разрезал путы. После чего вложил в руки бывшего пленника гримуар с заклинаниями.

— Он не опасен, — Брюзгливый кивнул Серпентесу и выпрямился. — Живо! В Анвил!

Глава V. Ветеран-новобранец

Эфит не спал практически всю ночь. Твердость тюфяка, который выделил для ночлега представитель гильдии в Анвиле, его не особо заботила. Мужчина лежал у окна в хижине, подставив под лунный свет письмо. Оно то и не давало покоя. Перечитывая его снова и снова, Эфит хотел поскорей отправиться в Исиасполис, вбежать по ступеням Дворца Хранителей Древности и заключить в объятия самую красивую женщину в мире. Но, чаще всего, для достижения желанного требуется пройти тернистый путь, полный опасностей и тревог. На него и вступил наш очередной приключенец.

Мечтая об изящных очертаниях женского стана, прямых золотистых волосах, что скрывали заостренные белые ушки, а также о налитой девичьей груди, которая, словно два сладких персика, магнитила взгляд и губы, Эфит уснул с письмом в руках. Крик первых петухов оказался неожиданным. Мужчина вздрогнул. Наверху послышались голоса.

Поднявшись, он надел кожаный нагрудник, подпоясался скимитаром, вложил в ножны, висевшие за спиной на пояснице, два изогнутых кинжала и перекинул через плечо перевязь с множеством закрепленных на ней свитков. Эфит, из-за некоторых личных особенностей никогда не раздевался полностью. Хотя, в обычном состоянии, мало чем отличался от ашахита. Классические темные волосы, смуглая кожа и аккуратная небольшая бородка. На вид мужчине нельзя было дать больше тридцати пяти лет. Единственное, что могло насторожить — синие глаза, сверкавшие на фоне темной кожи, словно два сапфира. Ох, сколько женщин сразили эти зрачки.

Юный сирота, случайно найденный в пустыне, а после отданный на воспитание в корпус стражей Эль-Эменталья, ныне носил одежды ветерана. Двадцать пять лет Эфит посвятил служению вольному городу. Серо-пурпурные одежды, полностью закрывающие тело, а также висевший на правой стороне груди медный знак, изображающий две чаши весов, обрамленные в идеальное кольцо, мужчина носил с гордостью.

Стражей уважали везде, но все же не доверяли. Они занимались охраной города и его предместья, сопровождали караваны и важных персон. В бою сталкивались с дикой нежитью, бандитами и даже профессиональными солдатами. Хотя большинство в Сулифе к ним и относилось нейтрально, уважали за профессионализм, отвагу и надежность, но некоторые все же опасались и подозревали. Справедливо считая, что эти люди могут шпионить на Ошиосс. Впрочем, в Ошиосской Империи о них думали тоже самое, только приписывали к шпикам Блудного Халифа.

— Проснулся уже? — глухим голосом окликнул ветерана Адам Змей, глава анвильского отделения гильдии Хранителей.

Весьма подозрительный и неприятный тип. От него разило чесноком и, употребленным накануне, дешевым элем. Светлые волосы, растрёпанные и слипшиеся от пота, разрезала на две части лямка наглазной повязки. Впрочем, вид этого доходяги вряд ли мог удивить. Несмотря на то, что гильдия Хранителей набрала широкую популярность и уважение среди знати бывших провинций Таморской Империи, служить в захолустном Анвиле никто не хотел.

Богатенькие родители, следовавшие веяниям моды, старались запихнуть в гильдию детишек, а при возможности, запихнуться и сами. Щеголянье на светских приемах членством в гильдии Хранителей позволяло продемонстрировать принадлежность к высокой

и продвинутой центральной цивилизации. Грязную работу делать же никто особо не хотел, в том числе и детишки таморских богатеев. А вот безродных часто посылали на опасные задания, чтобы аристократы могли присвоить открытия и славу, как организаторы опасных предприятий по сохранению наследия древности.

Эфит даже глазом не повел, когда первый раз увидел местного куратора. Но наставления любимой Тинтур заставляли насторожиться. Девушка писала о том, что доверять Адаму не стоит. Дурная слава, ходившая о нем, просачивалась даже во Дворец Хранителей Древности, но, что странно, Змей продолжал кураторствовать в Анвиле. От неугодных и позорящих гильдию быстро избавлялись. А про Адама продолжали приходить донесения о совершенных непотребствах и даже преступлениях. Это могло означать только покровительство кого-то могущественного.

— Где амулет и золото? — Эфит встретил куратора, спускавшегося по лестнице со второго этажа небольшого здания.

— Золото ты еще не заработал, — невозмутимо ответил Змей. — А про амулет впервые слышу.

Комната, посреди которой стоял ветеран, представляла собой приемную, большую часть которой занимала деревянная стойка.

— Ты знаешь, о чем я, — ветеран положил руку на рукоять изогнутого меча.

— Я намерен отправиться завтракать. Обсудим твои фантазии после.

— Ну нет, — Эфит перегородил дорогу. — В посылке, где лежало запечатанное письмо, находился кошель и амулет.

Адам скривил губы, пожалев, что не вскрыл послание.

— Ладно-ладно, — куратор поднял руки. — Признаюсь, вещи взял я. Но, не в качестве вора.

— Да ну?

— В качестве наставника, — он похлопал ветерана по плечу. — Я давно в гильдии, малыш. Видел таких, как ты. Умудренных опытом, бывалых в боях и думающих, что прибыли на легкую прогулку. Нет.

Эфит отстранился. От его плеч повеяло едва видимым серым дымом.

— Тут тебе не Исиасполис, — продолжал куратор, — и даже не хваленый Эль-Эменталь. Вокруг дикие земли, где любой славный боец рискует оказаться погребенным под толщей песка. Потому тебе просто необходим дополнительный стимул, — Змей ухмыльнулся. — Ты чувствуешь? — он повел носом. — Вроде горит что-то.

Эфит опустил начинавшие чернеть глаза.

— Короче. Мне нужна информация о том, что случилось с Басимом. Это местный работороговец и названный владыка. Если выйдешь на улицу и глянешь на восток, то увидишь, как дотлевет его шатер. Выяснишь — вещи снова твои. И помни, только по моей рекомендации тебя могут перевести из Анвила в более цивилизованное место. Так что будь ласков и не задерживайся. — Адам нагло подмигнул подчиненному и вышел из здания, насвистывая под нос какую-то мелодию.

Сдержав гнев, ветеран решил не спешить с расправой. Так или иначе, но Змей действительно мог повлиять на его судьбу. К тому же Тинтур советовала хорошенько осмотреться в Анвиле, сообщив, что шпики ордена Рыцарей Меча также находятся в городе.

Нахиор, повесивший на себя кольчугу паломника, сразу заметил стража в серо-пурпурных одеждах, снующего у сгоревшего шатра. Но времени на него не было. Варвар и

Шалилун тащили обмякшего Ослябю из последних сил. Калдор еле волочил ноги, держа на руках Шахриет. Эразм, в этот раз самостоятельно тащивший дорожный мешок, отставал, но не сдавался и спешил, придерживая свободной рукой поясницу. Только ящер бодро бегал взад-вперед, словно добродушная собака.

Старуха-целительница жила на окраине, у западной дороги. Ее лачугу ограждал глинобитный дувал, калитка которого оказалась закрыта на засов. Нахиор, оказавшийся у нее раньше всех, активно барабанил кулаком, призывая хозяйку.

— Вай! — послышался за дувалом старческий женский голос. — Что за шайтан решил выломать единственную калитку у бедной старой Адаль?

— Не прибедняйся! — резко ответил мамелюк. — Я платил тебе за лечение моих братьев хорошие деньги.

— Ой, мастер Нахиор... — радостно воскликнула старуха, пропуская мужчину внутрь. — Сказали бы сразу, что это вы, — она заискивающе поклонилась.

Путешественники ввалились во двор. Здоровяки опустили паломника на землю и повалились рядом. Их примеру последовал и дрессировщик, осторожно положивший девушку.

— Я... я... яд многоножки, — запыхавшийся Эразм указал посохом на парня. — Летаргический сон, — конец посоха указывал на Шахриет.

— Со-о-о-н. Со-о-о-н, — повторил ворон и вспорхнул с плеча волшебника в воздух.

— Тьфу! Проклятый, — Адаль махнула рукой на птицу и присела к Ослябе.

Она осмотрела рану. Одобрительно покивала, проверив натяжение ремня, прихватившего бедро. Буркнула что-то себе под нос, резво сбегала в лачугу и принесла маленький зеленый бутылек. Целительница откупорила его, закусив крышку оставшимися передними зубами, и понюхала содержимое.

— Настоялся... ой настоялся как... — приговаривала она.

Старуха достала из-за пояса небольшой нож и разрезала штаны в области раны. Смочила порез несколькими каплями зелья, а остальное вылила в горло Ослябе. Паломник поперхнулся, но жидкость провалилась внутрь.

— Через несколько минут придет в себя, — целительница поднялась на ноги и направилась к Шахриет. — К вечеру будет бегать ваш парнишка. Так. А с этой опять что? — Адаль грубо раздвинула девушке веки. — В прошлый раз провалялась так пару дней. Ну... то поправимо, — старуха снова направилась в дом. Вынесла еще один бутылек и сразу влила его Шахриет. — Надо эту чертовку на кровать уложить. Глядишь — к закату тоже очухается.

— Хорошо, — Нахиор удовлетворенно качнул головой. — Сколько просишь?

— Да что мне. Монеты не нужны. Чего на них покупать-то? Все, что нужно — мне местный люд притащит. А вот этот, — она указала пальцем на орка, — чей будет?

Отдохнувший здоровяк поднялся на ноги.

— Моя Шалилун. Защитник Горга!

— Хех, — Калдор усмехнулся. — Ага... защитник... помню. Орал так, что даже кровь в жилах сворачивалась.

— Ты, милый защитник, — старуха улыбнулась беззубым ртом. — Ранен? — она осторожно прикоснулась к плечу орка.

Присутствующие оцепенели. Седые волосы целительницы наполнялись жгучим черным цветом. Морщины, покрывавшие лицо, разглаживались, а кожа становилась мягкой. Грудь и ягодицы приобретали округлые упругие формы.

— Да чтоб тебя, ведьма! — выругался Эразм. — Что может быть хуже чародея?.. Ведьма...

— Молчи, колдун, а-ха-ха, — звонко засмеялась Адаль. — Уголки ее нежных губ приподнялись в похотливой улыбке.

Орк не сводил глаз с глубокого выреза на груди платья.

— Шалилун хотеть лечиться! — оскалился здоровяк.

— Это же всего лишь иллюзия... — волшебник вопрошающе поднял руку к зеленоватому, но тут же резко ее опустил. — Впрочем, Асмодей с ним.

Нахиор поблагодарил целительницу и пригласил путешественников в собственный шатер, что располагался среди прочих, недалеко от «Наследия Тамора». Шалилун не обратил на это внимания. Держа ведьму за руку, он бодро скрылся с ней в лачуге.

Заплатив каждому по двадцать пять золотых монет, Нахиор сообщил, что караван на Муфтарак отправиться не раньше, чем через двое-трое суток. Выделил в безвозмездное пользование героев три шатра и планировал заняться собственными делами, но пришедший в себя Ослябя настойчиво требовал поединка. Даже у Эразма не получилось возвать к голосу разума. Предводитель мамелюков снисходительно улыбался и назначил сатисфакцию на закат.

Удовлетворенный этим паломник, отправился с волшебником в шатер. Калдор, прихватив зверушку, поспешил чахнуть над добычей. Варвар, занявший один из шатров для себя и временно отсутствующего орка, развешал головешки у кровати и захрапел.

Эфит тем временем разузнал, что Басим стал жертвой бандитов, а караван и, видимо, Анвил сменил владельца. Посчитав, что задание выполнено, ветеран поспешил к куратору. Змей встретил подчиненного в приемной зале. Посреди комнаты стоял круглый столик, за которым Адам играл в карты с двумя вооруженными мордоротами.

— Ну?! — недовольным тоном огрызнулся Змей и приложился к кружке с элем. — Не видишь мы с ребятами заняты? Попозже зайти.

— Ты все слышал. Поручение выполнено.

— А ты не понял что ли? — один из здоровяков поднялся из-за стола, положив руку на рукоять кривого меча, висевшего на поясе.

— У нас договор, — настаивал Эфит.

— Можешь засунуть его в задницу, — Адам плюнул на пол. — Когда я говорю — ты делаешь. А будешь артачиться, так я тебя мигом из гильдии вышибу! Понял?! А теперь вали, пока ребята из тебя все дерьмо не выбили.

Ветеран стражей напугал последние силы, но снова сдержался и вышел на улицу. Стало ясно, что вещи этот мерзавец не вернет. Но если не сделать что-то в ближайшее время, то они вполне могли проиграться в карты. До золота Эфиту особо не было дела, но вот амулет... Тот самый, что Тинтур носила, пребывая в Эль-Эментале. Тот самый, что украшал ее грудь во время сладких бессонных ночей. Эта вещь дорога двум любящим сердцам, а значит за нее можно и убить.

Все же, страж не был скор на расправу. Не многим удавалось дожить до почетной отставки и получить статус ветерана. Но Эфит смог. Во многом, благодаря тому, что всегда думал наперед.

Даже если удастся убить Адама вместе с собутыльниками, то такой инцидент начисто перечеркнет карьеру в гильдии, а значит закроет дорогу во Дворец Хранителей Древности, где милая сердцу Тинтур исполняла обязанности капитана стражи. Но что, если это сделают

местные головорезы, а новобранец попытается им помешать и в итоге спасет гильдию от разграбления?

Отправившись в трактир, ветеран разочаровался. Местные забулдыги с трудом справлялись с тем, чтобы облегчиться за углом, не обмочив при этом штаны. Заказав себе воду и лепешки, Эфит услышал историю об anvильском проклятии, с которым самоотверженно справились пришедшие авантюристы. Узнав, что один из них в скором времени сразится с капитаном местных мамелюков, страж решил дожидаться вечера и приглядеться к этим ребятам.

На закате народ стягивался на главную площадь. Зрелища бывали в городке очень редко, поэтому зрители спешили на представление вместе с женами и детьми. Местные торговцы бойко вели торговлю, пытаясь перекричать друг друга, предлагая съестные товары. Отцы и мужья нехотя развязывали кошель, радуя домашних обновками и сладостями. Некоторые расщедривались на драгоценности и украшения, получая от прекрасных половинок взгляды, полные любви и преданности.

Мемелюки расталкивали зевак дровками алебард, пробираясь к центру площади. Рабы принесли жерди, которые вбили в землю. На них натянули веревку, образовав круг. Пришедшего к нему Ослябю заставили снять шлем, кольчугу и стеганку. Паломник остался по пояс голый. Ему вручили длинную глефу и втолкнули внутрь круга.

— Бой насмерть? — спросил Эфит у стоящего рядом с кругом старика.

— А ты деревянный меч видишь? — огрызнулся в ответ Эразм.

— Хех, — ветеран прошел мимо.

— Что с девчонкой? — Калдор занял освободившееся место у волшебника.

— Все также, — лорд Пифарей безразлично пожал плечами. — В шатре она. Можешь в свой перетащить, мне там и деревенского дурака хватает.

— Того и гляди, местечко-то освободится. А-ха-ха, — засмеялся дрессировщик.

Брюзгливый не успел съязвить. Рядом с ними во все горло орал какой-то босой парнишка.

— Кто-о-о поставит на победу имперца?! Ставки два к одному! — он протискивался между зрителями, орудуя локтями. — На Нахиора? — остановился и сделал запись на пергаменте, макнув перо в чернильницу на поясе. — Мудрый выбор.

— О. Ставлю десять монет на мамелюка, — заклинатель ящеров протянул золото.

— Хорошее решение, господин. Как вас записать?

— Калдор.

— Прекрасное имя, так и запишем. Десять золотых от блистательного Калдора. Следующий!

— Пятьдесят золотых на капитана стражи, — мрачного вида человек оказался за спиной дрессировщика, от чего тот вздрогнул.

Длинные седые волосы спадали на плечи сорокалетнего мужчины. Он носил капюшон и длинный серый плащ, которые скрывали нездоровую бледноту его кожи. Холодный взгляд пробирал до костей. Заклинатель ящеров вспомнил о странном мужчине, про которого рассказывал трактирщик. Точнее звон золотых монет заставил вспомнить.

— Кошель полный золота от господина?..

— Балеан, — хмуро ответил незнакомец.

— Э-э-э... — парнишка смутился, оглядев желающего сделать ставку, но жажда наживы часто сильнее инстинкта самосохранения. — Лады. Господин Балеан — пятьдесят золотых.

— А я ставлю на чужеземца, — вмешался Эфит. — Пять золотых на таморца.

— Отлично! — собиратель ставок с облегчением развернулся, косясь на мрачного мужчину. — Если ставка сыграет, то обогатитесь! — он записал имя и поспешил отдалиться в другую часть толпы.

Нахиор выходил в сопровождении двух мамелюков. Его лицо скрывала черная маска, а на плечах висел плотный плащ из черной ткани, скрывающий все, кроме ступней. Капитан вышел на ристалище и скинул с себя одежду, обнажив торс. Поджарые мускулы загорелого тела притягивали стыдливые женские взгляды, которые, скользнув по мамелюку, тут же убегали в стороны, но обязательно возвращались. Некоторые мужья дергали жен за рукава, призывая к приличиям.

Многих последователей Шеннаитха смутила татуировка, находившаяся на груди Нахиора. Она изображала юную девушку, половина лица которой выглядело разложившимся, с проступающими костями черепа. В ладонях она держала два предмета: яблоко и чашу, по поверью наполненную вином. Если в Анвиле еще преобладал древний ашахитский культ бога торговли, ремесленников и закона Шеннаитха, то в Сулифе подобная татуировка мало кого удивляла.

Поскольку земли нынешнего Сулифского Халифата в древности являлись дикой и труднопроходимой местностью, то осваивались в основном таморскими беглыми крестьянами, преступниками и авантюристами разных мастей. Какая-либо официальная власть отсутствовала, а легионы Тамора не совались в места, где некого грабить. На этой благоприятной почве собирались различные маги-отступники, гонимые властью за эксперименты с некромантией. Стоит ли говорить, что в таком месте культ богини похоти, праздности, чревоугодия и чумы, покровительницы разумной нежити, проституции и сибаритов, прочно пустил корни.

Ту, кого ныне называют, Похотливой Девой, Принцессой или Двуликой, при жизни звали Харáмой. Она являлась одной из немногих женщин, что не шли на поводу общей морали. Девушка отрицала бессмысленную целомудренность и необходимость преподнести собственную жизнь единственному мужчине, став хранительницей домашнего очага и источником получения наследников. Она пыталась познать все земные удовольствия и попробовать все, что только возможно. Это привело ее к интимной связи с собственным братом Мёртером, который любил родную сестру в тайне от жены. Когда этот факт вскрылся, Церковь Эсмей осудила молодых людей за тяжкие грехи, подвергнув страшным пыткам. После приговорив их к оскотлению и сожжению на костре.

Умерев страшной смертью, покрытые позором и презрением, брат и сестра не ушли в Преисподнюю. Их души, каждая по-своему, смогли остаться в мире мертвых. Харама горела аппетитом к земной жизни и наслаждением, не собираясь все это терять из-за воли лицемерных церковников, которые предавались всевозможным грехам, осуждая за это собственную паству.

Мёртер и Харама по легенде стали первой нежитью. Несмотря на родственные и любовные узы, после смерти брат и сестра ненавидят друг друга. Харама не стремится умертвить весь мир. Она любит мертвых, любит земные удовольствия. Богиня, покровительствуя разумной нежити, преподносит вечную жизнь как дар, который еще следует заслужить. Души мертвых, ставших разумной нежитью, остаются на земле вечно, из-за этого демоны и другие божества ненавидят Двуликую Деву.

Культ богини учит следовать удовлетворению собственных желаний, не ограничивать

их. Не редко, культисты Харамы организовывают оргии, где, помимо похоти, изобилует вино и искушенные яства. В основном культ распространился в Сулифе, но имеет широкую популярность в аристократических кругах многих стран, хотя всегда подпольно и скрытно. Говорят, что даже король Эриндана Георг VI тайно поклоняется Похотливой Принцессе, еженедельно устраивая балы и пиры, которые всегда проходят за закрытыми дверями.

Нахиор демонстративно развел руки, высоко задрал подбородок и повернулся вокруг, чтобы каждый разглядел религиозный символ на груди. Ослябя раньше не видел ничего подобного. Он не знал, что и думать, а Эразм не мог объяснить. Получив из рук стражника оружие, мамелюк вышел на середину круга, где ожидал паломник.

Первым атаковал капитан. Он легко и ловко управлялся с глефой. Описав дугу, мамелюк нанес удар сверху. Ослябя с трудом увернулся. Парень неуверенно обращался с мечом, а диковинное оружие и вовсе держал в руках первый раз в жизни.

— Это избиение, — сквозь зубы выщедил Эразм, глядя на неумелые действия паломника.

— Ну, хотя бы смерть простофили принесет пару монет, — ехидная улыбка Калдора тут же исчезла под тяжелым взглядом волшебника.

Удар за ударом обрушивались на Ослябю, но крестьянин не сдавался и маневрировал, пытаясь подставлять лезвие под удары и ожидая удобного момента для выпада. Но, опытный Нахиор, не допускал ошибок. На теле паломника появлялись первые кровоподтеки. Мамелюк играючи задевал плоть острием, едва царапая противника. Очередной порез пришелся в раненное у поместья бедро. Нога Осляби предательски подкосилась. Капитан воспользовался этим и хлестким ударом древка, подсек опорную ногу. Паломник рухнул в песок. Через мгновение у его горла замерло острие.

— Убе-е-е-ей! — заорали из толпы. — Смерть имперцу!!! Пусти кровь идиоту!

Нахиор оглядел собравшихся и поднял руку вверх, призывая замолчать. Народ постепенно смолк. Дождавшись, мамелюк отвел лезвие и быстро удалился под недоумевающие взгляды. Ослябя поднялся, вытер пот со лба тыльной стороной ладони и поплелся к Эразму.

— Ну, кто-то теряет, а кто-то получает, — Калдор радостно хлопнул по плечу стоящего рядом Эфита. — Не расстраивайся, парень, ставки дело тонкое. Кстати, надо бы забрать выигрыш.

Ветеран смерил дрессировщика презрительным взглядом, но промолчал.

— Во-о-о-ор!!! Где мои деньги?! Сбежал шайтан! — раздались крики в толпе.

— О нет... — глаза Калдора судорожно пересматривали собравшихся, в надежде отыскать сборщика ставок.

— Как ты там говорил? — Эфит оскалил зубы в злорадной улыбке. — Кто-то теряет, а кто-то получает.

Заклинатель ящеров активно заработал локтями, расталкивая собравшихся.

— Не расстраивайся, парень, ставки дело тонкое! — крикнул ему в след ветеран и подошел к Эразму, который легонько постучал по лбу паломника костяшками пальцев.

— Вижу, что ты не воин, но несмотря на это бился достойно, — страж немного склонил голову в знак уважения.

— Да чего тут... Даже разок не вдарил... — Ослябя опустил взгляд.

— Если есть время, то могу дать пару уроков фехтования.

— Не, господин, ваши кривые скимитары не по мне. Мне бы с обычным мечом

научиться...

— П-ф-ф, — фыркнул Эразм. — Если ты про ту ржавую зубочистку, то назвать ее мечом — преступление.

— Если вам требуется добротный таморский меч, то я могу помочь. Владелец одного из таких как раз мне должен, — ветеран хитро улыбнулся.

— Надо же... — волшебник нахмурил брови. — Сейчас последует история о взаимовыгодном сотрудничестве.

— Вы проницательны, мой друг... Но, пройдемте в более спокойное место.

— Как же легко ныне заводятся друзья. Ладно. Этот хотя бы на орка не похож, — Эразм предоставил Эфиту показывать направление.

Выбравшись из толпы, Калдор направился к трактиру, полагая, что местные могли опознать сборщика ставок. Но, как оказалось, босого парнишку с пером и пергаментом никто не видел. Загрустив, дрессировщик вышел на улицу и присел на топчан.

В это время из-за топчана вышел тот самый седой, потрясая на ладони толстым кошелем. Заклинатель ящеров молниеносно вскочил, взявшись за рукоять скимитара. Еще мгновение и он бы кинулся на незнакомца, представившегося сборщику Балеаном, но ветерок разогнал запах горелой плоти по округе и отрезвил. Справедливо рассудив, что атаковать безоружного на глазах множества зевак — безрассудно, дрессировщик отпустил меч. К тому же, седой направлялся к шатрам, где квартировал. Всегда можно добыть золото тихо, когда знаешь, где его искать.

Калдор определил, что источник запаха там, откуда вышел незнакомец. За трактиром, в том самом месте, где Ослябя сражался с насильниками, лежал обгорелый, дымящийся труп. Не сгорела только плоть на босых ногах, а разбросанные рядом пергаменты отмели оставшиеся сомнения. Этот Балеан не состоял в сговоре со сборщиком. Он настиг его и сжег. Дрессировщик обшарил труп и нашел рядом с ним мешок с монетами. Седой забрал только то, что ставил. Калдор пожал плечами и, повесив на них мешок, спокойно вышел из подворотни.

— И это по-твоему спокойное место?! — воскликнул Эразм, когда понял, что Эфит привел его к трактиру. — Ноги моей не будет в этом гадюшнике!

— Да ладно тебе, дедушка, — Ослябя улыбался. — У нас в Прудах и такого местечка не бывало. Нет, конечно, в городе и не такие видывал...

— Держись меня, парень, — вмешался дрессировщик, хлопнув паломника по плечу, — в Муфтараке я покажу тебе места посолиднее.

— У этого солдафона, — лорд Пифарей махнул посохом в сторону Эфита, — есть к нам какое-то предложение. Тебе, наверняка, будет интересно.

— Отлично! — Калдор и впрямь встрепенулся. — Пройдемте в мой шатер. К тому же, еще один наш компаньон где-то там, любителю насаженными на пики головешками.

— Компания мечты... — буркнул Эразм.

Ветеран пел дифирамбы освободителям Анвила. Рассказывал, что весь город судачит об отваге и храбрости избавителей от проклятья. В целом, самодовольно слушал только Калдор. Эразм фыркал, Ослябя считал, что не заслуживает подобных восхвалений, ибо действовал по зову сердца, а Варвар не сводил глаз с ящера, что свернулся в углу и дремал. В конечном итоге, Эфит понял, что соблазнить наживой получится только дрессировщика, а потому сменил тактику.

По пути страж заметил, как Ослябя раздавал милостыню каждому попрошайке. Да не

абы какую, а золотом. Пока они добрались до трактира, паломник отдал все, что имел, за что выслушал тираду о блаженности от волшебника. Тогда страж поведал историю о том, как вынужденно расстался с любимой из-за несправедливости. Девушка высокого положения не могла связать судьбу с безызвестным ветераном из далеких земель. Потому он вынужденно напросился на службу к куратору местного представительства гильдии Хранителей. Но тот обманом выкрал подаренный любимой амулет и не собирается отдавать его добровольно. Так же сообщил о том, что данный персонаж может повлиять на судьбу самого Эфита, а значит действовать открыто нельзя.

Расчет удался. Ослябя назвал своим долгом помощь в воссоединении любящих сердец. Эразм считал, что отпускать паломника без присмотра не стоит. Калдор позарился на возможность пошарить в пожитках гильдии Хранителей. Ну, а Варвар хотел подраться. Про орка ветеран тогда еще ничего не знал...

Эфит прятался среди пальм, наблюдая за тем, как герои заходят в здание гильдии. Опасался он не только того, что будет замечен Змеем, но и зубастую зверюгу, что осталась на улице. В здании зажгли свечи, так как тьма и прохлада опустились на землю.

Адам и его приятели порядком опьянели. Они смеялись над какой-то пошлой шуткой, сидя за столом, и даже не заметили вошедших.

— Эй, пьянчуги! — Калдор держал руку на рукояти меча. — Оружие побросали, иначе мой друг вам головы посшибает.

— И это, по-твоему, разузнать и поглядеть?! — воскликнул Эразм.

— Дайте-ка мне, — вмешался Ослябя. — Человек по имени Адам, лишил влюбленного этого... э-э-э... символа...

— Об этом не нужно рассказывать, дурень, — волшебник легонько стукнул посохом по ноге паломника.

— Гоните амулет, а не то мой топор его из вас выбьет! — Варвар потряс оружием, состроив грозной миной.

Картину довершила черная птица, неожиданно запорхнувшая в открытую дверь.

— Во-о-о-ры! Амул-е-е-ет! Во-о-о-ры! — ворон приземлился на дверку открытого буфета.

Воцарившееся молчание нарушил удар ладони по лбу волшебника. Эфит же, прислонившись к пальме, попивал водичку из бурдюка, не подозревая, что его скомпрометировали в первую минуту.

Ответ не заставил себя ждать. Змей выхватил короткий меч и принялся отступать на второй этаж. Подельники последовали его примеру, намереваясь занять оборону на лестнице.

Варвар тут же ринулся в атаку. Ослябя, немного засомневался, но противники не хотели отдать украденное, да еще и первые выхватили оружие, а значит — нужно, как минимум, их разоружить. Да и убивать кого-то он не планировал. А вот Калдор к сражению не спешил. Он стащил со стола кошель, и направился осматривать стойку с оружием, что находилась в комнате. Эразм согнал птицу с буфета посохом и безразлично устроился в кресле, где до этого сидел Адам.

Ветеран услышал шум, но не особо насторожился, продолжая пить воду. Но, когда из дверей молнией вылетела птица, крича о том, что любовный амулет украли, Эфит поперхнулся. Он замер в нерешительности и тревоге.

Без особого труда железнобокий порубил двоих мужчин с короткими мечами. Ослябя

пытался уговорить их бросить оружие, но ничего не вышло. Дошла очередь Адама Змея. Вбежав на второй этаж, он занял оборонительную стойку, но вид взбешенного здоровяка с окровавленным топором, вселил в него острую неуверенность.

— Не нужно больше крови, — уговаривал паломник. — Мы возьмем амулет и уйдем, а ты продолжишь спокойно жить.

Змей сорвал с груди драгоценность и метнул в противников, а сам разбежался и прыгнул в открытое окно. Пролетев три метра, Адам приземлился на ноги и вскрикнул от боли. Он подвернул лодыжку, но вполне мог двигаться. Куратор сделал пару шагов, но хищник тут же настиг его, намертво вцепившись в горло. Через мгновение мужчина уже бился в предсмертных конвульсиях.

Эфит ошалело смотрел на динозавра, который с аппетитом жрал бывшего начальника, а головы героев, что должны были без жертв добыть амулет, торчали в окне.

— Хе-хе, — Калдор улыбался глядя вниз, — видать жить спокойно у него не получится.

Глава VI. Убийство

Дрессировщик с трудом отогнал ящера от добычи. Эфит тут же схватил тело за ноги и волоком втащил в здание, оставляя за собой кровавый след. После выскочил на улицу и принялся засыпать песком кровь.

Эразм читал книгу сидя в кресле, поглаживая при этом ворона, уместившегося на ручке. Калдор, по обыкновению, принялся шарить по местным шкафам и сундукам. Ослябя начищал обещанный длинный меч, выкованный таморскими кузнецами, а Варвар скучал и метал ножи в стену.

— Вы должны немедленно покинуть помещение, — Эфит повысив голос, остановился у выхода.

Никто не обратил на него внимания.

— Я должен все тут сжечь! — прикрикнул он в нетерпении.

— Да ну? — ответил Эразм, не отрываясь от чтения.

— Вы должны были действовать деликатно! А теперь весь дом в крови. Куратор разорван на части, а ваш ящеровод напялил на себя его шляпу. Гильдия пришлет дознавателей. Нужно уничтожить все следы.

— Мне очень жаль, что люди пострадали... — Ослябя с восхищением глядел на блестящее лезвие. — Но они отказались сложить оружие. Я буду молиться за их души.

— А проблемы с местными властями вас не волнуют? — не унимался ветеран.

— Местные власти с нами в согласии, — равнодушно ответил волшебник. — Если бы убиенные оказались асахитами, то народ мог бы потребовать суда. А так... кого волнует судьба напыщенных таморцев.

— Все равно ничего особенно ценного, — Калдор спускался по лестнице. У него на голове красовалась широкополая шляпа, украшенная серебряной брошью в виде пирамиды, окруженной лавровыми венками — знаком гильдии Хранителей.

Эта эмблема зародилась еще во времена подчинения ошиосских территорий Таморской Империей. Тогда имперские ученые впервые столкнулись с древними усыпальницами-пирамидами, разбросанными в пустынях Ошиосса. Поняв, что подобные памятники предтечей необходимо сохранить для будущих поколений, таморцы перевозили в Исиасполис все, до чего могли дотянуться.

Император той поры, Великий Сервий I Завоеватель, приказал возвести огромное монументальное здание, способное вместить тысячи находок. Золотые саркофаги, древние драгоценные вазы, магические артефакты и прочее, требовали обязательного учета. Тогда Сервий создал специальный институт Хранителей Древности, подчинявшийся напрямую Императору.

После смерти Завоевателя началась борьба за престол среди восьми императорских сыновей, затянувшаяся на десяток лет. В те смутные времена институт оказался предоставлен сам себе, а накопленные богатства позволяли влиять на политику Империи. Чиновники, генералы, да и сами претенденты на престол заискивали перед Главным Хранителем, высшим должностным лицом в институте, вымаливая денег на военные и политические кампании.

Таким образом, Хранители перестали зависеть от императорского трона, а наоборот —

сами решали, кто достоин стать правителем государства или губернатором в провинции. Возможно, это одна из причин, что привели Тамор к упадку. Как бы то ни было, институт назвался гильдией, подчеркивая частный и независимый характер организации.

На первый взгляд, содержание отделения гильдии в Анвиле не имело смысла. Но из Сулифы в городок проникали различные слухи и наводки на магические вещи, что ныне ценились куда сильнее золота. Эфит понял, что Змей добывал информацию, а может и что-то материальное, работая напрямую с высшим руководством. Потому крайне важно отвести от себя все подозрения.

Он решительно подошел к Калдору и сорвал с него головной убор. На что дрессировщик пожал плечами и вышел на улицу, чтобы отмыть динозавра от крови.

— Нужно уложить трупы на кровати, — ветеран обратился к Ослябе. — Как будто они задохнулись от дыма и сгорели.

— Хех, — усмехнулся Эразм. — О, вижу достойного члена нашей скромной боевой компании. — Не стану вам мешать, — он медленно поднялся и отправился отдыхать в шатер.

Когда волшебник вышел, труп Адама вдруг зашевелился. Ослябя, сообразив в чем дело, молниеносно раскрыл череп Змея.

— Ты что наделал?! — закричал Эфит.

Со второго этажа слышались удары топора о пол. Ветеран с тревогой посмотрел на паломника, а тот улыбнулся и пожал плечами.

— Мертвяки восстанут же. Забыл сказать, — Ослябя почесал затылок, отер лезвие меча о одежды трупа и потянул его наверх. — Все равно его ящер погрыз, не сошло бы за удушение, стало быть.

Эфит испугался не зря. Варвар оставил от голов мертвецов только кроваво-мозговое месиво.

— Да что за проклятие! — глаза ветерана потемнели. Частота его дыхания усилилась. А в ладонях показался едва различимый свет.

— Расслабься, — северянин ухмылялся. — Теперь проклятие снято. А-ха-ха-ха-ха-ха, — он заржал и громко потопал по ступеням вниз.

Пока ветеран боролся с нарастающей яростью, Ослябя перетаскал то, что осталось от обитателей дома на кровати. После вышел в середину комнаты, перекрестил себя и принялся молиться в слух.

— О, госпожа Эсмей! Обласкай души убиенных. Пусть их помыслы черны, а души увязли во грехе, но позволь заблудшим обрести покой.

Паломник не успел закончить. Огонь сорвался с ладоней ветерана. Струя огня пронеслась мимо и ударила в труп Змея. Ослябя отскочил и повернулся, но Эфит уже опустил руки. От него к потолку поднимался серый дым.

— Ты что, чародей?

— Нет, — страж опустил взгляд. — Использую магические свитки, — он похлопал рукой по перевязи со свернутыми пергаменами.

— А. Ну ясно, — паломник пожал плечами. — Приходи к шатрам, мы с дедушкой собирались помочь крестьянам местным. Вместе, стало быть, интереснее, — Ослябя, улыбнувшись, махнул рукой. — Ладно, не благодари! — Он весело спустился вниз, оставив стража наедине с разгоравшимся трупом.

Лунный свет хорошо освещал улицы. Паломник шел мимо покосившихся лачуг, гордо

размахивая новым оружием. Здоровенный волкодав обляял парня из-за низкого, местами развалившегося дувала. Ослябя попятился и чуть не наступил на нищего, сидящего с протянутой рукой.

— Ой, прости, добрый человек, — парень с тоской поглядел на лохмотья, висевшие на худом теле. — Ща, обожди, — он скинул со спины дорожную сумку и запустил в нее руку. Нащупав последние три серебряника, паломник ссыпал их в ладонь попрошайки.

Нищий вцепился в протянутую кисть, припал к ней губами и тут же вложил в нее записку. После это раскланялся и поспешил удалиться. Ослябя недоумевая смотрел ему в след.

— Вот чудак, — парень почесал затылок и повертел в руках кусок желтой бумаги. — Это ж эта... как ее... такой у нас и не бывало. Все на пергаментях этих, — в конце концов, паломник развернул записку и принялся читать, с трудом вспоминая буквы. — Р... а... д-д-д... ч... т-т... о-о-о-о... е-е-е-е... щ-щ-е-е-е... Да ну его! Все равно ничего не разглядеть, — махнув рукой, Ослябя направился к Эразму.

Эразм листал гримуар сидя в кресле, недовольно поглядывая на Шахриет, что все еще спала на его кровати. Ворон пристроился у ее изголовья и чистил перья. Шатер освещали несколько свечей и угли, томившиеся в жаровне рядом с волшебником.

— Дедушка! — паломник ввалился в шатер, откинув полу. — У меня тут письмо.

— Что еще за письмо? — не отрываясь от чтения ответил лорд Пифарей, даже не взглянув на собеседника.

— Это... ну, от нищего, стало быть.

— Ты напился что ли? — Брюзгливый поднял взгляд.

— Да как же... не... во, — парень протянул бумажку, успевшую намокнуть от пота.

Эразм с недовольным видом развернул послание и принялся читать вслух:

Рад, что еще остались люди, готовые ради веры отправиться на край света, рисковать жизнью, но смело идти во тьму с именем Эсмей на устах. Ослябя, я наблюдал за твоим путешествием с того самого момента, когда ты пересек земли Тамора. Но не бойся! Я не желаю вернуть тебя помещику. Меня восхищает твой поступок. Ты сделал тяжелый выбор ради благой цели, и это достойно уважения.

Если твои деяния будут такими же чистыми и благими, как твои стремления, то думаю, что смогу уладить приобретенные проблемы с законом. Знай, что светлые помыслы и каменное мужество перед лицом оскалившегося зла, открывают путь не только в ласковые объятия Эсмей, но и позволяют стереть рамки земной жизни. Когда-то я являлся таким же паломником, но теперь мое положение позволит возвысить тебя, если докажешь, что достоин.

Сейчас мы не можем встретиться. Но я буду наблюдать за тобой. Покажи себя верным последователем Эсмей и другом ордена Рыцарей Меча! И никому не рассказывай об этом письме.

Закончив чтение, волшебник бросил записку в жаровню с тлеющими углями. Бумага мгновенно вспыхнула и маленький язычок пламени сжал ее в черную пыль.

— Послание, видимо, от какого-то шпики Рыцарей Меча — это раз. И два — о нем нельзя никому рассказывать, — лорд Пифарей снова поднял перед собой книгу.

— Ой... — Ослябя почесал затылок. — Так... а... чего теперь?

— Чего-чего! Следовать по пути Эсмей и никому не рассказывать о письме, — Брюзгливый повысил голос.

— Хех, — паломник улыбнулся. — А ведь и то верно! Я тогда помолюсь, съем лепешку и на боковую.

Совершив задуманное, Ослябя устроился на тюфяке и засопел. Эразм покряхтел, поудобнее устраиваясь в кресле, протянул ноги поближе к жаровне и, все еще с раздражением поглядывая на девушку, затушил свечи.

В глазах Эфита полыхал огонь. Зажав в кулаке амулет, он смотрел на горящее здание гильдии, у которого суетились люди с лопатами, готовясь отсекать пламя, если то попробует распространиться дальше. Тушить никто не пытался. Это радовало. Ветеран отказался от изначального плана с кроватями. Размозженные головы и выведенное рептилией нутро пожарищем не скрыть. Поэтому он нашел опорную балку на первом этаже и подтащил трупы к ней, в надежде, что завалы собьют с толку прибывших для расследования. Убедившись, что все сгорит до основания, страж приложился губами к серебряному кругляшку и, спрятав его под одеждой, отправился спать в трактир.

Орка не разбудили крики о начавшемся пожаре, он вообще крепко спал, особенно после тяжелых часов, проведенных с ненасытной ведьмой. Но когда на горизонте забрезжил рассвет, зеленоватый нехотя открыл глаза. На его руке мирно сопела сморщенная обнаженная старушка. Оглядев ее, Шалилун начал лыбиться, оскалив клыки.

Адаль тоже крепко спала. Отвернувшись, она захрапела. Зеленоватый перестал обращать на нее внимание. Он пошарил по дому, нашел холодную залежавшуюся кашу в котелке и, ныряя в него здоровенной ладонью, принялся жевать. После осушил целый кувшин верблюжьего молока, отрыгнул и начал одеваться. Через двадцать минут Шалилун подходил к шатрам, где герои собирались выдвигаться к пастбищу, чтобы поохотиться на душителя овец.

— А вот и наш здоровяк! — воскликнул Варвар и схватил орка на шею.

— Шалилун идти с вами, — ответил зеленоватый, реагируя на захват.

— Приятно познакомиться, — соврал Эфит, протянув руку.

Шалилун не обратил на него никакого внимания и попытался повалить противника в песок. Он орал что-то на орочьем. Понимал его лишь Эразм, но не слушал, спеша уйти подальше.

Калдор, не желавший оставить в шатре награбленное непосильным трудом, приторочил дорожные мешки ремнями к питомцу. Из-за этого ящер казался неуклюжим и шире в два раза, но бежал также спокойно, будто не чувствовал веса. Ослябя даже засомневался в том, что быть ослом так уж почетно. Ловкая и зубастая ящерица справлялась с грузами не хуже, но выглядела куда более грозно.

В конечном итоге, в пути компания растянулась на десятки метров. Первым до стада добрался дрессировщик. Почуввав зверя, собаки, охранявшие овец, залились лаем. Пастух, дремавший на верблюде, чуть не свалился в песок, завидев, что к его животным легкой походкой приближается зубастая тварь. Но Калдор отдал питомцу команду, и динозавр прилег отдохнуть. Выяснив все, что нужно, дрессировщик отошел на расстояние и дождался остальных.

— Этот бедолага говорит, что овцы пропадают, по меньшей мере недели две. Но, у поместья пропала целая отара вместе с пастухом и его семьей, а тут одна-две в день.

— Почему мамелюки не расследовали это? — Эфит частенько занимался такими делами в период службы.

— Так их Басим нанял для личной охраны и товара. Ну, рабов, то есть, — пояснил

заклинатель ящеров. — Нахиор нам как раз эту наводку и дал, мол, пока его люди заняты снаряжением каравана.

— И что еще сказал тот чабан? — волшебник от нетерпения скрестил руки на груди, предварительно оперев посох на Ослябю.

— Он думает, что это призраки.

— П-ф-ф, — Эразм дернул головой. — Почему-то я даже не сомневался.

— Осмотрим местность на предмет каких-нибудь следов, — предложил ветеран и первым принялся рыскать по округе.

Удача улыбается упорным и дотошным, поэтому в паре десятков метров от стада Эфит нашел то, что искал.

— Ого, сапожина огромный! — Ослябю приложился ногой в большую отметину следа.

— Словно лапа морозного великана, — Варвар заметно повеселел и потряс топором.

— Не, эти отметины скорее всего оставил огр, — вмешался Калдор. — Хотя странно, они обычно группами передвигаются.

— Огры?! — заорал северянин. — Нужно скорее сразиться с этими тварями.

— Шалилун убивать во славу Горга, — зеленоватый поддержал товарища и выхватил меч.

— Пастух советовал пойти к руинам древней таморской крепости, — дрессировщик указал пальцем на горизонт, где виднелись каменные развалены.

— А следы ведут не к ним, — заключил Эфит.

— Нечего рыскать по развалинам, — волшебник подкинул ворона.

Птица взмыла вверх, выкрикивая: «Ры-ы-ы-скать! Ры-ы-ы-скать!». Сделав пару кругов над приключенцами, ворон набрал скорость и, расправив крылья, полетел по направлению следа.

Калдору очень хотелось обыскать руины, но все спешили найти огра. Справедливо рассудив, что в логове гиганта может находиться что-то ценное, а в случае отсутствия, это ценное проплывет мимо, скорпион поспешил за союзниками.

Следы вели к горам, мимо бывших плантаций аль-Гази, где выращивалась пшеница и чечевица. Ныне эту зеленую территорию у небольшого водоема использовали под пастбища скота. Герои остановились утолить жажду. Варвар разогнал столпившихся овец и принялся умываться. Остальные наполняли бурдюки и пили.

Дрессировщик с грустью посматривал на руины, оставшиеся в стороне, но вспомнил о девушке и направился к Эразму.

— Эй, лорд... как вас там? — неуверенно начал Калдор. — Что с девчонкой?

— А тебе какое дело? — волшебник набрал воды в ладошку и подставил ее птице, сидевшей на плече.

— В смысле? Волнуюсь.

— Чего?! Что-то я не заметил, как она лежала в бреду на твоей кровати в твоём шатре. Это мои простыни промокли от ее пота, это я сплю на твердом кресле. Волнуется он.

— Трепло-о-о-о! — гаркнул ворон и продолжил пить.

— Я вообще-то тащил ее из поместья на себе.

— И решил, что на этом с тебя хватит? А, ладно, — Брюзгливый махнул рукой. — Очухалась девица.

— Серьезно?! И что с ней?

— Ничего не помнит. Пришлось нанять ей сиделку, пока мы в походе.

— Хм... — Калдор почесал подбородок. — А какие есть мысли?

— Мысли мои такие... Ты меня порядком утомил и раздражаешь. А теперь отойди с дороги, иначе натравлю на тебя ревнителя веры и черную птицу, а после испепелю магией.

Дрессировщик скривил лицо и замотав руками, отошел подальше, намереваясь самостоятельно поговорить с Шахриет по возвращении.

Через час приключенцы приблизились к горам. Следы привели к широкой расщелине в скалах.

— Достаточно большая. Огр точно пролез бы, — осматривал вход в пещеру Эфит.

— А это еще что? — Калдор поднял палец вверх, призывая прислушаться.

— А-р-р-х-х-х. А-а-а-р-р-х-х-х, — изнутри доносился жуткий рык.

— Похоже, что большой зверь! — восторженно прикрикнул северянин.

— Т-ш-ш! — шикнул Эфит. — Больше на храп похоже.

Волшебник тем временем скучал, прислонившись к скале. Его мысли занимала кровать все еще занятая девкой, ведь ото сна в кресле поясница разболелась сильнее, чем обычно.

— Надо тихонько зайти, стало быть, а там и глядеть, — Ослябя прекратил перебранку и первым вошел внутрь.

Пещера оказалась сухой. Никаких грибов, плесени или мха в ней не росло. На входе ужасно воняло мочой и фекальными массами. Входящим пришлось закрыть лицо платками и рукавами. Орк, не смотрел под ноги и вляпался в огромную кучу свежих испражнений, из-за чего принялся судорожно трясти ногой, забрызгивая идущих мимо Калдора и Эфита. Они, конечно, осыпали союзника проклятиями, но делали это шепотом, поэтому зеленоватый не обратил на них внимания, принявшись шкрябать подошвой по стенам. Варвар вовсе запнулся о камень и выругался. Несмотря на это «скрытное» вхождение, рык продолжался в той же тональности и размеренности.

— Хех. Нечего раскрадываться! — воскликнул Ослябя, выйдя из прохода. — Этот здоровый со хмеля, стало быть. Помню мамка ругивала отца, за то, что тот после храма в кабак шел. Так он тоже, как заснет, так хоть из хаты волочи. Ни в жизнь не проснется.

— Фу-у-у, — Эфит снова прикрыл лицо платком. — И правда, разит как от пивной бочки, простоявшей на солнце несколько суток.

Пещера заканчивалась тупиком. Здесь скала образовала просторную природную залу. В потолке наружу выходил лаз. Для огра он казался маленьким, а для человека слишком высоко располагался. Но отлично подходил для освещения. Солнечный свет, проникнув через него, высушивал лишнюю влагу и позволял видеть, не зажигая факела. Обосновавшийся тут житель, дополнительно использовал отверстие в качестве дымохода.

Отходами жизнедеятельности в тупике не пахло. Жирный огр, храпел на подстилке из шкур, рваных тканей и грязной соломы, поджав под себя ноги и обнимая овечий труп. В углу висело человеческое тело, подвешенное к потолку за ногу. Вторая нога у бедолаги отсутствовала. Под проемом стоял огромный котел, в который не только овечка, но и человек мог целиком поместиться. А у выхода обнаружили две бочки, наполненные пахучей жидкостью. На полу то тут, то там виднелись обглоданные кости.

— Надо убить его, пока не проснулся, — предложил Калдор и заглянул в одну из бочек.

— Нехорошо убивать человека, пока тот спит, — Ослябя осуждающе покачал головой.

— Это не человек, — грозно отрезал Эфит. — Это мерзкий огр.

— Ну и ладно, человек не человек, а все одно — нехорошо.

— Сначала давайте посмотримся, а там решим, — дрессировщик оставил бочки в покое,

предоставив дальнейшие их исследование здоровьям.

Ослябя согласился с таким подходом и поспешил к висельнику. Лицо мужчины оказалось разбито в мясо. Узнать его не представлялось возможным. Но парень и не пытался. Убитый оказался хорошо одет. Дорожный бело-синий кафтан, на манер тех, что носила эринданская знать, явно указывал на благородное происхождение, а благородных Ослябя знал мало.

Но кое-что паломник все же узнал. На шее убитого висел серебряный амулет в виде меча, гарда которого обрамлена золотым диском. Он без промедления сорвал цепочку и сунул себе в рукав. Оглядев союзников и убедившись, что те не обращают на него внимания, поднял дорожную сумку убитого. Там Ослябя обнаружил запечатанное послание и узнал печать. Тот же самый меч с диском. Такую печать ставили только Рыцари Меча. Парень видел ее на многих бумагах кастеляна в замке, куда сдавал излишки зерна. Едва паломник успел спрятать свернутое в свиток послание в рукав, как сзади раздался голос Калдора.

— Ну? Чего там есть?

— Э-э-э... ну-у-у-у...

— Дайка сюда, — дрессировщик нагло выхватил сумку и вытряхнул содержимое на пол. — М-да, не густо, — он разочаровано распахнул ногой дорожный скарб.

В этот самый момент Варвар разбежался и пнул огра в лицо. Спящий подпрыгнул.

— А-а-а-а-а-а, — орал огр, держась за свернутый на бок нос, из которого струей брызнула кровь.

Северянин занес топор, но оказавшийся рядом Ослябя вцепился в рукоять и не дал опрокинуть замах.

— Что за?! — заорал Варвар и оттолкнул парня плечом.

— А-а-а-а... Вы кто такие? — жалобно гундосил пробудившийся.

Северянин смутился. Он ожидал свирепой, яростной атаки, но вместо этого уродливая тварь трусливо жалась к стене. Маленькие глазки на раздутом широком лице бегали по сторонам, излучая растерянность и страх. Огр поджимал губы, обнажая кривые и желтые зубы.

Подобное поведение и вправду не типично для этого вида. Об ограх ходили страшные и ужасающие слухи. Их уродливый внешний вид таморские ученые объясняли повальным кровосмешением. Чаще всего, вождь племени являлся отцом практически всех особей, оплодотворяя самок на правах сильного. Каких-то привычных цивилизованному миру семейных уз в племенах не существовало. Садистские и извращенные повадки этих гуманоидов: вроде любви к пыткам, расчленениям, насилию и труположеству, также объяснялись вырождением, но существовали и те, кто утверждал, что на огров действует окружающая действительность.

Сподвижники теории «бытия» доказывали, что на любой индивид воздействует его бытие, во многом определяющие и формирующие сознание. Впрочем, сторонники пошли дальше и вовсе пытались опровергнуть исключительность дворян и аристократов, недвусмысленно намекая на то, что любой крестьянин может не хуже гарцевать на коне, танцевать на балах и читать поэмы, если только его этому обучать с детства. А любой дворянский ребенок, помещенный в крестьянские реалии с младенчества, в итоге вырастит деревенщиной.

Святая Церковь Эсмей, при поддержке влиятельных аристократических семей, объявила подобное учение ересью. В конце концов, после казней и сожжения еретических книг,

сторонники теории «бытия» затаились в подполье, а при университетах ввели должность надзорного инквизитора, который отныне проверял любое исследование на наличие ереси. В те времена Эразм и обозвал Императора Охиоса ослом за то, что тот позволил Церкви вмешиваться в дела ученых.

— Подожди! — кричал Ослябя северянину. — Пусть говорит.

— Вы зачем сюда пришли? Убить бедного Видли? — из глаз огра капали крупные слезы.

— А не ты ли убил того беднягу? — вмешался Эфит, взяв в руки один из свитков, что висели на груди.

— Он тоже пришел убить бедного Видли... — полувеликан повернулся к героям боком, показывая свежую зияющую рану. — Этот меня мечом резал. Что делать было?! Я только овец воровал, — продолжал хныкать тот. — И то, чтобы покушать... никого не трогал Видли... никого не убивал...

— Мы не можем его убить, — твердо заявил Ослябя, загородив огра. — Может злое создало этот убогонький род, но этим существом зло не управляет.

— Что он несет?! — железнобокий оглядел собравшихся.

— Пожалейте Видли! Пожалейте, пожалейте!!! — огр плакал, словно дитя.

— Хех, — Калдора забавляла эта ситуация. — Давайте его выгоним, да и все. Чего-то и правда не хочется сражаться со слюнтяем, — дрессировщик порадовался, что оставил питомца снаружи, и продолжил рыскать по углам.

— Мне это надоело! — заорал Варвар и, протаранив паломника, бросился в атаку.

Шалилун последовал за товарищем. Эфит сделал вид, что читает заклинание со свитка.

— Что еще за клоунада? — недоумевал, глядя на него Эразм. — На такое разве что тупица купится. Хотя... — он оглядел собравшихся и махнул рукой.

Варвар рубанул врага топором, но огр успел сгруппироваться и отразил удар тяжелой палицей, что стояла у стены. Орк прыгнул следом и рубанул сбоку. Лезвие глубоко вонзилось в плоть. Противник закричал и выронил оружие.

Следующий удар Шалилун нанести не успел. Тяжелый кулак поразил его прямо в лоб. В глазах орка потемнело и зеленоватый отлетел в сторону. Северянин воспользовался моментом и занес топор для удара в висок, но огр успел и на этот раз. Он отпрыгнул в сторону. Лезвие просвистело и раскроило ухо. Кровь побежала по щеке. Полувеликан схватился за рану ладонью. Варвар ударил еще раз, целя в колено. Враг снова пытался уйти от лезвия, и топор брякнул по каменному полу. Калдору показалось, что в стороны полетели камешки, но это оказались огрские пальцы правой ноги. Он зарычал и схватился за обрубок ступни, неуклюже подпрыгивая на одной ноге.

Северянин намеревался закончить начатое, но Ослябя загородил собой монстра, встав перед ним с мечом. Варвар рассвирепел и уже паломник отступал под градом ударов. Огр продолжал плакать и молить о пощаде, но страж решил, что затраченного времени на чтение магического свитка достаточно, а потому сжал кулак. Пергамент в его руке вспыхнул, как вспыхнула и голова огра. Страшный вопль оглушил собравшихся.

Все замерли, уставившись на полувеликана. Ослябя и Варвар застыли с занесенным оружием. Монстр кричал. Его лицо и волосы пылали. Страшные ожоги тут же расплзлись по плоти, а запах паленой кожи и волос мгновенно наполнил пещеру. Огр побежал, опрокинув котел с варевом, он, словно тараном, ударил головой в скалу. Раздался неприятный треск и все смолкло.

Паломник, в ужасе от страшной смерти, хватал ртом воздух, пытаясь что-то сказать. Варвар с размаху пнул его в пах носком сапога, и направился к труп.

Эфит поправил на себе одежды и с довольным видом вышел наружу. У расщелины его нагнал злой северянин и прижал ветерана к скале.

— Ты! Испортил шкуру... эта башка теперь ни на что не годится!

— Спокойнее, друг мой, — Эфит легким движением положил руки на плечи Варвара. — Разве такой трусливый и презренный зверь заслуживает того, что стать трофеем столь славного и могучего воина?

Железнобокий задумался и отпустил стража.

— Уродливой головешке не место среди твоих трофеев, — продолжал ветеран. — Я видел коллекцию голов у шатра. Это несомненно вызывает восхищение.

— А что делать с этой? — Варвар поднял перед собой обгоревшую голову огра.

— Сдай ее Нахиору. Уверен, он отблагодарит монетой, — Эфит приобнял собеседника за плечо. — Идем, обсудим наше сотрудничество, — страж с хитрой улыбкой поглядывал на ящера, что отдыхал в тенишке, но пока что оставил этот козырь в рукаве.

— Надо на пятках попрыгать, говорят, что помогает, — посмеивался Калдор, глядя как Ослябя корчится от боли.

Волшебник ворошил посохом пепел, оставшийся после сожженного свитка Эфита.

— Вре-е-е-т! Лже-е-е-ц! — прогорланил ворон, сидя на плече хозяина.

— Да знаю я! Умник, — раздраженно ответил Брюзливый. — Не уж то и правда... впитывает энергию... хм... — Эразм поглаживал бороду в раздумьях. — Вот он удивится, когда попадет в Сулифу, — лорд улыбнулся, глядя на ворона.

— Это вы о чем? — дрессировщик подошел к волшебнику, закрывая крышку бурдюка.

— Ты набрал жидкость из бочки? — повернулся Эразм.

— Ну да. Это вроде какой-то огрский спирт или брага.

— Не хочу знать для чего тебе эта бурда, — Брюзливый обогнул собеседника и направился к выходу.

— Милорд! — окрикнул его сидящий на камне Ослябя. — Подождите, милорд.

Волшебник нехотя остановился, тяжело вздохнул и поплелся к паломнику.

Орк тем временем очухался, попинал труп огра, заглянул в перевернутый котел и, выловив оттуда покусанную баранью ногу, поспешил за ушедшим северянином. Дрессировщик в свою очередь, обшарив все, охладел к локации и оставил волшебника и паломника одних.

— Я должен похоронить того воина, — Ослябя с горечью в голосе указал на подвешенный труп, — ну и Видли тоже.

— Сдурел?! Для этого здорового мешка нужно котлован рыть, а у тебя даже лопаты нет.

— Я камнями заложу.

— Ладно, а я пока почитаю. Снаружи есть удобное местечко...

— Дедушка... скажи... что делать, если зло сильнее? Как его одолеть?

— Хм... — Эразм погладил бороду и примостился рядышком с паломником на камень. — А что для тебя одолеть зло? Убийство?

— А как еще... — Ослябя смутился. — Получается.

— Так разве убийство, само по себе не является злом? Пусть даже ради избавления мира от чего-то страшного и омерзительного. Убийство злого человека не означает победу над темными силами, которые им движут. Скорее наоборот. Загубив живую душу, отправив ее в Преисподнюю, ты никак не излечишь ее. Она уже не сможет обратиться к добру, навсегда погрязнув во зле, которое ты пытаешься искоренить, — Эразм снисходительно улыбнулся. — Болел ли ты когда-нибудь?

— Да... бывало... мамка меня в бане отпаривала, да настойками на травках отпаивала.

— Ну вот. Она излечивала скверну, что одолевала твое тело. Справилась с ней, позволив тебе творить добро в дальнейшем. Так же и тут.

— Так что же? — Ослябя почесал затылок. — Раз убить нельзя, то запугать надо? Ну, чтобы, стало быть, желание отбить к злу-то.

— Запугать злого человека, чтобы тот не совершал зла — не сработает. Так ты только создашь раба, забитого и запуганного, но по-прежнему злого и жестокого. Представь, что

случится, когда он снова обретет свободу.

Ослябя и до этого разговора смутно понимал, что его физическая сила мало помогает делу добра. Но, в силу отсутствия образования, представлений о жизни вне полей и хлебов, не находил нужных слов, чтобы связать собственные мысли.

— Что же мне делать, дедушка? — паломник с надеждой смотрел на волшебника.

— Вот слушай. Зло, по сути своей, ничтожно. Оно всего лишь тень на душе человеческой, отброшенная каким-то несчастным недоразумением. Сложись судьба человека иначе, попади он ребенком в другую семью, или не попади в дурную компанию, его душа могла бы сформироваться чистой, как капля горной воды. Зло — всего лишь скверна. А любую скверну, рано или поздно, удастся излечить.

Парень понял, чего ему не хватало. Не хватало слов. Вот окажись он красноречивее и умнее, то смог бы облечь в правильные слова глубокую убежденность в торжестве дела добра. Тогда, убедил бы Варвара пощадить огра, смог бы отговорить насильников нападать на женщин, а заклинателя змей и Шахриет наставил бы на путь избавления от злобы. Вот злу и пришел бы конец.

— Надо мне, дедушка, как ты стать, — заключил Ослябя. — Говорить красиво научиться, а то, стало быть, не победить мне зло.

— Хех, — волшебник усмехнулся. — А ты схватываешь на лету. Для начала избавься от этого мерзкого «стало быть». Ну и готовься тогда. Ты же хотел научиться творить заклинания, вот заодно и книги читать у меня начнешь.

— Ого, заклинания! Эт мне, стало б... ой, — парень похлопал пальцами по губам. — То есть мне пригодится... а книги зачем?

— В них вся сила и мудрость. Они научат и думать, и говорить. А теперь вставай и за камнями, а я как раз почитаю.

Пока Ослябя таскал камни, чтобы обложить ими тела, Эразм действительно читал. Ворон бесновался по пещере: то вылетал наружу через отверстие, то садился на трупы и камни, выкрикивая паломнику обидные или подбадривающие слова. Сначала парень безуспешно шикал или пытался поймать птицу, но поняв, что она только этого и добивается, решил не обращать внимания. Пока он возился с захоронениями, остальные герои успели вернуться в Анвил.

— Как вам этот Калдор? — Эфит угощал выпивкой Варвара и Шалилуна лежа на топчане у «Наследия Тамора».

— Никак, — железнобокий, полулежа на подушках, закинул в рот целую горсть виноградин.

Получасом ранее Нахиор выплатил ему и Эфиту десять золотых монет, отблагодарив за избавление от огра. Награда была через чур завышенной, но капитан мамелюков справедливо полагал, что платит всем новоиспеченным героям Анвила.

— Он что-то тщательно оберегает... — страж осмотрелся по сторонам. — На его звере висит что-то важное.

Шалилун обгладывал жареные куриные бедра и, казалось, совсем не интересовался разговором, рассматривая двух женщин, которые плели корзины, сидя в тени финиковой пальмы.

— О чем ты говоришь? — северянин обильно залил элем проглоченный вместе с косточками виноград.

— Ящер. На нем висят мешки и сумки. В одной из них что-то очень ценное. Калдор

постоянно проверяет на месте ли она. Может вы нашли что-то интересное в поместье?

— Не знаю, — со скучающим видом Варвар выбирал ножку посочнее, разбрасывая их на большом блюде. — Меня интересуют только трофеи. Чтобы получить право бросить вызов вождю железнобоких, нужно добыть великий трофей. Голову грозного и практически непобедимого для большинства противника. Вождь наказал не возвращаться без трофея.

— Хм. Чувствую, что правило появилось совсем недавно?

— Да, — северянин мотнул головой. — Вождю слишком часто бросали вызов, он всех победил.

— А как же магические вещи и артефакты?

— Это мне ни к чему. Побрякушками никого не удивишь.

— Дстойные цели, друг мой! — радостно воскликнул ветеран и подлил эля в пиалу Варвара. — Как думаешь, а голова дракона будет достаточным трофеем?

— Что? — железнобокий мгновенно оживился. — Я мечтаю убить эту тварь, но где же ее найти?

— В Сулифе, в Муфтараке живет мой старый знакомый охотник. Год назад он бывал в Эль-Эментале и рассказывал, что в горах появился черный дракон. Местные бедуины жаловались, что видели, как летающая тварь налету срывала когтями горных коз прямо со склонов. Кто-то даже рассказывал, что ящер воровал ночами пасущихся верблюдов.

— Ты должен показать мне этого охотника!

— Конечно-конечно, друг мой, — Эфит добродушно улыбался, обнажив белеющие зубы. — Я прошу лишь помочь мне в поиске одной вещицы. Как тебе известно, я состою в гильдии Хранителей, причем в достаточно низком ранге, который не позволяет мне владеть любимой женщиной.

— Ваши имперские обычаи мне противны. Женщину должен забрать тот, кто сильнее.

— О, поверь, тут я тебя полностью поддерживаю. Я придерживаюсь древних ашахитских традиций, соблюдать которые завещал сам Шеннаитх. По ним женщину вовсе полагается купить, хотя не у всех хватает для этого средств...

Шеннаитх — покровитель беспрекословного подчинения законам, регулируемой торговли, ремесленников и благополучия городов. Его культ получил широкое распространение в Ошиоссе и Ашахите. В Таморе всегда считался нейтральным божеством, потому поклонение ему никогда не ограничивалось. Символом Шеннаитха служили весы, на противоположных чашах которых расположены свернутый пергамент и горсть золотых монет, что олицетворяло равновесие между законом и богатством.

Во время нахождения Ошиосса в составе Таморской Империи, культ Шеннаитха под влиянием таморской цивилизации изменил некоторые обряды и пару букв в названии божества, которое стали именовать на имперский манер «Меннаитом». А после этого и вовсе постепенно вытеснялся культом Эсмей.

В Ашахите султаны с удовольствием пользовались религией для укрепления собственной власти, называя себя визирями Великого Шеннаитха. Во многом такое широкое почитание связано с развитой морской торговлей, а также с фанатичным соблюдением древних традиций.

В Эриндане и Таморе Меннаиту нередко поклонялись торговцы, ремесленники и мещане. Гильдия Торговцев Раскоса, основанная в Эриндане, считает Меннаита собственным покровителем, что, к слову, благоприятно сказывается на торговых связях с Ашахитом, откуда активно импортируются специи, шелка и драгоценные камни. В кулуарах

гильдии шепчутся, что Раскос, когда основывал гильдию, не особенно почитал Меннаита, но ради политических целей стал истово верующим, даже жертвовал средства на постройку храмов.

Так что за вещь тебе нужна? — Варвар бросил кость собакам, что лежали в тени у топчана.

— Тинтур полагает, что это древний артефакт. Сердце самого Кадира Блудного, бывшего кардинала ордена Рыцарей Меча, который ныне в виде нежити правит Сульфским Халифатом.

— Это тот самый Блудный Халиф? — железнобокий толкнул локтем замечтавшегося орка. — Не та ли великая нежить, что ты стремишься прикончить?

— Шалилун убивать нежить, — зеленоватый закивал головой. — Убивать во славу Горга.

Эфит поднял бровь и с сомнением поглядел на орка, что уже отвлекся на собак, деливших куриные остатки.

— Он вообще понимает что-то? — ветеран тыкнул пальцем в зеленоватого.

— Не знаю! А-ха-ха-ха, — Варвар громко заржал, не обращая внимания на смутившегося стража. — Ладно. Я помогу найти это твое сердце, а ты поможешь найти и убить дракона.

— Договорились, — Эфит протянул руку собеседнику. — Только наше соглашение должно остаться в тайне для остальных, — ветеран покосился на орка, что наполовину сполз с топчана и пытался отнять кость у рыжего кобеля.

— По поводу здоровяка не бойся. Он не выдаст, — железнобокий протянул руку в ответ. — Когда разделаемся с Калдором?

— Не спеши. Я не уверен, что у него действительно что-то есть. К тому же, не ясно, как на это отреагируют другие. Лучше дождаться удобного момента, когда окажемся в пустыне... да и этот ящер его...

— Давно хочу отрубить ему голову, — Варвар крепко сжал кисть собеседника, но Эфит не смутился и тоже ответил крепким сжатием.

— Я заметил. Голова динозавра твоя, но пока не время. Тварь очень прыткая, да и хозяин ее столбом стоять не станет. На открытой местности биться с ними слишком опасно. Да и деревенщина может завопить о зле и добре. Не стоит рисковать, ведь черный дракон куда более притягательная добыча.

— Хорошо. Я подожду, — северянин отпустил руку стража и заставил того осушить целую пиалу эля, дабы закрепить договор.

Отдохнув в шатре, Калдор оставил питомца на охране, а сам намеревался поговорить с девушкой. К сожалению, волшебник и паломник к тому времени не вернулись, а их шатер охранялся молчаливым мамелюком.

Дрессировщик немного раздосадовался. Ничто его так не успокаивало, как звон новеньких монет в кошеле, а значит настало время их раздобыть. Захватив с собой бурдюк, наполненный пойлом огра, Калдор наведлся в «Наследие Тамора».

— Приветствую, уважаемый, — дрессировщик радушно улыбался трактирщику. — Не хочешь ли приобрести наикрепчайший напиток. У местных он наверняка будет пользоваться популярностью, — парень потряс перед собой сосудом.

— И что это? — без особого энтузиазма ответил собеседник, протирая стойку.

— Эль настоящих огров!

Трактирщик скривил лицо и тяжело вздохнул.

— Если это хорошая штука, то выпей, — пустая пиала тут же оказалась на стойке. — Я не буду покупать невесть что.

Такой поворот оказался для Калдора неожиданным. Он в нерешительности смотрел на бурдюк.

— Пить собственный товар не в моих правилах, — скорпион улыбнулся и подошел к ближайшему столику, за которым уныло сидел местный забулдыга. — Но я докажу, что напиток качественный. Эй, уважаемый, — он плеснул из бурдюка в пиалу сидящего за столом, — отведай новый ассортимент. Настоящий эль огров!

Пьяница поднял на дрессировщика красные глаза, которые тут же наполнились благодарностью. Он что-то прохрипел, пытаясь выразить почтение и опрокинул содержимое в горло. Проглотив все одним глотком, забулдыга громко икнул.

— Вот видишь! — Калдор с довольным видом указывал рукой на испытуемого. — Я же говорил, что это не выпивка, а настоящее чудо. Отдам бурдюк всего за пять медяков. Но для тебя, уважаемый, есть специальное предложение, если возьмешь сразу две бочки, то цена всего восемь серебряных монет.

У дрессировщика в запасе еще имелось несколько приемчиков и фраз. Он почти не сомневался, что трактирщик купит отвратительное пойло, но испытуемый неожиданно захирел. Пьяницу вырвало кровью, перемешанной с остатками непереваренной лепешки, что тот съел меньше часа назад. После этого послышался громкий выход газов из заднего прохода бедолаги, а штаны окрасились кроваво-фекальными массами.

— Ой... — Калдор растерянно пожал плечами, когда обмякшее тело грохнуло на пол.

Посетители зажали носы, пытаясь укрыться от едких зловоний. Один из них подошел к упавшему и морщась проверил наличие дыхания. После поднялся и помотал головой.

— Убийца! — завопил во весь голос трактирщик.

— Душегуб! Стра-а-а-ажа! Ловите его! — поддержали посетители.

Растерянный Калдор поспешил наружу, но там его уже ожидали два мамелюка, что патрулировали улицу. Дрессировщик замер, держась за скимитар. Стражники опустили перед собой алебарды.

— Лучше не надо, — прохрипел один из стражей.

Скорпион никогда не сдастся мамелюкам. Этот завет Калдор помнил с самой первой битвы, когда скрестил оружие с «черными стражами». Так называли мамелюков кочевники бедуины и члены банды Пустынных скорпионов. К тому же, задание практически выполнено и артефакт найден. Пусть атаман и велел идти вместе с караваном из-за соображений безопасности, но верный зверь и скимитар всегда служили надежно. Можно забирать сердце и уходить. Но для начала нужно сразить двоих стражников... а после еще добраться до шатра...

— Оглох?! — не выдержал второй мамелюк. — Отстегни пояс с мечом и сдавайся.

— Да я ведь ничего не сделал, этот доходяга помер от пьянки, — дрессировщик добродушно улыбался.

— А-а-а-а-а-а! — душераздирающий крик раздался внутри трактира.

— Мертве-е-е-ец! — трактирщик вылетел из дверей словно ошпаренный, сбив с ног Калдора.

Заклинатель ящеров едва успел сгруппироваться, чтобы не налететь на выставленные алебарды.

Следом за хозяином заведения сломя голову неся десяток нетрезвых посетителей, которые разбежались в разные стороны, вопя от ужаса о живых мертвецах.

Находившиеся рядом Эфит, железнобокий и Шалилун вскочили с мест.

— В чем дело? — ветеран в четыре прыжка оказался возле мамелюков, связывающих руки Калдора за спиной.

— Оставьте руки! — кричал дрессировщик, сопротивляясь.

Один из стражников больно давил коленом на голову приключенца, прижимая древком алебарды шею к земле. Опытные стражи не оставили скорпиону ни одного шанса на сопротивление.

— Этот человек обвиняется в убийстве, — спокойно ответил мамелюк, поставив связанного заклинателя ящеров на колени.

Калдор ужасно жалел, что, вопреки собственной привычке никогда не разлучаться со зверем, теперь оставил его сторожить награбленное.

— Кого же он убил? — вмешался Варвар, поглядывая за реакцией Эфита.

— Его, видимо... — дрессировщик кивнул в сторону выхода из трактира.

В проходе стоял тот самый пьяница. Он оскалил желтые зубы, прожилки которых заполняла кровь и куски человеческой плоти. Алые струйки капали с подбородка, а безжизненный взгляд блуждал по лицам присутствующих.

Сзади напирал еще один оживший труп. Тот самый мужчина, что проверял дыхание у опоенного. Здоровенный кусок шеи у него отсутствовал. Зияющая рваная рана все еще кровоточила, обильно смачивая поблеклые на солнце одежды.

Впереди стоящий шагнул на мамелюков. Обе алебарды пронзили его тело. Мертвец уяз и махал руками, пытаясь достать стражников. Эфит выхватил скимитар и рубанул противника в лоб. Голова треснула, словно спелый арбуз и зомби повис, удерживаемый черными стражами.

До второго добрался радостный Шалилун. В зубах у него торчала кость, отобранная у собак, поэтому вместо прославления Горга, зеленоватый просто рычал. Сильный удар рассек корпус мертвеца от ключицы до пояса. Труп расслоился, пошатнулся, но устоял. Северянин окончил дело, всадив в болтающуюся голову острие кинжала. Орк встретил это радостным возгласом, и здоровяки весело обнялись.

— Мертвецы оживают? — мамелюки переглянулись. — Вы ведь из тех, кто справился с проклятием в поместье?

— Да, это мы, — слукавил Эфит.

— Тогда сообщите об этом капитану Нахиору, — один из стражников поднял Калдора на ноги. — Мы сопроводим арестованного в яму, а вы расскажите о мертвецах.

— Скажите Нахиору, что я под арестом! — Калдор обратился к товарищам. — Скажите, что нам нужно поговорить!

— Конечно-конечно, друг мой, — ветеран хитро улыбался, сложив руки на груди.

Он смотрел в след черным стражам, что вели под руки дрессировщика. Когда они отошли достаточно далеко, то обратился к присутствующим.

— Почему бы вам не отметить веселую битву чем-нибудь горячительным? А я бы избавил вас от необходимости тащиться к капитану стражи.

— Отличная идея! — Варвар хлопнул Эфита по плечу и потащил орка в трактир.

Через десять минут страж Эль-Эменталья стоял в шатре Нахиора, наблюдая за тем, как тот медленно выпускал из легких сладкий дым, лежа на подушках. Мамелюк курил кальян,

забитый болотной травой, смешанной с жасмином и мёдом.

Его жилище оказалось простым и не особо отличалось от тех, что предоставили в пользование герою. В одном из углов шатра располагалась узкая кровать, рядом с которой находился обитый железом сундук и стойка с доспехами, и оружием. Отсутствовали даже ковры, которые в шатрах приключенцев все же устилали пол.

— Ф-ф-ф-ф-ф, — густой столб дыма валил из открытого рта. — Получается, что трупы встают и тут... — Нахиор вновь глубокого затянулся и медленно выпустил белый дым. — Что-то происходит. Раньше ничего такого не случалось.

— Думаю, что виной может быть тот волшебник, — с серьезным видом ответил Эфит. — Зачем он тут? Да еще и возится с деревенским дураком.

— Не-е-е... — лениво ответил мамелюк. — Его до сих пор нет в городе.

— Что? Откуда ты это знаешь?

— Ф-ф-ф-ф-ф. Я знаю много чего. Лучше расскажи мне о пожаре в отделении гильдии, — Нахиор сверлил собеседника тяжелым взглядом.

— Да мне нечего рассказывать, — Эфит хладнокровно пожал плечами. — Я выполнял задание куратора, а когда вернулся, то здание догорало. Спасти никого и ничего не удалось бы, потому я отправился спать.

— И даже нет никаких предположений?

Ветерану хотелось использовать момент и поделиться подозрениями о поджоге, которое вполне мог осуществить смутьян и убийца Калдор, но справедливо рассудил, что эта ниточка может привести к нему, да и упоминать о задержании дрессировщика пока не входило в планы.

— Да сам Адам и поджег случайно. У него наблюдались некоторые проблемы с алкоголем. На кануне моего убийства, куратор как раз страдал головой. В итоге позвал приятелей на застолье. Может перепились, да опрокинули лампу.

— А-ха-ха, — Нахиор с довольным видом рассмеялся. — Складно, — он качнул головой. — Закапывать восставшие трупы опасно. Если сможешь их сжечь, то я тебе заплачу.

— Это я могу, — Эфит легонько поклонился, опустив голову, и вышел на улицу.

Трупы могли подождать, а вот шатер Калдора, где находились все его вещи — нет. Ветеран захватил с собой северянина, надеясь на его помощь и жажду трофеев, а вот орка решил отвадить, с трудом объяснив Шалилуну, что ему требуется оттащить трупы подальше за пределы городка.

Временное место жительства заклинателя ящеров располагалось на самой окраине, на небольшом отдалении от других растянутых шатров. Дрессировщик неслучайно его выбрал, рассчитывая приходить и уходить незамеченным. Сейчас же это играло на руку бывшему стражу вольного города.

Откинув полог, Эфит и железнобокий вошли внутрь. В самом центре помещения оскалившийся ящер замер готовясь совершить бросок, если пришлые сделают хоть один шаг. За его спиной стоял сундук, который сразу бросился в глаза ветерану. В голове у стража мелькнула мысль поджечь зверюгу, но бешенный напарник мог рассвирепеть, если попортить голову. А для скорой смерти хладнокровной твари именно башку и нужно палить. Да и ящерица могла снести жерди, что держали навес шатра, а то и вовсе устроить пожар.

— Готовься к удару, — едва слышно произнес Эфит, медленно приближая кисть к рукояти меча.

Барвар покрепче взялся за топор и сильнее навалился на опорную ногу. Глаза ящера бегали по противникам, казалось, что зубастая тварь просчитывала возможности и шансы для атак.

Страж приготовился крикнуть команду «к бою», намереваясь прыгнуть в сторону, позволив твари атаковать напарника, но снаружи послышалось порхание крыльев. Приключенцы обернулись. В шатер влетела черная птица и спланировала на голову ящера. Зверюга ошалела и замерла, подняв зрачки кверху.

— Кры-ы-ы-сы! Во-о-о-ры! — горланил ворон, попеременно наклоняя голову в стороны.

Динозавр обалдел от такой наглости, но все же попытался схватить пернатого зубами. Ящер подпрыгнул и кляцнул челюстью, но птица ловко увернулась, при отступлении капнув на нападавшего белой массой.

— Остало-о-о-пы! — выкрикнул ворон, покидая шатер через откинутый полог.

— Паскудная птица... — тихонько произнес Эфит.

— Так-так, — Эразм показался в проходе. — Решили поживиться трофеями Калдора?

— Конечно нет, уважаемый! — ветеран всплеснул руками, изображая будто оскорблен. — Наш товарищ посажен в яму, по обвинению в убийстве. Согласно ашахитских законов, родственники в праве потребовать плату кровью. Потому смельчака Калдора скорее всего ожидает смерть, — Эфит на секунду смолк, пристально следя за руками волшебника. — Мы с железнобоким надеялись отыскать для него какие-нибудь теплые вещи.

— Хм... теперь ясно, о каком суде кричал мальчишка пастух. Об этом уже трубит вся округа, — казалось, что Брюзгливый поверил в историю. — Идемте, расскажите, что случилось. А вещи не пригодятся, солнце в закате, суд состоится сейчас.

— О, справедливый Шеннаитх, наставь душу заблудшего Калдора на праведный путь. — страж воздел руки к небу и вышел за волшебником.

У самого входа Эфита чуть не сбил малец с длинной палкой. Он бойко повернул к мужчине веселое, закопченное безжалостным солнцем лицо. Его окружала отара блеющих овец, которые медленно плелись мимо шатров.

— Су-у-уд! — заорал мальчишка задорно хлопнув по заду овцу, попавшую под ноги. — Впервые в истории Анвила! У нас будет суд! Спешите!

Ветеран закатил глаза и нервно растолкал животных, чтобы догнать Эразма.

Ослябя сидел у изголовья кровати, держа на руках поднос, с которого девушка аккуратно брала еду. Паломник принес финики, гроздь винограда и немного орехов. Рядом на столике парил чайник, украшенный сине-зеленым растительным узором, состоящим из гибких стеблей и побегов, покрытых листвой и соцветиями. От него по комнате расползлся дурманящий аромат свежесваренной мяты, лаская обоняние сладкими фруктовыми нюансами.

Освещение исходило от нескольких свечей, расставленных в разных частях шатра. Отблески огоньков играли на нежном лице молодой девушки. Она улыбалась, тихонько отвечая на вопросы парня, обнажая белые зубки. Паломник, не узнавая себя, заглядывался на нее. Умилялся тому, как Шахриет, свернув губки трубочкой, осторожно дула в пиалу, прежде чем сделать маленький глоточек чая.

— Ну может ты... э-э-э... хоть что-то вспомнишь? — Ослябя глуповато улыбался.

— Не могу, — Шахриет виновато опустила взгляд. — Я помню, что осталась на дороге и почувствовала, что голова идет кругом... потом как будто куда-то проваливаюсь. А дальше

увидела дедушку и тебя. Ну, тут уже.

— Эх, вот те и раз, — парень раздосадовано почесал затылок. — Ничего, — махнул он рукой. — Милорд в этом в раз разберется. Ты главное поправляйся скорее, — он улыбнулся и подлил девушке еще чаю.

Шахриет выслушала в тот вечер множество историй из жизни Осляби. Она узнала про Пруды, про работу в поле, мамку и старика Антося. Щеки девушки покраснелись от смеха. Ее новый знакомый казался забавным, смелым и добрым. Впервые она почувствовала себя в безопасности.

На площади быстро возвели деревянный помост, на который два полуголых раба с трудом затащили массивную деревянную плаху. Один из мамелюков затачивал топор, сидя на табурете. Народ торопливо собирался. Снова оживились местные и странствующие торгаши. Посмотреть на суд и казнь спешили целыми семьями. Люди радостно судачили о богатой на события неделе. В захолустном Анвиле, после появления героев, жизнь была ключом.

Солнце приближалось к горизонту. Черные стражи спешно вели связанного Калдора к помосту. Дрессировщик обреченно молчал, но старался держаться мужественно. Толпа кричала проклятия и желала пленнику скорейшей и мучительной смерти. Когда подсудимого подвели к помосту, стражникам пришлось взять его в полукольцо, оцетинившись алебардами. Но, стоило на помосте появиться Нахиору, народ утих.

— Этот человек обвиняется в убийстве корзищика Фарида, — спокойно начал капитан черных стражей. — Убийству есть свидетели. Далее — смерть Фарида повлекла за собой гибель плотника Фаруха. Этому тоже есть свидетели. Согласно обычаям ашахитского суда, обвиняемый вправе защищать себя. Я предоставляю ему это право! — Нахиор махнул рукой и дрессировщика затащили на помост. — Говори, чужеземец. Оспариваешь ли ты обвинение? Нужно ли нам, — он развел руками, — славным и честным людям усомниться в показаниях свидетелей?

Эфит стоял позади волшебника и с трудом скрывал довольную ухмылку. Вопрос решался сам собой. После казни дрессировщика, его вещи наверняка потребуют родственники убитых. Тут-то он сможет воспользоваться моментом и найти заветную вещичку. Варвар держался рядом.

Волшебника не особо интересовала судьба Калдора, он лишь отвадил подозрительных товарищей от шатра дрессировщика. Чего-чего, а воровства у союзников, хоть и временных, Эразм не терпел. Впрочем, некоторое любопытство охватило старика. Интересен и приговор суда, и цели, которые преследует ветеран стражи вольного города.

Калдор ответил не сразу. Жажда скрутила горло. Он осмотрел присутствующих и ужаснулся тому, сколько ненависти и нетерпения в глазах людей. Каждый из них желал ему смерти, каждый не мог дождаться, когда случится кровавая сцена, и голова слетит с плеч.

— Я не убивал того человека... — опустил глаза, произнес дрессировщик. — Он оказался слаб здоровьем, видимо, из-за постоянных пьянок. Уверен, эти же свидетели, подтвердят, что бедняга часто бывал пьян. Я лишь хотел облегчить его жизнь и налил крепкую выпивку, — голос парня становился увереннее, и он уже смелее смотрел перед собой. — Умер он от того, что слаб здоровьем и телом. Корзищик убивал себя многие годы, пока очередная порция выпивки его не прикончила.

Толпа возмущенно загалдела, но в этот раз некоторые высказывались и в пользу слов дрессировщика. Начинались споры и даже вспышки агрессии, но Нахиор приказал одному из

мамелюков ударить в гонг. Народ постепенно замолчал, ожидая слов капитана.

— Есть ли кто-то, кто может оспорить, что корзинщик Фарид долгие годы страдал во хмеле? — никто не ответил. — Хорошо. Следующий вопрос к обвиняемому. Что ты можешь сказать о том, почему мертвый Фарид восстал и убил плотника Фаруха?

— Ничего, — твердо ответил Калдор. — Почему восстают мертвые мне неизвестно. И вы, мастер Нахиор, видели, что мертвяки просыпались еще раньше, в том самом поместье аль-Гази, которое я, к слову, помог вам освободить от проклятия.

— Это правда, — согласился капитан, покачав головой. — В таком случае, вернемся к Фариду. Если то, что ты дал ему не отравлено, то выпей сам, — он махнул рукой и один из стражников вынес на помост тот самый бурдюк.

Калдору развязали руки. Палач стоял рядом и улыбался, закинув топор на плечо. Дрессировщик понял, что все надежды рухнули. Его прикончит либо пойло, либо мамелюк с топором. Парню не хотелось умирать от рук врага. Еще ни один скорпион не казнен черными стражами, не хотелось становиться первым.

Заклинатель ящеров с презрением оглядел собравшихся. Он ухмыльнулся, обнажив крепкие зубы, и приложился к горлышку бурдюка.

Солнце скрылось, принеся в Анвил темноту и желанную прохладу. Стражи зажгли факелы. Некоторые из собравшихся людей, в основном ремесленники и торговцы, принесли с собой лампы и тоже освещали округу. Все ожидали, когда дрессировщик начнет умирать, но парню не становилось плохо. Он стоял с высоко поднятой головой, и не ощущал ничего, кроме возраставшего чувства торжества.

Эфит мрачнел. Мрачнел возможно сильнее, чем родственники погибших, что расположились в первых рядах, надев черные траурные наряды. Варвар заметно скучал, но оставался рядом с ветераном, ожидая дальнейших планов.

Балеан Чернокнижник опирался спиной на пальму в стороне, скрестив руки на груди. Седовласый оказался единственным кто понимал причины живучести Калдора. Он без труда узнал заклинание «очищение», что применяли даже маги новички на отравленную еду и воду. Впрочем, говорить кому-то об этом не спешил. Преследуя личные цели, Чернокнижник не желал впутываться в неприятности. И уж тем более ссориться с сильным волшебником, который, по неизвестной причине, решил спасти дурака, раздающего огрскую отраву жалким деревенщинам.

— И так, — начал Нахиор. — Как все видят, здоровому организму эта жидкость не вредит. Фарид же умер практически сразу. Этот человек, — капитан указал на дрессировщика мечом, — не целенаправленно убил корзинщика, но его действия привели к смерти двоих, — он дал знак одному из стражников и тот ударил в гонг.

Дождавшись, когда звон утихнет, Нахиор поднял руку.

— Слушайте мой приговор! Калдор обязуется выплатить по пятьдесят золотых монет вдовам Фаруха и Фариды. Семьи погибших обязуются отказаться от кровной мести, когда долг будет полностью уплачен. Тебе все ясно?

— Да... — Калдор опустил глаза, с болью в сердце прокручивая в мозгу мысль, что все заработанное в Анвиле придется потерять.

Глава VIII. Глаз Ящера

Караван готовился к убытию. Солнце еще не успело взойти, а мамелюки, активно используя рабов, запрягали верблюдов и пустынных коней, способных выдержать переход через изнуряющие пески. Лошадей не выючили грузами, они полагались для воинов, охраняющих караван. Верблюдов же нагружали нещадно. Дав животным как следует напиться воды из водоема, рабы взваливали на их спины перемотанные мешки, корзины и тюки с товарами, теплой одеждой, различным снаряжением, едой и водой.

Суэта происходила по всему городу. Несколько торговцев, напросившиеся с караваном, отбивались от местных ремесленников, которые с удвоенным упорством пытались сбыть произведенные изделия. Детишки сновали между животными и путались под ногами, за что иногда получали тумаков от какого-нибудь вышедшего из себя стражника.

Несколько мамелюков руководили сбором шатров, что должны отправиться вместе с караваном и согреть стражей на ночных остановках. Рабы, с металлическими ошейниками, собирали навесы и жерди и спешно уносили их к месту убытия каравана.

Нахиор как раз засвидетельствовал передачу платы семьям погибших, хлопнув дрессировщика по плечу, когда тот выложил все заработанные трофеи. Монет у Калдора не хватило, поэтому он отдал практически все имеющиеся у него вещи. Оставив лишь одну единственную дорожную сумку, что бережно приторочил к питомцу.

Это не укрылось от глаз Эфита, направлявшегося к капитану для получения награды за сожжение трупов. Впрочем, к огромному удивлению ветерана, тела сжег Шалилун, которого он застал уже ночью, наблюдающего за догорающими Фаридом и Фарухом. Как удалось орку разжечь такое мощное пламя без дров и источника огня, страж выяснить не смог. Зеленоватый только глупо хихикал и произносил «вжух», «вжух». В конце концов, Эфит махнул рукой и бросил эту бессмысленную затею.

Капитану мамелюков пришлось оставить в Анвиле около десятка стражников. Какая-то маломальская защита городку все же требовалась, к тому же Нахиор теперь являлся номинальным хозяином местных земель, потому героям предложили не просто следовать с караваном в Муфтарак, но получить небольшую плату за его охранение, а также бесплатных верблюдов во временное пользование.

Каждый преследовал собственные цели, но все они сходились на Муфтараке.

Эразм следовал наставлениям давнего друга Саида ар-Рашида, который наказывал найти столяра и передать ему новости о таинственном артефакте, которым когда-то завладел Ахмад аль-Гази. Особой информации узнать не удалось, но волшебник не сомневался, что Калдор и Эфит что-то скрывают.

Ослябя шел по пути, начертанном Эсмей. Он решил, что должен избавить Шахриет от таившегося в ней зла, ну и охранять ворчливого дедушку, который казался неприятным и злым, но на самом деле был очень даже добрым. К тому же, лорд Пифарей принялся учить его, деревенского простака, магии и грамоте, а ради такого точно стоит прогуляться до Муфтарака.

Варвар стремился добыть заветную голову дракона, что должна возвести его в вожди племени железнобоких. Для этого выполнял условия договора, что заключил с ветераном стражи вольного города.

Эфит осторожно следил за Калдором, который, по его мнению, завладел бесценным

артефактом, а заодно раздражал клептоманией и наличием мощного зубастого ящера. В тоже время, ветеран помнил про сожженное здание гильдии и умерщвление куратора, имевшего связи на самом верху.

Что до Калдора, то он выполнил задание атамана и теперь спешил передать артефакт или информацию о нем скорпионам, которые должны атаковать караван. Ну, а в случае неудачи этого замысла — направиться напрямиком в Муфтарак и отыскать заклинателя огня. На душе дрессировщика хоть и скребли кошки из-за пустых кошель и дорожных сум, но сердце согревала карта сокровищ. Место, отмеченное на ней, находилось не так далеко от маршрута, которым планировал следовать Нахиор, а потому заклинатель ящеров не оставлял надежд восполнить утерянное.

А Шалилун... возможно, Шалилун сам не знал зачем ввязался во все это. Частенько на ломаном всеобщем языке зеленоватый упоминал об охоте на нежить. Дальнейшие события показали, что эта цель для орка значила не больше старухи Адаль, которую он все же не забыл посетить в последнюю ночь перед убытием. Впрочем, обо всем по порядку.

Солнце вошло в зенит. Ни одной тучки или облака на кристально чистом небе. Ничто не спасало от палящих лучей. От песка также исходила невероятная жара.

Варвар покачивался на верблюде, спрятав лицо под серый толстый платок. Он обливался потом и постоянно прикладывался к бурдюку с водой. На побывке в Анвиле или путешествуя через Ошиосс, северянин практически не испытывал прелестей открытых пустынь, где в почве полностью отсутствовала влага. Вся жизнь он провел в Нёрдваре, морозной и безжалостной земле.

Большая часть Нордвара — снежные пустоши, кишацие страшными тварями. Люди, которых в Таморе называли северянами, населяли южную часть этой суровой местности, расселившись вдоль морского побережья. Промышляли они в основном рыболовством, охотой и грабежом, осуществляя налеты на соседей. Часто случались военные столкновения с орками, которые обитали в горах в северном Нордваре и тоже объединялись по племенному принципу.

Таморская Империя никогда не покоряла варварские поселения северян, а потому о них мало что известно. Еще меньше известно об орках, чьи земли отмечались на картах пустым полем. Более того — имперские ученые считали, что тратить ресурсы на изучение примитивных, по их мнению, цивилизаций неприемлемо.

Нордварцы, как себя называли жители снежных земель, жили короткую и тяжелую жизнь. Суровые условия существования сказывались на здоровье, а довершали дело постоянные стычки с орками, хищниками и другими людьми, как имперцами, так и местными. В последние годы Тамор с трудом удерживал северные рубежи, которые так и норовили получить независимость. Империя уже не могла содержать многочисленные гарнизоны в отдаленном районе, а набеги нордварцев только усиливались.

Сейчас железнобокий с трудом удерживался в седле невозмутимого верблюда, который безразлично поглядывал по сторонам, жуя зловонный комок, состоящий из пищеварительного сока, слюны и остатками многократно пережеванной еды. Он мечтал вновь оказаться на леденеющих просторах родного Хьяльсланда, земель, которыми владели железнобокие.

Орк тоже чувствовал себя отвратительно. Зеленоватый сразу сбросил кольчугу, по скудоумию оставшись голым по пояс. Солнце быстро указало на ошибки, наградив зеленеющую кожу ожогами. Здоровяк завернулся в коричневый халат, оставив только глаза

и, видимо, молился, бормоча что-то на родном языке.

Калдор и Эфит, привыкшие к пустынным переходам, чувствовали себя неплохо. Волшебник, наложивший на себя заклинание «защита от непогоды», дремал, укачиваемый мерным верблюжьим шагом. А вот Ослябе тоже приходилось худо. Паломник, облаченный в кольчугу и шлем, обливался потом и тяжело дышал, но стойко терпел погодные лишения.

Опрокинув на себя немного воды из бурдюка, парень смочил грудь в надежде освежиться, но жидкость впиталась в стеганку, так и не добравшись до кожи. С натянутой улыбкой он посмотрел на Шахриет, которая держала своего верблюда рядом с паломником. Поняв, что девушка дремлет, Ослябя поспешил к Эразму. Волшебник шел немного впереди.

— Милорд... — тихонько начал парень. — Милорд...

— Надеюсь, что ты при смерти, — недовольно пробурчал волшебник. — Иначе не понимаю, почему ты решил прервать мой сон, когда я велел тебе не тревожить меня до привала.

— Да я эт... ну, письмо нашел, стало быть.

— Я тебе что сказал про «стало быть»?! — брюзгливый открыл глаза и грозно посмотрел на собеседника.

— Забыл... уж очень жара душит, милорд... — паломник улыбался сквозь силу, ища в разговоре возможность отвлечься. — В Прудах, конечно, тоже бывало всякое. Вот помню как-то на сенокосе жарища разыгралась — жуть. Так мне мамка целую крынку молока с собой дала. Ну, вот я значитя кошу, а ее в тенек под куст...

— Мамку?

— Что? — Ослябя осекся и задумался. — Да не, крынку же...

— Останови историю о прокисшем молоке! — Эразм повысил голос. — Что там у тебя за письмо?

— Из пещеры... — парень вытащил из дорожного мешка свиток и передал собеседнику.

Волшебник сурово посмотрел на сломанную печать.

— Ну? Прочел?

— Да... — паломник виновато опустил взгляд.

— Почему раньше не сказал?

— Так ведь Видли... расстроился я.

Эразм усмехнулся и развернул послание ордена Рыцарей Меча.

Великий Магистр, смиренно докладываю, что предатель Нахиор обнаружен. Он вступил в братство наемников, называемых мамелюками, где сумел добиться некоего влияния и теперь руководит одним из отрядов.

Уверен, что аббат давно знал про Нахиора, но почему-то тянул с докладом. Не думаю, что ему можно доверять. Сообщаю на Ваше решение и жду дальнейших указаний.

Да хранит Вас Эсмей!

Брат Хелбрехт

— Хм... — волшебник задумался, свернув свиток.

— Так это выходит, что Нахиор тоже Эсмей служит? — парень прервал его рассуждения.

— Ты татуировку видел? Хараме он поклоняется. Госпоже похоти, праздности и говорящей нежити. Но хотя бы, на наше счастье, Нахиор не славит Мёртера, брата Похотливой Принцессы, — Брюзгливый нахмурил брови и взялся за вожжи. — Пора

пообщаться с нашим нанимателем. А про молоко кислое вон, — лорд качнул головой в сторону Шахриет, — девице поведай.

— Ничего оно не кислое! — пробурчал Ослябя, провожая старика глазами. — Молоко как раз свежее осталось, хоть и нагрелось как на печи!

Около сотни верблюдов и полсотни низкорослых пустынных лошадей усеивали горячий песок множеством ямок, оставляемых копытами. Рабы шли пешком, постоянно подгоняемые хлыстами мамелюков, что ездили вдоль колонны невольников. Их вели в начале каравана, чтобы не отставали. Металлические ошейники в этот раз оказались свободными и не соединялись друг с другом ни цепью, ни веревками. Охранники не хотели задерживаться, тратя время на отсоединение очередного умершего от общей массы.

Ступни бедняка покрывали обмотки из старых тряпок, которые Нахиор распорядился выдать перед отбытием. Выдали им также дешевые плащи, пропитанные потом и кровью тех, кому ранее так же выпала доля следовать на невольничий рынок Муфтарака. Некоторые, впрочем, не выглядели как оборванцы, а шли в сапогах, завернувшись в дорожные халаты, но таких оказалось всего несколько человек.

Две сотни пленников, приобретенных Басимом как законно, так и нет, с трудом волочили ноги под изнуряющим солнцем, получая удары хлыста за любое неверное движение. Многие из них никогда не доберутся даже до границы Сулифского Халифата. Их тела сгинут в песках, раздираемые стервятниками, а кости, выбеленные беспощадным солнцем, украсят караванную тропу, указывая погонщикам и торговцам верный путь.

Капитан мамелюков, поручив героям следовать в арьергарде, охраняя «хвост» каравана, сам вел пустынного коня первым в колонне, пристально всматриваясь вдаль.

— Ты смотришь только вперед, капитан, — Эразм приблизился почти вплотную. — А стоит глядеть по сторонам.

— Что ты имеешь ввиду, колдун? — Нахиор опустил край платка, закрывавшего лицо.

— За нами следят от самого Анвила. Два всадника. Сначала я подумал, что это твои люди, но, — волшебник поднял взгляд на ворона, что кружил над караваном, — смог разглядеть их одежды. Они не носят черное. Цвет песчаный.

— Пустынные скорпионы... — мамелюк понизил голос. — К ночи мы доберемся до Глаза Ящера — это один из оазисов в анвильских землях. Нападения можно пока не ждать. Скорпионы атакуют чаще по ночам и почти всегда в открытых песках.

— Тогда мы будем готовы, — Брюзгливый покачал головой. — Я буду следить за округой, но караван сильно растянулся, в случае нападения на головную часть, мы можем и не успеть.

— Мои воины справятся, — мамелюк равнодушно зевнул.

— Скажи, мастер Нахиор, — после небольшой паузы продолжил Эразм, — откуда ты родом?

— Из Ашахита.

— А бывал или ты в Королевстве Эриндан или Таморе?

Капитан вздрогнул от неожиданного вопроса, но тут же взял себя в руки.

— Нет.

— Видится в твоей манере держаться в седле что-то рыцарское. Не знаю, как это объяснить, но я участвовал во многих походах и битвах, часто посещал турниры, — волшебник хитрил. Конечно, он не обращал внимания на такие бесполезные для него вещи. — Если надеть на тебя, к примеру, стальной нагрудник, на голову шлем с забралом, а в

руки сунуть какой-нибудь треугольный щит и длинное копьё, так не отличил бы от рыцаря.

— В доспехе любой рыцарь.

— Хех, — лорд Пифарей улыбнулся. — Нет, Нахиор, — он пристально посмотрел на собеседника. — Ослябю, Эфита этого или даже северянина наряди в железо, так рыцаря в них даже нищая голодная проститутка не признает.

Эразм отвел верблюда в сторону, направившись в конец каравана. Он усмехался, поняв, что написанное в письме действительно правда. Капитан мамелюков проводил старика взглядом, полным смятения. Съездившись в седле, Нахиор боролся с нахлынувшими картинами прошлого, что мелькали в сознании жгущими всполохами.

Как и обещал Нахиор, по темноте первые верблюды подошли к оазису. Таморские ученые ошибочно считали, что Глаз Ящера получил название из-за необычной активности маленьких ящериц, что обитали вокруг оазиса, но на самом деле все оказалось куда поэтичнее.

Озеро, питавшееся из подземных источников, расположилось среди высоких дюн, которые образовывали форму глаза рептилии. Посреди воды имелся небольшой кусок суши с кустарником, похожий на зрачок, если смотреть на озеро с высоты песчаного холма. Согласно легенде, что передавали через поколения жители Анвила, именно в этом месте умер последний дракон. Его тело занесло песками, лишь одно око, продолжавшее смотреть в небо, оставалось на поверхности.

Сам Шеннаитх прокладывавший тогда торговый путь по пустыне, восхитился красотой могучего глаза, что вот-вот пропадет в песках. Тогда Мудрый Уравнитель превратил драконье око в оазис, чтобы каждый путешественник, после изнуряющего перехода по пустыне, мог насладиться прохладой и вспомнить величественных ящеров, что когда-то наводили ужас на род людской.

Животные и люди из каравана полностью заполнили местность вокруг оазиса. Нахиор выставил на дюнах наблюдательные посты и распорядился, чтобы возвели его собственный шатер. Приключенцы смогли найти местечко рядом с водой и разбили палатки. Все тут же отправились спать, кроме Эразма и его «детешек», которых он обучал грамоте. Но, в конце концов, отдыхать нужно и волшебникам, а потому Брюзгливый засопел, сидя у костра, прислонившись к стволу финиковой пальмы.

Лорд Пифарей проснулся внутри палатки.

— Спи-и-и-и-шь, — каркнул ворон, сидя на одной из жердей у выхода. — Вре-е-е-мя! — птица наклонила голову. — Помре-е-е-шь.

— Можешь не притворяться, — ответил волшебник отвернувшись.

— Хорошо — голос ворона изменился. — Я думал, что ты ищешь способ продлить бранные дни, а ты возишься с деревенским дураком и блаженной девицей, — исчезли каркающие звуки, птица говорила, словно человек.

— П-ф-ф, — Эразм фыркнул. — Странно, что тебя это не радует. Ты же ждешь не дождешься, когда моя душа оставит брнное тело.

— Ну-у-у-у... — ворон наклонил голову в другую сторону. — Сначала я тоже так подумал. Но, все же, сколько мы прошли с тобой рука об крыло... Сколько смертей повидали. Нет. Я к тебе прикипел, старый ты дурень.

— Тогда подбери сопли, — Брюзгливый приподнялся и с трудом начал протискиваться наружу. — Помирать я еще не собираюсь. Обойдешься.

— Ка-а-а-р, — птица выскользнула наружу и принялась кружить над лагерем.

Заметив орка, плескавшегося в воде, ворон спланировал и клюнул его в макушку. Зеленоватый взвизгнул и принялся гневно махать руками. Казалось, черная птица улетела, но пернатый только выжидал удобного случая, чтобы снова клюнуть Шалилуна.

— Ха-ха-ха. А эта мерзкая каркающая тварюга похоже издевается над орком, — довольный Эфит заваривал чай, сидя у костра.

— Шалилун с легкостью раздавит ее зажав в кулаке, — железнобокий лежал под импровизированным навесом из плаща и нескольких жердей.

Поймать птицу зеленоватому так и не удалось. Ворон решил, что интереснее докучать верблюдам, а потому ретировался.

Ослябя, Шахриет и Калдор тоже решили ополоснуться. Дрессировщик и паломник соорудили ширму, которую установили на небольшой глубине, позволив девушке совершить омовение. А после сами разделись донага и плескались в прохладной водице. Ящер ожидал хозяина на берегу. Динозавр все время ходил с притороченной дорожной сумкой, что ужасно раздражало Эфита, планирующего в эту сумку заглянуть.

Рядом с палаткой Эразм увидел синий шатер, который возник за то время, пока он спал. У входа стояли двое мужчин в стальных нагрудниках. Волшебник сразу понял, кто пожаловал. С трех сторон шатра красовалась эмблема торговой гильдии Раскоса. Золотая буква «R» на белом фоне, перекрещенная двумя мечами и стрелой посередине.

— О, сосед! — добродушно воскликнул коротышка, вышедший наружу. В руках он держал кубок, инкрустированный драгоценными камнями. — Позвольте представиться, милорд. Мое имя Беннито Дайсон. К вашим услугам.

Этот рыжеволосый мужчина оказался совершенно детского ростика. Карлик, с добродушным взглядом, но уродливым лицом. У него был скошенный подбородок, глаза находились на разной высоте, а нос настолько приплюснутый, что невозможно разглядеть ноздри. Но каждый его палец украшал перстень с драгоценным камнем. На толстой шее висела широкая золотая цепочка, а зеленый кафтан, расшитый серебряной нитью, сидел безупречно. Все это несомненно демонстрировало богатство владельца, но вместе с тем и его дурной вкус.

Волшебник хотел проигнорировать назойливого соседа, ведь завтрак, приготовленный Ослябей, ждал у палатки, рядом с остывающими углями.

— Да-да, — Брюзгливый покачал головой, — лорд Эразм Деций Нарст Пифарей.

— О, я знаю кто вы, милорд, — карлик улыбался. — Хотите вина? — он хлопнул в ладоши и один из охранников тут же подал еще один кубок.

— Благодарю, — ошарашенный волшебник принял напиток.

— Ну что вы, сущие пустяки. Позвольте, я предложу вам более изысканные кушанья, чем те, что оставили вам ваши уважаемые друзья. — Торговец приглашал в шатер, и Эразм согласился.

Внутри пол застилала синие ковры, расписанные золотыми узорами в виде цветов и деревьев. Стенки и потолок украшали голубые и белые бархатные ткани, свисавшие словно шторы. В центре располагался круглый стол, заваленный свитками и мешочками с монетами. Возле него стояли три резных пошарканых кресла с обломанными ручками. Среди роскошества они выглядели нелепо, но, казалось, хозяина это не смущало. В углу находился буфет с расставленными на нем яствами, там же небольшой диван и стол с кувшином и кубками.

Волшебник медленно направился к дивану. Он с трудом держался прямо. Боли в спине

оказались особенно мучительными после сна в тесной палатке на холодном песке. Длинная спица будто бы пронзала от поясницы до коленей, реагируя ударом на каждый шаг. Лорд пожалел, что забыл прихватить трость. Но, не смотря на сковывающую тело и рассудок боль, Брюзгливый заметил на столе карту с отмеченными на ней местами. Один из крестиков казался не так далеко от Слезы Харамы, оазиса, который еще предстояло посетить.

Когда Эразм устроился на диване, перед его глазами возник портрет короля Эриндана Георга VI, прозванного в народе Дураком. Его Величество и впрямь жил не в трезвой памяти. О нем ходили разные ужасные слухи, нередко являвшиеся правдой, вроде тайного поклонения Хараме.

Брюзгливому, при посещении Эриндана, уже отделившегося от Империи, запомнился один случай, когда Дурак собрал нескольких уважаемых волшебников на торжественном приеме. В приглашении значилось, что король намеревается создать аналог гильдии Магов Тамора, но, когда все собрались, вместо приветствия осушил одним махом кубок вина, после принял от камергера свиток с речью и, приложив его к глазу, пару десятков минут пялился через него на собравшихся. Безобразие прекратил лорд-командующий армией Эриндана, по совместительству являвшийся главой Совета Лордов, который и управлял страной.

— Вижу, что почитаете одного из самых запоминающихся королей, — Эразм усмехнулся.

— Что? — карлик вопросительно уставился на волшебника. — А. Вы об этом, — он улыбнулся и бросил взгляд на портрет, где Георг изображен в рыцарском нагруднике. — Это скорее политическое почтение, мой друг.

— Хм. Надо же. И снова незнакомец называет меня другом. В последний раз ему требовалось удовлетворить собственные корыстные интересы. Хотя, — Эразм снова усмехнулся. — Чего же еще ждать от торговца гильдии.

Карлик продолжал держать на лице заискивающую улыбку, но Брюзгливый смотрел в глаза. Мало кому удавалось обмануть его взглядом.

— На самом деле, милорд, я бы хотел сделать вам взаимовыгодное предложение, которое несло бы плюсы нам обоим.

— О! — Эразм хлопнул в ладоши. — Тоже самое говорил и тот тип. Хотя я не ощутил для себя никакой выгоды. Для остальных участников этого сомнительного предприятия выгода также под вопросом. Разве что Ослябя меч приобрел.

— Э-э-э... — карлик смутился. — Это тот странный молодой человек в кольчуге, похожий на крестьянина?

— Неважно, — волшебник махнул рукой. — Давайте уже, по существу.

— Вы же понимаете, что человеку моего... к-хм... происхождения, — Беннито заметно скривил и без того перекошенное лицо. — Сложно нажать состояние и более того, стать какой-то значимой фигурой.

— Да, я в курсе. Карлики обычно выступают в цирке, зачастую содержатся хуже зверей. Или состоят при дворах шутами, где на потеху публики калечатся и унижаются, — Эразм холодно смотрел на собеседника.

— Ха! — Беннито казалось не смутился. — Все так. Вступление в торговую гильдию Раскоса стоило невероятных усилий и еще больше золота. Чтобы добиться в ней значимого положения, также требуется вложить неопределенные силы и средства. Для этого я отправился в Сулифу. О, Сулифа! — глаза карлика заблестели. — Этот мистический край песков и обмана, оторванный от цивилизации. Поистине, загадочный мир, наполненный

неизведанной магией...

— Чаше всего запрещенной, — прервал волшебник, громко отхлебнув из кубка.

— Ну, запрещена она в основном в срединных землях, так называемой центральной цивилизацией...

— Ага. А также в северных и южных: в Ошиоссе и Ашахите, например.

— Хех, — хитрая улыбка возникла на лице Беннито. — Все так, мой друг. Но не ради этих ли запрещенных знаний вы идете с караваном в Муфтарак?

— Я планирую посетить таморскую диаспору. Но вас это не касается.

— А, вы верно о мятежниках, что, около тридцати лет назад, бежали из Империи после неудачной попытки свержения императора Викторiana?

Брюзгливый промолчал, поедая сочное куриное мясо, залитое кислым соусом и приправленное черным перцем.

— Я ищу различные магические вещи. Как вы понимаете, только продажа артефактов может возвысить меня в гильдии, — продолжал карлик, прохаживаясь по шатру, держа руки за спиной. — Меня не интересует их ценность, я готов купить любую безделушку. Например, вроде той, что отпугивает крыс. Немного красивых слов, возможно красочная история, и она стоит уже целое состояние. Именно умение преподнести товар движет торговлю, а не его полезность для покупателя.

— У меня нет магических вещей, — Эразм пожал плечами. — Но, если хотите, могу заставить ваш кубок светиться. Чем не магический предмет? Если сможете втюхать его какому-нибудь простофиле за пару часов и убраться подальше, то заработаете и даже сохраните голову.

— Хе-хе, — Беннито неестественно посмеялся. — Для сохранения головы у меня есть парочка ландскнехтов. Вы наблюдали их снаружи. Но обман — это не тот путь, которым я планирую восходить на вершину.

— Тогда не понимаю, к чему весь этот разговор.

— Все предметы, которые таят в себе магию, я готов у вас приобрести за бóльшую стоимость, чем местные торговцы.

— Хорошо, если у меня появится волшебная безделушка, то отправлю Ослябю принести ее вам. Кстати, пойдете вместе с караваном?

— Нет. Но, поверьте, я вас отыщу, — Беннито снова хитро улыбнулся и подошел к столу, чтобы подлить вина в кубок лорда Пифарей. — Кстати говоря, если отыщите что-то действительно стоящее, то я не поскуплюсь. Вы, насколько я могу судить, очень опасный и недооцененный маг, милорд. Уверен, что именно таким людям под силу добраться до самых изысканных вещей. Я хочу стать первым в вашем списке, кому вы будете готовы эти вещи выгодно продать.

— Считайте, что мы договорились, — Эразм уже откровенно заскучал и насытился.

— Еще одно, — Карлик учтиво подвинул поближе к магу серебряное блюдо с водой, чтобы тот омыл руки. — Вы должны знать, что в Эль-Эментале сейчас неспокойно. Туда прибыл Великий Магистр ордена Рыцарей Меча, а с ним свита в три сотни отборных бойцов. На окраине города возводят шатры, а хозяева арендных домов изгнали прошлых жильцов раньше срока. Что-то затевается. Поэтому будьте осторожны, я возлагаю на вашу помощь большие надежды.

Волшебник тяжело вздохнул и пожал протянутую маленькую ручонку. Казалось, что для этого крохотного человечка сам факт какого-либо договора со знатной личностью, да еще и

обладающей глубокими знаниями о магии, доставлял массу удовольствия и удовлетворенности. Эразм не придавал ему особого значения и, возможно, этим ошибся.

Как бы то ни было, остаток дня прошел спокойно. Ослябя и Шахриет корпели над книгой, под строгим руководством требовательного лорда Пифарея. Эфит и Варвар до вечера просидели в тени, обсуждая дальнейшие планы. Шалилун болтался без дела. А Калдор изучал карту, добытую в поместье аль-Гази, прикидывая насколько далеко отмеченное место от маршрута.

Только ворон кружил высоко в небе, осматривая округу. Птица заметила еще одного путника на верблюде. Он умело укрывался в песках и держался на почтительном расстоянии. Даже Пустынные скорпионы, что преследовали караван, не заметили присутствие таинственного шпика. В этот раз, ворон не захотел показать волшебнику то, что видел. Вместо этого, он прилетел послушать чтение молодых людей, каждый раз тихо злорадствуя, когда ученик коверкал слова и получал за это суровый выговор от учителя.

Ночью температура опустилась. Люди кутались в одеяла и жались поближе к скудным на пламя кострам, собранным из верблюжьего навоза. В конце концов в оазисе воцарилась тишина, которую прерывали только крики часовых и орочий храп.

На рассвете, перед отправкой каравана, около десятка трупов мамелюки свалили за дюнами, чтобы те не отравляли воды оазиса. Несколько стражников специально дежурили среди рабов, пристально приглядываясь к самым слабым. Как только кто-то испускал дух, ему тут же подрезали сухожилия и пробивали череп металлическим прутом.

Утром Эразм порадовался тому, что приказал поставить палатку на противоположном краю оазиса, чтобы Ослябя не взвыл при виде мучений живого товара. Паломник и так страдал при виде доходяг, что должны пешком пройти весь путь до невольничьего рынка. Волшебнику даже пришлось припугнуть его отказом от преподавания магии. Но, видя, как жажда, голод и жара терзают людей, парень решил поститься и практически ничего не ел. А большую часть положенной ему воды отдавал рабам, за что, кстати, получал проклятия от черных стражей, которые заметно нервничали, когда паломник обхаживал на привале какого-нибудь умирающего. Что за глупость: тратить драгоценную влагу на тех, кто и так вот-вот умрет.

К большому удивлению Эразма, шатер Беннито Дайсона пропал также внезапно, как и появился. Заботясь о том, чтобы поскорей собраться в путь, он не пытался ничего выяснить про нового знакомого. Этот уродливый карлик не показался ему особенного умным. Скорее тот прибывал не в своем уме. Нужно ли беспокоиться о разных сумасшедших, любящих вставать среди ночи и отправляться в путь, игнорируя относительно безопасное путешествие в составе каравана. Потому через час, когда волшебник взобрался на верблюда, он и вовсе позабыл о странном торгаше, вытеснив его из памяти, как ненужный там элемент. Ровно так же, как делал со многими людьми, с которыми его сводила жизнь, даже несмотря на то, что некоторые из них приходились Брюзгливому законными детьми.

К вечеру Нахиор остановил караван, выбрав местом для стоянки — вади. Этим словом ашахиты называли пересохшие русла рек, что пронизывали пустыню. Выбранное им русло имело крутые склоны. Капитан мамелюков знал, что в случае сильного ливня, которые изредка случаются в песчаном царстве, вади мгновенно заполняется водой. Но, до сезона дождей еще далеко, поэтому смертельная опасность от нахлынувших вод не предвиделась. А значит — склоны отлично защитят от ветра, да и часовым будет удобней следить за стоянкой, хоть и растянутой в длинную кривую линию.

Ослябя не спал. Он сварил котелок каши, намереваясь покормить рабов. Парень решил, что протискиваться между сгруженных тюков, отдыхающих верблюдов, палаток или спящих, которые просто завернулись в одеяла, будет неудобно. Потому взобрался на склон и пошел по нему к началу стоянки. Пройдя десяток метров, паломник заметил мамелюка, что присел, опершись лбом на алебарду.

— Хех, вот тебе и могучие воины. Эт ж надо, спать в карауле. Дед Антось рассказывал, что за такое в армии сразу розгами! — парень подошел к спящему и легонько толкнул его в плечо кулаком. Часовой повалился на бок.

— Да он же... — Ослябя не успел договорить, услышав знакомые и пугающие звуки.

Парень повернул голову и обомлел. На него надвигалась темная шатающаяся масса, издающая тихое хрипкое рычание. Живые мертвецы. Толпа трупов надвигалась на стоянку клацая остатками зубов.

Котелок выпал из рук, и каша рассыпалась по песку. Паломник потянулся к поясу, но меча на нем не оказалось. Он с досадой вспомнил, как оставил его в палатке, чтобы тот не мешал ухаживать за невольниками. Паломник вскочил на ноги и кинулся к месту ночлега.

— Трево-о-о-га! Трево-о-о-га! — кричал он во все горло.

Свободные от караула мамелюки мгновенно пробудились. Ослябя не видел, что творилось в начале стоянки, но около сотни мертвяков наступали на тыл. Тут спали в основном шедшие с караваном попутчики. Черных стражей оказалось маловато.

Мамелюки заняли оборону наверху склона, но сдержать такую массу не могли. Эфит, Варвар и Шалилун присоединились к стражникам. Железнобокий рубил ходячих трупов не особо разбирая направление удара. Мертвецы напирали. Ветеран вольного города работал скимитаром, страхуя северянина, но на рожон не лез.

Все произошло настолько быстро, что, когда цепь обороны оказалась прорвана, Эразм только выбрался на воздух. В этот раз волшебник реквизирует большую палатку у одного из торговцев. Там помещалась кровать и небольшой столик, но, что больше всего нравилось Брюзгливому — в ней не требовалось сгибаться в три погибели при перемещении.

Волшебник огляделся по сторонам. Мертвецы уже оказались внизу, сметая, словно поток бушующей воды, все, что попадало на пути. Ревели верблюды, сжираемые заживо, кричали люди в попытках отбиться от смертельной напасти. Осляби и других не было видно. Только Шахриет сидела у входа в палатку и тряслась от страха. Эразм с трудом втокнул ее внутрь, а сам занял оборону.

Ворон спорхнул с гребня палатки и устремился ввысь, осматривая место побоища. Тем временем волшебник, с помощью волшебной стрелы, отогнал от входа в свое временное жилище полуразложившийся безрукий труп. Сгусток энергии снес тому голову. Следующий наступал с тыла. Лорд повернулся и вскинул руку. Снова сгусток поразил противника. Но через секунду Брюзгливому пришлось отступить на несколько шагов, чтобы не угодить плечом в раскрытую пасть мертвеца. Он запустил стрелу прямо туда. Голову разорвало. Гнилые зубы с частицами мозга и костей разлетелись по округе.

Ослябя, завладев оружием поверженного мамелюка, рубился рядом с Шалилуном, боевой настрой которого слабел с каждой секундой. Паломник заметил, как орк пятится к краю склона. Он кричал зеленоватому, чтобы тот отступил влево и прикрыл спину. Только круговая оборона могла помочь устоять, но Шалилун не слушал. В конце концов, когда на Ослябю навалилось сразу трое трупов, парень вовсе потерял орка из вида.

Поняв, что помощи от него не будет, паломник решил атаковать. Первые два удара

рассекли ключицу ближайшего врага. Третий удар пришелся точно в голову. Парень пнул обмякшее тело ногой и оступился. Упав навзничь, он едва успел откатиться. Оба мертвеца прыгнули сверху, но Ослябя оказался быстрее. Поднявшись, он уверенно проколол острием меча гниющие головешки. Тут же пришлось обороняться от следующих.

Эразма окружали. В иной ситуации он использовал бы заклинание «огненный луч», но вокруг сражались союзники. Приходилось точно избавляться от нечисти. Волшебные стрелы сменялись «кислотным плевком», а когда мертвяки оказывались совсем рядом, волшебник применял «ледяное прикосновение». Рискавя получить укус, лорд прикасался к противнику и замораживал его.

Магия требовала предельной концентрации, иначе заклинание могло не получиться или, что хуже, повернуться против того, кто его применяет. Брюзгливый не имел врожденной магической силы, а потому мог рассчитывать только на себя. Но годы давали о себе знать, силы понемногу оставляли старика.

Как раз кстати появился Шалилун, несущийся со всех ног к Эразму. Лорд Пифарей облегченно выдохнул, когда заметил подмогу, но орк пронесся мимо него и с ходу залетел в палатку, бросив у входа свой меч.

Мертвецы обступали, и по спине волшебника пробежал страх. Приготовившись использовать «огненный луч», как последнее средство для сохранения собственной жизни, он услышал, как сзади клацнули челюсти. Калдор пришел на помощь, внезапно спустившись с противоположного склона. Дрессировщик держался рядом с ящером, ловко орудуя скимитаром. Он делал резкие выпады, поражая противников точно в глазницы.

Пока Эразм и Калдор отбивались от окружавшей их нежити, один из мертвецов проскочил мимо и запнувшись о меч Шалилуна, завалился внутрь палатки волшебника. Заметил это только Ослябя и то совершенно случайно, когда менял позицию, перешагивая через вновь убиенный труп.

Зеленоватый ревел, словно нежить отгрызала ему ногу. Даже Калдор, услышавший эти крики, на секунду замешкался, из-за чего едва не лишился уха, в которое нацелился нападавший мертвец. Тыльный край палатки распорол лезвие. Шалилун выкатился из нее и бросился на утек, зажав кинжал в зубах.

— Там Шахриет! — закричал Эразм, но тут же вынуждено атаковал наступавшую нежить.

Ослябя все понял и без слов. Он оттолкнулся и прыгнул вниз. Через несколько мгновений паломник стоял у разрезанного края, но с ужасом увидел в проходе не девушку, а мертвеца, что вошел с другого конца. Парень почувствовал, как гнев и отчаяние закипали в крови. Он занес над головой подобранный скимитар, намереваясь разрубить тварь на две части, но вдруг заметил за спиной нежити Шахриет, что сидела на кровати.

— Ты чего замер?! — орал Калдор, оказавшись рядом. — Тоже решил помереть?! — дрессировщик пронзил мертвеца мечом и застыл на месте. — Жива? Но...

Время разговоров еще не пришло, потому Ослябя оттолкнул союзника и, подхватив девушку на руки, вынес ее из палатки. Втроем отбить нападавших проще. Приключенцы заняли круговую оборону и через десять минут все оказалось кончено.

Все русло усеяли трупы. Мамелюки подсчитывали потери среди своих, коих оказалось не так много. Черные стражи потеряли всего восемь бойцов, а вот купившие место в караване торговцы и путники погибли почти поголовно. Также досталось рабам и верблюдам, но, поскольку основная масса нежити навалилась на тыловую часть стоянки,

потери среди транспорта и товара оказались незначительными.

— Откуда тут такая толпа мертвяков? — спрашивал Эфит, сидя на тюках с товаром одного из убитых торговцев.

— Это действительно странно, — Нахиор осматривал раненных верблюдов. — Мы все еще в землях Анвила, до границы с Сулифским Халифатом, по меньшей мере, дней девять пути. Раньше бродячие орды так далеко не заходили.

— Тревогу подал Ослябя. Где пропадали твои часовые?! — повысив голос не унимался ветеран.

— Мне пока что это неведомо.

— Да все просто, — вмешался паломник, держа на руках девушку, вцепившуюся в его шею. — Одного из них кто-то убил. Я, когда подошел, так он уже все... мертвый.

— Хм... — капитан мамелюков задумался. — И орда пришла с той стороны, где обнаружили мертвого часового. Похоже, что кто-то намерено навел ходячих мертвецов на стоянку.

Эразм бросил взгляд на Калдора, но дрессировщик делал вид, что не обращает внимания на разговор. Он усердно чистил морду питомца от крови и гнилого мяса.

— Ладно. Займитесь павшими. Я не хочу, чтобы они тоже восстали. Утром мы осмотрим округу, — Нахиор оглядел разрушенную стоянку и отправился проверять посты.

— А куда делся здоровяк? — Варвар недоумевая разглядывал лица союзников.

— Видать этот осел к Горгу своему побежал, — отрезал Эразм и с горечью осмотрел испорченный край палатки.

Глава IX. Глиняное сокровище

— Немедленно арестовать его! — Эфит схватился за скимитар, вытянув его из ножен.

Варвар незамедлительно выступил вперед, держа топор наперевес. Грозный вид северянина давал понять, что драки не избежать.

— Я ничего не сделал! — Калдор тоже выхватил меч и отступил поближе к ящерице.

Ветеран стражи Эль-Эменталья выждал момент, когда дрессировщик останется в меньшинстве. Он видел, как любитель динозавров вернулся из-за склона, а потому поспешил сообщить об этом Нахиору. Капитан мамелюков взял свободных людей и спешно направился осматривать округу. Эразм и Ослябя скрылись в палатке и Калдор оказался наедине с Эфитом и железнобоким.

Страж хотел вынуть один из свитков, но свидетели, которые могли что-то заметить, находились на удалении и занимались восстановлением каравана, потому решил жечь без спектакля. Положение оказалось весьма удачным. Баррикады из трупов, палаток, различного скарба и товаров, не позволяли дрессировщику или раптору маневрировать.

— Это ты навел на нас трупы, мерзавец! — Эфит поднял ладонь, готовясь поджечь одежду предполагаемого противника.

— А ну прекратить! — Нахиор вместе с десятком воинов загородил солнечный свет, стоя на склоне.

Дрессировщик выдохнул и расслабил спину, выйдя из боевой стойки.

— Там только следы зверюшки и ее хозяйина, а лужа мочи динозавра еще не успела высохнуть. Больше никого. След ведет на десять метров вперед и обратно, — капитан сделал знак, и стражники стремительно спустились, чтобы забраться на противоположный склон.

— Вот! — Калдор облегченно затараторил. — Я ж об этом и говорил. Отошел нужду справить, вот и слышу — шум, крики! Пока подобрался, пока осмотрелся. Кто же в такой ситуации спешить будет?

Эфит с мрачным лицом вложил меч в ножны. Варвар усмехнулся, но тоже опустил оружие.

— Тогда прошу прощения, — ветеран хитро улыбнулся и склонил голову. — Столько людей потеряли, нервы на пределе.

— Понимаю, — Калдор медленно попятился, намереваясь покинуть место конфликта и скрыться в палатке Эразма.

Шахриет сидела на кровати, обхватив ноги руками. Ослябя зашивал попорченную стенку палатки, а волшебник, сидя за столом, лихорадочно листал книгу с черным переплетом.

— Слыхали новости? — спросил дрессировщик, зайдя внутрь. — Этот мужик... Как его там? Ну седой.

— Балеан какой-то, — напомнил Ослябя не отрываясь от работы.

— Точно! Он это, умеет нежить подчинять, представляете?

— Откуда знаешь? — Эразм поднял голову на вошедшего.

— Мамелюки болтают. Говорят, что Балеана толпа трупов обступила, так он что-то там наколдовал, а они развернулись и на собратьев напали.

Лорд Пифарей взял книгу под мышку и поспешно выбрался наружу, оттолкнув дрессировщика посохом.

— Можно и аккуратней, — вполголоса выпалил Калдор, дождавшись, пока волшебник отойдет на несколько шагов от палатки.

— А чего там шумели на улице? — паломник сосредоточенно шил, не отрывая взгляда от крючковой иглы.

— Да так, недоразумение, — Калдор взял стул и поставил его возле кровати. — Ну что, красавица, ты как?

Ящер засунул нос и зубастую челюсть внутрь палатки через щель полога, усердно шевеля ноздрями.

Девушку трясло. Ее глаза смотрели в пол, но вместе с тем, взгляд словно скользил куда-то вглубь, сквозь песок. Дрессировщик нежно дотронулся до ее плеча, но никакой реакции не последовало.

— Ты это... оставил бы ее, — Ослябя пытался перекусить толстую нить зубами.

Калдор подошел к нему и ловко срезал ее острием кинжала.

— Так что с ней? И как тварина мимо прошла? Они же сразу за живое зубами хватаются.

— Не знаю, — паломник пожал плечами. — Дедушка сказал, что почувствовал магию. Может она как тот седой?

Заклинатель ящеров решил держаться рядом с Ослябей. Они сварили чай и перекусили лепешками, не забыв накормить девушку. Случившийся инцидент здорово испортил ему настроение, но то ли из-за самоуверенности, то ли по глупости, Калдор не почувствовал исходящей угрозы от Эфита и его компаньона. Решил, что при случае нужно обязательно вернуть расположение союзников. Лишние подозрения сейчас ни к чему.

Через четыре часа караван спешно выдвинулся, оставив позади проклятое место.

До следующего оазиса, названного Слеза Харамы, каравану следовало добираться примерно девять с половиной дней. За пять дней пути происшествий не случилось. Если не считать пары десятков умерших рабов, но такое беспокоило только Ослябю.

Орка обнаружили через несколько часов после отправления с места бойни. Зеленоватый лежал в песке без чувств. Лекар мамелюков так и не смог определить, что послужило причиной удара: обезвоживание или чрезмерный страх. Как бы то ни было, сначала намеривались оставить Шалилуна в пустыне, но за него заступились Эфит и Варвар, а потому орк продолжил путешествие с караваном. Через пару дней он окончательно пришел в себя. Веселился и горланил, чем ужасно раздражал Эразма.

Что касается ветерана и северянина, то казалось, что они совсем позабыли о подозрениях к Калдору. Шутили с ним, угощали чаем и финиками, расспрашивали о боевом пути зубастого зверя. Дрессировщик, наконец, окончательно расслабился. Впрочем, о намерениях заговорщиков он и так не догадывался. Заклинатель ящеров переживал, что раскроют его собственный заговор.

Там в пустыне, где обнаружилась только лужа мочи динозавра, Калдор намеривался встретиться с Пустынными скорпионами, чтобы передать им урну с сердцем Кадира Блудного. Внезапное нападение нежити спутало все планы, а значит скорпионы, по замыслу атамана, должны совершить налет на караван. Его-то и ожидал дрессировщик, опасаясь, что план нападения каким-то образом станет известен, а сердце будет утрачено.

Эразм часто разговаривал с Балеаном Чернокнижником, но о содержании бесед не распространялся даже ученику. К большому неудовольствию паломника, волшебник, на ночных остановках, заставлял его и девушку медитировать. Парень не мог понять, что от

него требуется и постоянно отвлекался, за что получал удары дорожным посохом по затылку.

— Обретите контроль над мыслями, эмоциями и поступками, — раз за разом повторял Брюзгливый, спокойным и умиротворяющим голосом.

Лорд сидел у тусклого пламени костерка, скрестив ноги и усадив напротив учеников.

— Направляйте их в сторону, прочь от себя. Почувствуйте. Все, что вас окружает, излучает энергию.

— Да как же эмоции отогнать, дедушка? — не выдерживал Ослябя. — Ты же lupишь меня палкой!

Дальше следовал тот самый удар, которого боялся паломник, и все начиналось заново. Парень не делал особых успехов, а вот Шахриет с легкостью уходила в транс. Когда это случалось, Эразм внимательно следил за ней. Даже ворон прилетал на плечо хозяина и не отрывал взгляда от девушки.

На шестую ночь пути Ослябя, намучавшись с чтением и медитациями, попил чаю с Калдором и Шахриет. После прихватил с собой один из драгоценнейших бурдюков с водой, несколько сухих лепешек и направился к рабам. В этот раз, учитывая предыдущие ошибки, паломник повесил на пояс вычищенный до блеска короткий меч, который выпросил для путешествия у деда Антося. Все же обхаживать страждущих, когда на поясе длинный меч, не очень удобно. Острие ножен постоянно утыкалось в песок или било по головам и плечам спящих невольников.

Паломник давно заметил худощавого паренька, с нездоровым землистым цветом кожи и желтоватыми белками глаз. Разглядеть его толком не получалось, ведь находились более тяжелые страждущие. Ослябя считал своим долгом в первую очередь облегчить страдания умирающих, все равно имеющихся ресурсов с трудом хватало на десяток человек.

Приблизившись, паломник заметил помятое в драках лицо со сломанным и криво сросшимся носом. С левой стороны ввалившиеся как у старика губы, по причине отсутствия зубов. Самое живое в этом лице — глаза. Они глядели весело и нагло. Указательный палец правой руки парнишки зататуирован так, что казался полностью чёрным. Ослябя не догадался, что это дань уважения Ноксферу-Кану — богу ночи, снов и тайн.

Паломник вообще слабо разбирался в богах, имея знания лишь о культуре Эсмей, потому не смог бы понять, что бог ночи являлся покровителем воров, шпигов и диверсантов. Хотя, в узких кругах он широко известен и почитался практически везде, за исключением Нордвара, где преобладал культ Ахаруса — бога войны и моря. Вместе с этим, культ Кана не имел храмов или официальных представителей. Чаще его святилища тайно находились вне населенных пунктов. Также бог известен под громкими титулами Император Сумрака или Ночной Жнец.

Происхождение и вознесение Ноксфера-Кана оставалось загадкой. Последователи верили, что Ночной Жнец самое древнее божество, которое позволило остальным возвыситься. Ведь как известно, сначала не существовало ничего кроме тьмы, но Кан заскучал и решил, что тьма будет покрывать мир циклически. Так появились день и ночь. Так в мир пришла Эсмей, озарив его солнечным светом. Но как бы не был силен ее свет, тьма Ноксфера всегда побеждает, делая смертных слепыми и беспомощными, заставляя прятаться и жаться к огню.

Ночные охотники, вроде кошек, сов или летучих мышей, считались созданиями Императора Сумрака, а потому часто использовались как его символ. Хотя, существовало

поверие, что Кан иногда посещает мир смертных, обратившись черным вороном. Так же некоторые богословы полагали, что Ноксфер покровительствует вампирам и волколакам, как ночным охотникам, но доподлинно это неизвестно.

— Может перестанешь поить тех, кто вот-вот отправится к Асмодею? — паренек нагло окликнул Ослябю, когда тот наклонился, чтобы влить несколько глотков в рот лежащей без чувств девушке. — Она уже не поднимется. А вот я еще хожу, но если потратишь воду на умирающую девку, то я точно окочурюсь на следующем переходе. Ты жизни спасти пытаешься или грехи тут замаливаешь?

— Я облегчаю страдания, — паломник растерялся и замер с открытым бурдюком в руке.

— Отлично, — раб усмехнулся. — А какой толк от этого? Можно было спасти несколько жизней, но они умерли, потому что ты тратил воду на тех, кто все равно зажмурится. Теперь и я помру, потому что набожный дурак, — паренек передразнил Ослябю писклявым голосом, — *облегчает страдания*, а не спасает. Теперь понятно, почему культ Эсмей потерпел полный крах в Сулифе, а всех жирных священников вздернули на виселицах или сожгли на кострах. Потому что вы, вместо избавления от мучений, просто делаете эти мучения более привлекательными.

— Эй, успокойся! — паломник возмутился. — Ничего я не делаю привлекательным.

— Я заметил. Ну? Чего вылупился?! Дай воды попить.

Ослябля спохватился и сунул горлышко бурдюка в рот собеседника, пока тот сидел на песке со связанными руками. Раб нагло выхватил поданное и не успокоился, пока не осушил половину.

— Фу-у-у-х, — наглый собеседник нехотя вернул бурдюк. — На, это можешь хоть вылить. Но лучше бы на следующей стоянке снова мне принес, а то мамелюки воды почти не дают.

— А тебя как зовут? — все еще опешивший Ослябля смотрел сверху вниз.

— Да ты садись поближе, а то шея затекает, — раб схватил паломника за ремень и потянул вниз. — Меня это, Зеленым кличут. Так и зови.

— Зеленый? Какое-то странное имя... а мамка как называла?

— А кто ее знает. Я с раннего детства один. По закоулкам, да подворотням. Мать-то шлюхой в вольном городе на жизнь зарабатывала. Вот ее какой-то клиент и придушил во время утех. Про имя тогда спросить не смог, прости.

— Ну... ты эт... не расстраивайся.

— Как скажешь, приятель, — Зеленый заулыбался наполовину беззубым ртом. — Вот если ты еще и лепеху мне выделишь, то век тебя помнить буду.

Паломник спешно, полез в сумку, висевшую через плечо, вынул оттуда черствый кусок теста и протянул рабу.

— Как же тебя в невольники занесло?

— Хех, — паренек усмехнулся с набитым ртом, но сказать ничего не успел.

Темнота вдруг озарилась огненной вспышкой. Ослябля увидел магический взрыв недалеко от лагеря в темноте. Свет озарил пески, и паломник заметил всадников, что вели коней и боевых верблюдов прямо к стоянке. Он вскочил и ринулся к Эразму с Шахриет.

В этот раз застать караван врасплох не вышло. Черный ворон кружил над округой почти постоянно и, в конце концов, заметил группу всадников, о чем и сообщил Брюзгливому. Мамелюки заняли боевые позиции тихо и молниеносно. Калдор не смог ничего заподозрить,

хотя ожидал налет со дня на день.

Огненный шар, выпущенный волшебником, уничтожил трех скорпионов, что съехались вместе. Судя по всему, главарь шайки отдавал приказания. Оставшись без командования, бандиты на мгновение замешкались. По ним ударил еще один шар огня, наколдованный уже Балеаном Чернокнижником, но особого результата не принес. Всадники шли на существенном расстоянии друг от друга, чтобы охватить как можно большую часть стоянки. Мамелюки все еще скрывались в шатрах и палатках, ожидая, когда противник подобрется ближе.

Всадники пустили лошадей в галоп, осыпав лагерь несколькими заготовленными стрелами, но урона не нанесли, прибив случайно одного раба и двух верблюдов. Банда оказалась небольшая, около двадцати мечей, успех зависел от внезапности, но она безнадежно сгинула.

Калдор выскочил из палатки и заметался. Он не знал, что делать. Поняв, что атака провалена, он рвался помочь пустынным товарищам, но уйти из лагеря уже не мог. Рядом оказался Эфит и Варвар.

— Веселее, друг, — улыбался ветеран. — Нужно держаться вместе, тогда справимся.

— А-ха-ха. Сейчас добудем свежей конины на ужин, — северянин хлопнул дрессировщика по плечу.

Заклинатель ящеров глупо улыбался в ответ и с тревогой смотрел в темноту. Конечно, они не знали, что он заодно с налетчиками, но надеялись, в суе боя осторожно добратся до сумки на динозавре. Ну или навсегда избавиться от питомца и его хозяина.

Ослябя оказался рядом с Эразмом. Тот прятался за тюками с провиантом, чтобы не оказаться открытой мишенью для нападавших. В этот самый момент на стоянку ворвался всадник, держа наперевес копьё. Он целил в волшебника. Паломник как раз оказался сбоку и приготовился поразить, если не всадника, то его верблюда. Парень согнул ноги для прыжка и потянулся к рукояти меча, но пальцы проредили воздух, не встретив препятствия. Бандит пронесся мимо. Ослябя нелепо застыл, пялясь на пустые ножны.

Волшебник намеривался ударить огненным лучом, но, чтобы не задеть животное, ждал, когда противник приблизится. Внезапно появился Шалилун. Зеленоватый оказался на пути боевого верблюда. Эразм даже на мгновение поддался соблазну прожечь орочью спину, а заодно и ездока, но все же хотел получить ценный трофей. Орк едва успел увернуться от острия направленного вперед копьё. Он отшагнул в сторону и взмахнул мечом.

Голова верблюда улетела в песок, окропляя Шалилуна кровью. За головой полетел и всадник, сломав себе шею при падении.

— Идиот! — заорал взбешенный лорд и погрузил орка в ступор. — Осел безмозглый!

На паломника наступали еще двое с копьями. Длинный меч остался в палатке с Шахриет. Оружия не оказалось. Эразм, заливавшийся гневом, не заметил бедственного положения ученика. Ослябя приготовился к кувырку в сторону, но понимал, что вряд ли успеет. Мгновение и он окажется либо на копьях, либо затоптанным разъяренными верблюдами. Эфит с Железнобоким и Калдором находились на достаточном удалении, и сражались с подоспевшими бандитами на пустынных конях, вооруженных длинными скимитарами.

Шахриет следила за боем, через щель полога палатки, укрывшись от стрел за перевернутым деревянным столом. Заметив, что Ослябе угрожает опасность, девушка затряслась. Ей захотелось кричать, но горло перехватил сухой комок. Она почувствовала

закипающую в ней ярость. Злость, что вызвана бессилием. Никто не заметил, как она оказалась на улице. Зрачки ее глаз как будто исчезли. Белая безжизненная пелена окутала глазные яблоки.

Ослябя никогда не слышал такого раздирающего душу крика. Пронзительный и оглушающий визг пронзал слух, словно тысячи острых лезвий. Сковывал тело, заключая его в объятия обжигающего льда. Первое, что почувствовал паломник — это невообразимую силу зла, что обрушилась на него смертельной волной цепенеющего ужаса.

Шахриет оторвалась от земли. Она оказалась босая, и пальцы ее ног едва касались холодного песка. Черные локоны развивались, будто в лицо девушки дул сильный ветер. С рук сорвались черные волшебные стрелы. Смертоносные конусы пронесли за считанное мгновение и ударили во всадников. Паломник зажмурился.

Когда он открыл глаза, то заметил только девушку, лежащую плашмя на песке. Парень не сразу понял, куда подевались нападавшие на него скорпионы. Впереди виднелась разбросанная груда свежих костей. Среди них Ослябя заметил пару верблюжьих седел, одежду и оружие.

От такого ошалел даже лорд Пифарей. Чего уж говорить про остальных. Мамелюки так и не успели выскочить из укрытий и обрушиться на ворвавшихся в лагерь бандитов. Девушка спасла Ослябю, но тем самым спасла и нападавших. Скорпионы опомнились первыми. Пока оцепенение еще охватывало большую часть защищающихся, бандиты спешно отступили, но все же утащили убитых и увели несколько коней мамелюков. Один из трупов забрали прямо у ног Эразма. Волшебник просто проигнорировал врагов, направившись прямо к Шахриет.

Калдор слишком долго не мог взять себя в руки. Озноб, вызванный ужасом, колотил тело. Ему хотелось поскорей прижаться ближе к огню. Небольшой костер у палатки Эфита еще горел, угрожая вот-вот потухнуть. Дрессировщик опустился перед ним на колени и практически обнял язык пламени руками. Огонек плясал и извивался, отражаясь в зрачках его глаз. Когда животный страх немного отпустил, мысли вернулись, но поспешить за бандой оказалось бы безумием.

Выведенные из строя криком Шахриет, Эфит и Варвар находились рядышком. Вряд ли они позволили бы покинуть лагерь на верблюде или коне, увязались бы следом, а в случае побега пешком шанса уйти от погони нет. Сбежать во время движения каравана Калдор не мог. Сам он не знал местные тропы, а блуждать по пустыне с минимальным запасом воды — сродни самоубийству. План с налетом провалился, но парень отчетливо помнил, что в этом случае атаман приказывал следовать в Муфтарак и отыскать заклинателя огня. Так он и решил поступить.

Вновь глубокий сон поглотил Шахриет. Паломник помог волшебнику перенести ее в палатку, но оставаться подле нее не захотел. Та темная энергия, которую он ощущал от девушки в момент крика, поразила до глубины души. Снова мысли путались. Такая огромная сила. Но сила черная, злобная. Не лучше ли уничтожить ее, пока еще есть возможность. А что же будет дальше... повернет ли Шахриет эту злобу против Эсмей и сил добра? Он хотел спросить об этом дедушку, но тот оказался раздражительным, что-то искал в книге, пытался проводить над девушкой какие-то магические манипуляции. Тогда Ослябя вспомнил про меч.

Этот Зеленый. Не он ли стащил оружие? Паломник направился к рабам, но недавнего знакомого среди них не оказалось. Осмотрев место встречи, парень нашел только разрезанные пути.

Ослябя сначала разозлился на парнишку. Меч-то обещал Антосю вернуть, но вовремя вспомнил, что здоровье старика после военных походов не оставляло тому надежд на долгую жизнь, а сколько еще придется странствовать... В общем, оружие Антосю уже точно не понадобится, а родственников у него нет. А так орудие смерти послужило благородной цели — избавило страждущего от мучений и лишений. Дело вполне достойное заветов богини. Вот только нуждающийся меч-избавление украл, а потом этим мечом может кого-нибудь и прирезать. Поняв, что ситуация только ухудшилась и мысли совсем спутались, паломник вернулся к палаткам и оставшийся отрезок ночи провел за чтением, решив во чтобы то ни стало одолеть грамоту.

Два нападения замедлили продвижение каравана, и к Слезе Харамы он подошел только через пять суток. Нахиор объявил, что остановка будет долгой. Необходимо подлечить раненных, укрепить физическое состояние живого товара, да и вовсе отдохнуть.

Рядом с оазисом сохранились древние таморские постройки. Несколько полуразрушенных каменных жилищ, в которые сразу согнали рабов, а также две смотровые башни, позволявшие видеть округу на несколько миль вокруг. Барханы в этой местности сформировались низкими, поэтому скрытно подобраться к стоянке вряд ли вышло бы.

Капитан мамелюков выделил для нужд героев два шатра, как знак признательности за активное участие в охране каравана. Один занял Ослябя, Эразм и Шахриет. Второй заселили Эфит, Варвар и Шалилун. Калдор же держался в стороне, пояснив, что не хотел бы стеснять кого-то из союзников. А заодно решил, что так будет безопаснее для артефакта, который постоянно находился на питомце. Как только стоянку удалось оборудовать, приключенцы вдоволь напились воды и безотлагательно уснули.

Утром дрессировщик проснулся раньше всех. Выбравшись из палатки, он потянулся и с наслаждением вдохнул запах жареного мяса. Мамелюки отыскиали в оазисе одичавшую овечку и жарили ее на углях из личного запаса Нахиора. Солнце еще не успело прогреть воздух до угнетающей духоты, и Калдор весело умывался, наслаждаясь свежестью и прохладой. Досада от неудач, последовательно настигавших его в последнее время, утихла. Получив от стражников большой кусок мяса, парень поделился с ящером, который во время пути питался в основном помершими рабами.

Отличное настроение поддерживалось во многом картой сокровищ, что ждала нужного часа. Место, обозначенное на ней, находилось не так уж и далеко от оазиса Слеза Харамы. По примерным подсчетам дрессировщика, потребуется около половины светового дня для похода в одну сторону, а раз Нахиор решил задержаться на несколько дней, то нужный час настал.

— Уважаемые, — Калдор обратился к приключенцам, что собрались у шатров полакомиться свежей бараниной. — К чему нам прозябать в такое прекрасное утро в лагере? — он расплылся в добродушной улыбке.

Эразм, сидящий на стуле в тени шатра, даже не посмотрел в сторону дрессировщика. Шахриет пришла в себя около двух дней назад, но ничего не могла рассказать по поводу неконтролируемого выброса магической энергии. Ослябя теперь ее сторонился, и волшебник думал о том, как бы парень не наделал глупостей.

— Предлагаешь прогуляться по здешним местам? — воодушевленным оказался только Эфит.

— В поместье я обнаружил карту. На ней отмечено место... возможно, там какой-нибудь клад припрятан. Иначе зачем демонопоклонники ее берегли?

— Как разделим добычу? — ветеран охладел, понимая, что возможно в поход отправятся все, но золотишко в любом случае не помешает.

— Поровну. Все, что найдем.

— Я тоже пойду, — внезапно вмешалась Шахриет, вышедшая из шатра в мужском одеянии. — Дедушка, извини, но я нашла эту дорожную одежду в твоих вещах. Можно, я оставлю ее себе?

Волшебник посмотрел на девушку и усмехнулся. Остальные тут же смутились. В памяти еще не остыли впечатления недавнего инцидента.

— Ну что вы?! — воскликнула Шахриет. — Не хочу я больше прятаться по палаткам и шатрам. Дайте мне кинжал и в путь, — казалось, что произошедшее прибавило ей сил, произошел какой-то эмоциональный толчок, давший ей смелость и уверенность.

— Я не против, — Калдор пожал плечами. Женская компания всегда радовала, хотя некоторые опасения все же оставались, но присутствие Эразма успокаивало. — Надеюсь, что дедушка пойдет с нами? — дрессировщик протянул девушке кинжал.

— Еще раз назовешь меня дедушкой, и твоя одежда сгорит вместе с картой. Осел! — Брюзгливый гневно зыркнул на заклинателя ящеров. Но оживленность Шахриет ему понравилась, к тому же, в этом небольшом приключении ее способности могли открыться с новой стороны.

— Осе-е-е-ел! — поддержал хозяина ворон и вспорхнул с верхушки шатра.

Калдор заметил летящую на него птицу и отшатнулся в сторону, когда ворон пролетал мимо. В песок упала прозрачная слизь с бело-черными вкраплениями. Дрессировщик выругался, и все рассмеялись.

Через час группа в полном составе выдвинулась в нужном направлении. Нахиор не оценил этот поход за сокровищами, учитывая недостаток охраны каравана, но запрещать не стал. Единственное — не пожелал рисковать верблюдами, потому приключенцы отправились пешком. Такой переход затребовал больше времени и до места добрались только к закату.

Если бы отсутствовала карта, то заметить древний некрополь издалека вряд ли бы удалось. Сложенное из каменных плит прямоугольное сооружение поглотили пески.

— Вход кто-то явно раскопал, — Эфит заглянул в чернеющий проход у подножья огромного бархана. — Что-то древнее... а тут вроде изображения легионеров, — ветеран указал пальцем на фрагмент каменной стены. Рисунки практически стёрлись от ветра и песчинок пыли.

Два воина в доспехах, имитирующих мускулатуру мужского тела, укрывались за длинными прямоугольными щитами, подняв копья вверх. Над ними мужчина в шлеме с большим плюмажем вытянул в руках лавровый венок. Его лицо, практически потерянное, все еще пересекал длинный шрам, проходивший через левый глаз. Он восседал на троне, окруженный лежащими у ног телами убитых.

— Похоже на древний могильник таморского легиона, — вмешался Эразм. — Этот мужик, — край посоха ударил по сидящему на троне, — никто иной как Ахарус. В былые времена Империя славилась богом войны. Существовали даже священные обычаи, обязывавшие забирать тела погибших с поля боя, а в случае необходимости вступать за них в новое сражение с врагом.

Варвар, услышав о боге войны, склонил голову в знак почтения. Истории об Ахарусе разнятся от региона к региону. С ним связывают такие природные явления как бури, грозы

и метели. Часто зовется Владыкой Брани, Повелителем моря или пучины.

В землях Нордвара верят, что Повелитель моря является предком северян. В древности Ахарус странствовал по землям смертных и наткнулся на суровый край, который посчитал достойным для воспитания и возвращения собственного потомства — истинных мореходов и воителей. Он возлежал с белой медведицей, которая понесла первых нордварцев. Сам же Ахарус отправился к звездам, где встречает погибших в бою воинов, даря им в награду место подле себя и вечную жизнь полную славных сражений и пиров.

В Таморской Империи и бывших провинциях верили, что именно Ахарус подарил людям оружие и лодки, с помощью которых ковалась Империя. Потомками божества имперцы себя не считали, а жертвоприношения и вовсе считались пережитком, признаком варварства и невежества.

В древности божество почиталось и в Ашахитском Султанате, но ныне полностью вытеснено культом Шеннаитха. В Таморе все еще почитается легионерами и легатами из-за древних воинских традиций Империи. В Эриндане заменен культом Эсмей, которой, во многом благодаря ордену Рыцарей Меча, также приписывается покровительство войне.

Основная паства Ахаруса сосредоточена в Нордваре, где жизнь людей тесно переплетена с мореходством и вооруженными стычками. По поверию, именно Ахарус решал исход сражения. Потому жители севера часто приносили в жертву Повелителю пучины скот и пленных орков.

Символом Владыки Брани считался воинский шлем (в таморской вариации с фиолетовым плюмажем, в нордварской — шлем имел два острых рога), также часто использовалось изображение триремы в Таморе, и ладьи в Нордваре. Исполнение внешности самого Ахаруса в регионах также разнится. Чаще всего это крепкий мужчина, изображенный в воинственной позе, обязательно наличие бороды и шрама, проходящего через все лицо по левому глазу. А вот вооружение и доспехи отличаются в зависимости от культуры последователей. Нередко нордварцы изображают Повелителя пучины в виде белого или бурого медведя. Доброе знамение — увидеть его перед началом похода или сражения. Ввиду этого, медведи для северян считались священными животными.

— Так это что, некрополь с урнами праха погибших воинов? — Калдор подошел ко входу, остановившись за спиной Эразма и Эфита.

— Нет, — волшебник покрутил головой. — Это ныне в Таморе сжигают тела перед захоронением. В древности погребение не предусматривало сожжение. Но, по мере роста городов и населения, пришлось искать более практичный метод.

— Это хорошо, — дрессировщик улыбнулся. — Если там лежат тела, то скорее всего с ними и ценные вещи.

— Следы трех верблюдов... — Ослябя шаркал по округе, рассматривая песок — Может уже кто-то побывал тут. Да и вообще, не нравится мне эта затея. Нехорошо это — мертвых грабить.

— А я бы посмотрела, что там внутри, — заинтересовалась Шахриет.

— Что значит посмотрела бы? — Калдор недоумевающе смотрел на остальных. — Мы ж не для этого шли весь день по изнуряющей жаре. Да и палаток с одеялами никто не захватил. Скоро холод начнет пробиваться под одежду, а там точно теплее. Расположимся на ночлег, а заодно осмотримся.

— Нехорошо это... в могильнике спать... — обреченно пробурчал Ослябя, наблюдая за тем, как союзники заходили внутрь.

Темный длинный коридор слабо освещал тусклый свет факелов. Вдоль него располагались два десятка саркофагов с расколотыми крышками. Сводчатый потолок потрескался, но камень по-прежнему выглядел надежным. На стенах хорошо сохранились фрески, с изображением баталий. Стройные ряды легионеров, закрывались щитами, словно черепаха пряталась в панцирь, и подходили к стенам осажденного города. Следующая сцена демонстрировала толпы рабов, что выходили колоннами из ворот побежденной крепости. Древние строители некрополя не забыли о боге войны, щедро вознаградившего погибших. Они шагали рядом с Владыкой Брани на небесном своде, который имитировал потолок.

— Одежды истлели, а драгоценности, если и были, то расхитители гробниц уже поработали, — Эразм заставил светиться дорожный посох и подсвечивал им, заглянув в один из саркофагов.

— Даже оружия нет?! Не может быть... — Калдор помрачнел.

— Ну, там вроде еще одна комната есть, — ветеран указал рукой в конец коридора.

— Надеюсь, будет что-то интересное, — Варвар выглядел раздраженным. — Или я терпел жару только для того, чтобы посмотреть на хилые скелеты имперцев?! — он удостоил заклинателя ящеров гневным взглядом.

Дрессировщик послал вперед питомца и тот пронесся мимо северянина, больно ударив мужчину хвостом под колено.

— Мерзкая тварь! — взревел нордварец, но раптор уже скрылся в проходе. — Следи за своей ящерицей, не то я вырву ей хвост!

— Эй, спокойно, — Калдор поднял руки перед собой. — Он же случайно. За это я отдам тебе что-нибудь из собственной доли, — парень улыбнулся и поспешил за рептилией.

— Эт... я... тут тогда... — Ослябя неуверенно переминался с ноги на ногу. Его мучало плохое предчувствие.

— Шалилун прикрой тебя, — орк отошел поближе к выходу.

За дрессировщиком отправились только волшебник, Эфит и железнобокий. Шахриет отвлеклась на настенные рисунки, так и не выйдя из комнаты.

Новое помещение оказалось небольшим. На невысоком каменном постаменте располагалось три саркофага. На стене висело практически истлевшее полотно, с изображением орла с двумя головами, символизируя о высоком статусе захороненных. По бокам в стенах зодчие обустроили узкие ниши, в которых виднелись остатки тел рабов, захороненных вместе с хозяевами. Кое-где еще сохранились остатки мебели и битой глиняной посуды, краска которой давно потеряла цвет.

— Похоже, что глиняные горшки и есть твое сокровище, — усмехнулся волшебник. — Если сумеешь привезти их в Исиасполис, то может выручишь пару монет, — он взошел на постамент. — Саркофаги тоже обнесли. Крышки разбиты, — Брюзгливый потерял интерес к поиску сокровищ и принялся изучать надписи на осколках камня. Ворон сидел на плече и наклонял голову из стороны в сторону, всматриваясь в символы на стенах.

Дрессировщик подошел к одной из ниш и принялся выколупывать оттуда скелет. Варвар не сводил глаз с ящера, который преданно ожидал хозяина, стоя в середине комнаты. Эфит, скрестив руки на груди, оперся плечом о стенку прохода. На его лице возникла злорадная ухмылка.

— Мне это надоело! — вдруг заорал железнобокий. — Нет сокровищ, но трофей я получу!

Он занес топор, намереваясь отсечь голову динозавру, но ящер, повернувшийся на крик,

успел отпрыгнуть. Калдор опешил. Ветеран стражи вольного города достал свиток, исполняя ритуал маскировки, но не сумел сотворить заклинание. Он удивленно уставился на собственные ладони, которые не высекли ни одной искры. Теперь злорадная ухмылка возникла на лице Эразма.

Нордварец тем временем наступал. Он обрушивал удар за ударом на отступающего ящера, но лезвие лишь прорезало воздух. Варвару приходилось действовать рискованно. Боясь повредить драгоценную голову, он сокращал дистанцию, пытаясь поразить зверя в спину. Дрессировщик, опомнившись, выхватил меч, но тут же лязгнуло лезвие Эфита, который намеривался не позволить хозяину вступить за питомца.

Они не успели сделать и шага, как комнату заволочло непроглядным белым туманом, словно герои оказались у большой воды. Волшебник использовал заклинание, чтобы помешать недавним союзникам поубивать друг друга, но не успел. Раптор совершил бросок, чтобы сомкнуть челюсти на горле противника. Железнобокий подставил правое предплечье и острые как бритвы зубы сомкнулись на кожаных наручах.

Только элемент доспеха не позволял ящеру отгрызть руку. Кровь струйками бежала на пол, но здоровяк крепко стоял на ногах. Зверь дергал, пытаясь свалить противника с ног. На напряженном бицепсе выступили прожилки вен. Варвар не мог больше орудовать топором, так как сжимал его правой рукой, но это и не требовалось. Обладая не дюжей силой, он смог подтянуть зверя поближе, после выхватил из-за спины здоровенный острый кинжал и полоснул по горлу динозавра. Чешуя в месте надреза расползлась в стороны. Прохладная и липкая кровь обагрила ноги победителя. Ящер ослабил хватку, захрипел и забился в смертельной агонии.

Северянин сбросил противника на землю. Обычно спокойные глаза зверя лихорадочно кружились, осматривая туман. Умиравший питомец преданно искал хозяина, но нордварец уже занес над ним топор. Хлесткий, безжалостный удар отсек желанную голову от тела.

Эразм совершенно позабыл про странный предмет, который Калдор отыскал в поместье аль-Гази. Сейчас, даже сквозь непроглядную мглу, он снова почувствовал источник некротической энергии. Забыл о нем и сам Калдор. Впрочем, он и не догадывался, что черный камешек, найденный им в подвале, и являлся причиной оживления трупов.

Продравшись через туман, дрессировщик увидел обезглавленного зверя. К горлу подступил твердый ком. Парень рухнул на колени и протянул дрожащие руки к единственному другу. Он провел ладонью по все еще лоснящейся чешуе. Из левого глаза выкатилась слеза. Пробежав по щеке, она упала на каменный пол некрополя, и растворилась в луже крови.

Насадив трофей на крюк с веревкой, Варвар повесил его на плечо, не обращая внимания на кровопотерю. Заметив, что заклинатель ящеров удачно склонил голову, здоровяк занес топор для нового удара, но внезапная боль обожгла спину. Он отшатнулся, выронив оружие. Гробница восстала.

Нежить поднялась из саркофагов и выбиралась из ниш. Ослябя успел одернуть Шахриет, которая увлеклась разглядыванием фресок и не заметила подбиравшегося к ней скелета. Парень пнул противника в грудное сплетение и вместе с девушкой побежал к выходу. Саркофаги располагались вдоль пути отступления, и мертвецы сжимались к середине коридора. Два скелета загородили проход. Сражаться с ними времени не оставалось. Преследовавшие мертвые тут же ударили бы в спину. В голове паломника возникла мысль, что проявление страшных способностей Шахриет сейчас бы пришлось кстати.

— Ша-ли-лу-у-у-н! — заорал во все горло Ослябя, поняв, что орк ретировался из гробницы.

Надежды рухнули. Ловушка захлопнулась. На ходу паломник выхватил меч, намереваясь сражаться до конца, но вдруг свет, поступавший в некрополь загородил зеленоватый.

— А-а-ар-р-р-а-а-ар, — зарычал орк.

Два удара обрушились на нежить. Широкое лезвие двуручного меча с треском сломало кости. Парень и девушка выскочили наружу. Шалилун освободил проход и оборону в нем занял уже Ослябя. Кости со звоном сыпались, захламляя выход. Пот заливал глаза. Паломник тяжело дышал, но наносил удар за ударом, сокрушая мертвецов, столпившихся в проходе.

Стремительное восстание нежити ошеломило Эфита. Скелеты не имели оружия, ведь гробницу разграбили, но кости пальцев или обломки костей рук отлично резали и протыкали кожу. Ветеран лихорадочно пытался вызвать магический огонь, но ничего не выходило. Пришлось обороняться скимитаром, отрубая тянувшиеся к плоти пожелтевшие кости. Мужчина спешно отступал к выходу, а из ниш выбирались все новые и новые враги.

Эразм не мог развеять туман. Он оказался зажат в углу и, выставив перед собой посох на вытянутых руках, из последних сил сдерживал навалившихся на него двух скелетов. Ворон усиленно работал крыльями, пытаясь удержаться под низкими сводами потолка. Птица, заметив, что волшебник вот-вот не выдержит, стремительным броском ударила одного из восставших в черепушку. Ведомый инстинктом уничтожения всего живого, противник попытался достать пернатого костяшками пальцев, но ворон ловко проскользнул через плечо, атаковав следующего в затылок. Брюзгливый немедленно использовал заклинание «отбрасывающий удар». Энергетический взрыв едва не задел птицу, вспорхнувшую вверх. Мертвецов отбросило в противоположную стену, и кости рассыпались на каменном полу.

Калдор с ненавистью смотрел на то, как нордварец сражается, лежа на спине. Он смог подобрать топор и махал им, срубая обступивших его скелетов, словно тонкие стебельки, одновременно перебирал ногами, скользя по полу спиной. Туман начинал рассеиваться. Дрессировщик отстегнул дорожную сумку, что продолжала висеть на обезглавленном теле зверя, и поспешил к выходу.

Эфит в пылу сражения не заметил, как заклинатель ящеров подобрался сзади. Если бы Калдор знал, что в конечном итоге деяния ветерана и привели к смерти зубастого зверя, то непременно всадил бы ему в спину лезвие кинжала, но дрессировщик не догадался. Впрочем, ненависть вспыхнула ко всем союзникам. Проходя мимо, парень со всего маха пнул стража в подколенную ямку. Нога мужчины подкосилась и скелет налетел на него сверху.

Перешагивая через наваленные древние кости, Калдор выбрался наружу и осмотрелся. Ослябя сидел без сил, поджав ноги, и все еще сжимал в руке меч, Шахриет и Шалилун что-то ему говорили, но слушать их дрессировщик не стал. Крепко прижимая к себе сумку, он прибавил шаг и скрылся в темноте.

Остальных приключенцев спас Эразм. Заметив, что союзников вот-вот покромсают восставшие, волшебник использовал огненный луч, уничтожив большую часть мертвецов. Тех, что возились на земле прикончили Варвар и Эфит. Они лежали чуть дыша, так и не веря в то, что смогли отбиться. Брюзгливый окинул их взглядом. Тяжело вздохнул, заметив мертвую ящерицу, и, не сказав ни слова, вышел из некрополя.

Через десять минут ветеран вольного города вывел израненного Варвара, который опирался на плечо компаньона. Многочисленные порезы кровоточили. Из руки все еще

струйками стекала кровь, но нордварец держался. Шалилун тут же бросился на помощь. Они с Эфитом омыли раны водой из бурдюка, а после перетянули их льняными бинтами.

— Это была последняя вода, — сообщил ветеран, когда облокотил северянина спиной о выступающую из бархана каменную стену.

— Хах, — Эразм усмехнулся в ответ, глядя на то, как железнобокий обнимал голову динозавра, заботливо уложив ее на колени. — Зато у твоего дружка теперь новая игрушка.

— Надо спешить в оазис, у мамелюков кажется есть лекарь, — не обращая внимания продолжал ветеран.

Ослябя сидел, облокотившись руками на меч, который вонзил в песок и молчал. Девушка сидела рядом, положив голову на плечо парня.

— Тогда, надеюсь, что ты умеешь ориентироваться в пустынях, умник, — Брюзгливый тоже опустился на холодный песок.

— Что?

— Осел! — вскипел Эразм. — Карта осталась у любителя ящерок. Если ты не умеешь находить путь в пустыне, то не знаю, как мы доберемся до оазиса!

— Может утром найдем какие-нибудь следы? — вмешался Ослябя.

— Может и найдем, — волшебник вздохнул, ощущая холодные порывы ветра, который способен за ночь изменить окружающий пейзаж. — А пока сходи-ка внутрь да насобирай остатки мебели и все, что может гореть. Не хочу околеть тут до смерти.

Лорд Пифарей неожиданно вспомнил, что видел этот некрополь на другой карте. Той самой, что лежала на столе торговца-карлика. Внезапная мысль зажгла тревогу. «Откуда, Асмодей его дери, у коротышки столько мебели в шатре, если он водил с собой всего трех верблюдов?!» — думал Брюзгливый лихорадочно перебирая варианты.

Ворон внезапно взмыл ввысь и растворился в темноте. По спине волшебника пробежала колючая дрожь.

— Говорил же, что нехорошо это — мертвых грабить, — пробурчал паломник, осторожно пробираясь по коридору некрополя.

Отряд из трех мамелюков на пустынных лошадях патрулировал окрестности оазиса. Они заметили Калдора на рассвете. Но, вопреки ожиданиям, увидев их, дрессировщик круто повернул в сторону, направляясь к барханам. Черные стражи расценили это весьма подозрительным и пустились в погоню. Парень знал, что лошади не смогут идти через дюны, потому поспешил скрыться за ними. Это вполне удалось бы, но одинокий путник следовал на верблюде в этом же направлении.

Незнакомец сделал крюк, обогнав беглеца. Укрыв верблюда за барханом, он поднимался вверх, ожидая на вершине встретить дрессировщика. Завидев человека в халате песчаного цвета, накинутым на белую длинную рубаху, Калдор настороженно остановился, положив руку на рукоять скимитара. Но поясе неожиданного путника висло три кинжала, другое оружие отсутствовало. Голову и лицо покрывала светло-коричневая куфия — длинный платок, закрепленный вокруг головы шнурковым кольцом.

Человек открыл смуглое лицо, отливавшее странным синим оттенком. Подбородок и щеки покрывал темный юношеский пушок, а зеленые глаза блестели, словно два изумруда. На вид ему казалось не больше семнадцати лет, потому дрессировщик расслабился.

— Пусть пески хранят тебя, брат! — юнец поднял руку и прижал к ладони безымянный и средний палец.

— Пустыня оберегает тех, кто бесстрашен, — Калдор улыбнулся и сделал тоже самое.

Незнакомец подошел ближе и обнажил правое предплечье, показав заклинателю ящеров маленькую татуировку скорпиона. Дрессировщик поспешил продемонстрировать свою.

— Нужно спешить, — Калдор обернулся, всматриваясь в даль. — Мамелюки идут по пятам. Бросили коней...

— Тогда не буду терять времени зря, — мертвецким голосом произнес юнец.

Сталь пронзила живот дрессировщика. Острая боль сковала тело. Он повернул голову недоумевающе глядя в глаза брату-скорпиону, но в них читался лишь могильный холод. Калдор схватил незнакомца за руки в попытке задержать следующий удар.

— А-ха-ха-ха, — убийца смеялся, обнажив белые зубы.

— Кто ты такой?! — выдавил из себя заклинатель ящеров.

— Вестник смерти, — паренек выхватил второй кинжал и вонзил его между шеей и подбородком, обрекая жертву на мучительную агонию.

Черные стражи, заметив двоих на вершине бархана, прибавили шаг и оказались ближе, чем рассчитывал юный убийца. Он залез в сумку убитого и улыбнулся. После повернулся, ища глазами верблюда, но голодное животное отбрело подальше, заметив несколько колючек. Поняв, что спешное отступление может закончиться провалом, юнец вынул из сумки черный камень и спрятал его под одеждой. Положил сумку с артефактом к ногам дрыгающегося в предсмертных судорогах Калдора и поднял перед собой руки, ожидая приближения мамелюков.

Глава X. Рыцарь и вор

Орден Рыцарей Меча зародился во времена первых крестьянских брожений в Эриндане, на тот момент еще являвшегося частью Таморской Империи. Постоянные набеги кочевников из Диких Степей, а также опустошительные рейды нордварцев, заставили Императора Юстиниана, прозванного в народе Эльфорезом, в спешном порядке снаряжать новые легионы.

Юстиниан вел затянувшуюся войну с эльфийскими кланами, которая беспощадно опустошала императорскую казну. Приходилось вводить новые налоги, основная тяжесть которых легла на закрепощенных крестьян. Крепостные обязывались, помимо оброка помещику, выплачивать государству тягловые сборы. Вырученные средства планировались на обеспечение дополнительных армий, но, поступая в бюрократический аппарат, они большей частью размывались, оседая в карманах провинциальных чиновников.

Императору пришлось вводить налоги для торговцев, главным из которых стала «подать за ввоз соли». Купцы тут же взвинтили цены на соль, а многие и вовсе отказались от дальнейшей ее поставки и продажи. Для крестьян соль являлась стратегически важным продуктом, необходимым для заготовки припасов на зиму. Возникший дефицит еще больше повысил цену, которая в условиях введения тягловых сборов, стала непомерной для большинства населения Империи.

Целые области, фактически обреченные на голодную смерть, восстали. Крестьянские бунты охватили весь Эриндан, который благодаря плодородным землям, являлся житницей Таморской Империи. Черный люд принялся грабить и сжигать помещичьи дома, убивать имперских наместников и чиновников. В конце концов, образованные легионы использовались для подавления бунтов, а не для защиты границ. Но подати за ввоз соли отменили.

Во время подавления восстания, многие крестьянские хозяйства оказались разорены. Голод и болезни обрушились на Эриндан, угрожая перекинуться и на остальные провинции Тамора. Император Юстиниан оказался вынужден искать скорого мира с эльфами, так и не достигнув военных и политических целей.

Церковь Эсмей, усилившая проповеди в провинции Эриндан, выступала за сострадание и милосердие к нуждающимся. Призывала аристократов отречься от излишней праздности, делиться с ближним и убогим. В монастыре Святой Покровительницы, основанном в древние времена, когда культ богини только зарождался, возникла больница для черного люда. Лечили и кормили там бесплатно, не требуя ничего, кроме вознесения молитв к Светлой Деве (так Эсмей прозвали в народе).

На монастырь часто устраивали набеги многочисленные бандитские шайки, возникавшие в смутные и голодные времена как грибы после дождя. Жрецы обратились к эринданским дворянам, моля рыцарей ответить на призыв Светлой Девы и защитить слабых.

Первым откликнулся лорд Фридрих де Витан, на землях которого располагался монастырь Святой Покровительницы. Он отправил младшего сына сира Пересвета, в сопровождении десятка оруженосцев, разбить окрестные разбойничьи шайки. Пересвет с легкостью достиг порученных целей. Плохо вооруженный сброд, даже имея численное превосходство, не мог ничего противопоставить обученным тяжелым всадникам.

Святая Церковь и историки ордена настаивали на том, что на сира Пересвета снизошло

озарение Эсмей. Богиня явила откровение юному рыцарю, обязав его основать монашеский орден, призванный нести свет и милосердие нуждающимся, а врагам и грешникам очищающий и праведный гнев Светлой Девы. Тогда Пересвет подстригся в монахи, поклявшись вечно служить божественной миссии. Хотя многие справедливо полагали, что ключевую роль в таком решении сыграло отсутствие наследства, так как Фридрих не желал делить земли между четырьмя сыновьями, намереваясь оставить все старшему. Как бы то ни было, Пересвет стал первым рыцарем-монахом и основателем ордена Рыцарей Меча.

Орден быстро навел порядок в провинции, заслужив репутацию независимой силы, выжигавшей каленым железом любые проявления беззакония. Популярность, возраставшая среди дворянства, особенно у младших сыновей, обратила на орден внимание Юстиниана. У монастыря, превращенного через десятилетие в неприступную твердыню, имелись собственные крепостные, но неофиты, желавшие присягнуть на верность Эсмей все прибывали. Тогда Император пожертвовал братьям-рыцарям ряд земель в Таморе, чем, кстати, заслужил поддержку Святой Церкви, а также симпатии многих религиозных аристократов.

Следуя примеру Юстиниана, для нужд Рыцарей Меча жертвовали земли, замки, крестьян и даже корабли. Фридрих де Витан не исключение. На смертном одре, воспылав любовью к Эсмей, в том числе желая искупить совершенные грехи, лорд завещал ордену большую часть собственного удела, вместе с крепостными. В результате, младший сын сир Пересвет, подстригшийся в монахи, фактически имел во владении больше фамильной земли, чем его старший брат, лорд Фридрих де Витан II.

Дестриэ — крупный боевой рыцарский конь, величественно шагал по узкой улице вольного города Эль-Эменталь. Широкогрудый вороной жеребец, с длинным и гладким хвостом, не ощущая вес доспехов седока, чувствовал свободу и рвался в галоп. Гильдарту приходилось осаживать скакуна, натягивая поводья. Стук подкованных копыт о камень эхом разносился по округе, отражаясь от дома к дому.

Основанный имперцами город не только бережно хранил таморское наследие, но и множил его. Местные зодчие продолжали выстраивать дома из кирпича, а дороги мостить камнем. Жилые здания достигали трех этажей и сооружались в форме квадрата с небольшим двориком в середине, где жители могли отдыхать, прячась в тени от палящего солнца. На каждой более-менее крупной улице располагались фонтаны и источники прохладной и свежей воды, которой пользовался любой желающий.

Возведенная таморцами высокая крепостная стена, опоясывающая Эль-Эменталь, продолжала расширяться. К ней пристраивались дополнительные полукольца, внутри которых возводились новые районы. Многочисленные торговые лавочки и ремесленные мастерские усеивали городские кварталы. В народе болтали, что в вольном городе можно отыскать все, что угодно душе, а главное — кошелек.

Сейчас же, глубокой ночью, город спал, погрузившись во тьму. Только прославленная стража, в серо-пурпурных одеждах, патрулировала улицы, освещая дорогу тусклым светом факелов. Завидев всадника, стражи уступили дорогу. Проезжая мимо, Гильдарт заметил, как пламя отражается на начищенных до блеска медных знаках в виде весов, обрамленных в кольцо, которые солдаты Эль-Эменталья носили на правой стороне груди.

Свернув к центральной площади, рыцарь направлялся напрямик к Палатам Алмазных Властителей. Это величественное здание олицетворяло собой незыблемую власть трех богатейших и влиятельных семей Эль-Эменталья. Его купол, украшенный золотыми

скульптурами Властителей, удерживало плотное кольцо мраморных колон в виде мускулистых исполинов. На вершине купола располагались золотые весы, горевшие огнем при солнечном свете. Палаты стояли на холме, в самой высокой части города, а потому блеск виднелся за многие мили от крепостных стен.

— Стой! — два всадника в стальных латах перегородили проезд. Поверх доспехов они носили белые сюрко, длинные тканевые накидки, с вышитым на груди серебряным мечом и солнечным кругом, обрамляющим гарду. — Кто таков?

— Гильдарт де Кран, — послышалось в ответ.

— Надо же! — всадники переглянулись. — Лорд?

— Нет. Старший сын, — нехотя ответил Гильдарт, опустив взгляд.

Один из всадников подъехал ближе, осветив лицо незнакомца факелом. В усталых серых глазах блеснуло пламя. Зрелое лицо, изъеденное рябинами и неровностями, не выражало никаких эмоций. Рыцарь расправил широкие плечи и вызывающе глянул на всадника с факелом.

— Не похож? — грубым голосом спросил он.

— Братец твой на рожу хоть и чернее, но поприятнее.

— На груди фамильный герб, — Гильдарт ткнул пальцем в изображение фигуристого треугольного щита, на котором перекрещено две черных булавы.

— Вижу, — всадник качнул головой. — Добро пожаловать, сир Гильдарт. Великий Магистр ожидал тебя еще неделю назад. Мы уж решили, что в пути ты стал добычей скорпионов.

— Пришлось бы твоей сестрице смывать позор с рода де Кран, — второй нагло заржал, обнажив желтые зубы.

— Сиры, — рыцарь не обратил на смеющихся внимания и, немного склонив голову, проехал мимо.

Фасад Палат пронизывало множество витражных окон со стеклами различных цветов, украшенных узорами. Желание любоваться ими у де Крана отсутствовало, к тому же, рисунки восхваляли Алмазных Властителей, на которых ему и вовсе плевать. А вот золотые ворота, с вкраплениями сапфиров, невольно изумляли. Еще нигде Гильдарт не видел столько помпезности и роскоши, хотя его семья считалась одной из самых богатых в Королевстве Эриндан.

У ворот встретили два стражника. Один из ордена, а другой из городской стражи. Коня понадобилось отдать на попечительство молчаливого конюшего, который кланялся на любое слово и заискивающе улыбался, выпрашивая серебряную монету. Тяжело вздохнув, рыцарь сунул ему в руку три серебряника, наказав дать скакуну овса и почистить его от дорожной пыли.

Пришлось снова представляться. Ворота отворились и Гильдарт оказался в просторном коридоре, концы которого скрывались в темноте. Стены и пол помещения, отделанные розоватым мрамором, напоминали рыцарю имперские храмы. В стенах имелись ниши, расположенные друг от друга на равном удалении около трех метров. В них красовались расписные узорами вазы с прахом и бюсты почивших Властителей. Между нишами, словно статуи, стояли стажи вольного города.

— Прошу Вас, сир, — из темноты возник сутулый камергер. — Орден занимает левую часть Палат, — он указал рукой направление и де Кран послушно последовал за ним.

Пройдя по коридору, они поднялись по мраморным ступеням, покрытым красной

ковровой дорожкой и вошли в просторный зал. Здесь стража целиком состояла из братьев ордена Рыцарей Меча. В крыше центральной части помещения, имелось квадратное отверстие, через которое лунный свет освещал небольшой водоем, построенный под ним. Четверо братьев-рыцарей, одетых в простые серые туники, подпоясанные ремнями, что-то обсуждали, но заметив вошедших, умолкли. Тут же красовались диваны, кресла и столы, ломившиеся от яств и кувшинов с напитками. В животе предательски засвербело, и Гильдарт сглотнул слюну.

В противоположной от входа в зал стороне, находилась резная деревянная дверь, впрочем, дверные ручки в форме колец, целиком состояли из золота. Камергер попросил подождать и постучавшись, скрылся за ней. Через пару минут де Крана пригласили войти.

Временные покои Великого Магистра, любезно предоставленные Алмазными Властителями, хорошо освещали масляные лампы, стоявшие на мраморных пьедесталах по всему периметру комнаты. В углу на стойке блестели начищенные маслом стальные доспехи. А в середине — свечи облизывали мерцающими огоньками большой круглый стол с картой и кипой бумаг. Магистр сидел в кресле за столом и, казалось, дремал.

Хотя главе ордена Рыцарей Меча шел шестой десяток, выглядел он также внушительно, как и в молодости. Настоящий великан, ростом около двух метров. Крупное телосложение, полученное от рождения, закалил ратный труд, и даже возникший в старости объемный живот, не позволял усомниться в невероятной физической силе бывшего рыцаря. Спадавшие до плеч густые волосы Магистра, полностью поглотила седина. Он приоткрыл глаза, устремив взгляд на вошедшего, и запустил в них здоровую кисть с толстыми пальцами.

Де Кран сделал несколько шагов и опустился на одно колено, склонив голову. Правая рука лежала ладонью на сердце, а левая обнимала рукоять меча, что висел на поясе.

— Великий Магистр! — торжественно и громко произнес Гильдарт. — Я прибыл, чтобы смыть позор, обрушившийся на честное имя моего рода. Не пощажу ни головы, ни сердца своего, пока тень, брошенная на семью де Кран не будет низложена.

— Встаньте, сир, — ответил басистый голос. — Неужели ваш отец пожертвовал ордену наследника?

Рыцарь поднялся, но продолжал склонять голову.

— Я надеюсь, что Ваше Святейшество позволит мне выступить в качестве рыцаря-паломника, без вступления в орден.

Магистр молчал, оценивающе оглядывая посетителя. Хоть де Кран и склонил голову, но стоял уверенно, расправив плечи. В крепком сложении немолодого уже человека чувствовалась сила и твердость духа.

— Наши братья, приносят обеты послушания, бедности и безбрачия, — наконец, начал он. — Отрекаются не только от мирской жизни, но и от родственников.

Услышав это, Гильдарт вызывающе поднял взгляд на Магистра.

— Тогда не понимаю, почему семья должна расплачиваться за грехи брата... — рыцарь осекся и тут же проклял себя за несдержанность.

— Молча-а-ать! — закричал глава ордена и со всего маха, словно кузнечным молотом, рубанул по столу кулаком. — Слушай и не открывая рта, пока я говорю! Твоя дерзость заслуживает наказания и лишний раз подтверждает порочность, которая охватила некогда славный род де Кран. Ранее, я бы выжег ее каленым железом, но ныне, во имя светлой памяти твоего дяди, позволю искупить грехи кровью. Над избалованными аристократами часто властвуют желанья, но святой орден заставит тебя их побороть, — он поднялся с

кресла и немного пройдясь по комнате, остановился перед гобеленом с изображением Эсмей, повернувшись к рыцарю спиной.

Девушка с короткими локонами в золотых доспехах, закрывала большую часть тела треугольным щитом. На щите находился ее символ. В правой руке она держала меч, острие которого устремлялось к небу. Так богиню изображал только орден.

— Братья-рыцари всей душой презирают собственные желания. Окутывая душу в светлые доспехи послушания, следуют лишь повелениям Эсмей. Они несут ее свет по всему Архею, миру, который породил не только людей, но и эльфов, дварфов, орков и прочую нечисть, достойную истребления. Мы — это праведный щит человечества, священное орудие в ласковых, но твердых руках богини!

Рыцари Меча — это те, кого Светлая Дева избрала из массы обреченных и повелела, в великой милости своей, защищать Святую Церковь и страждущих. С покорностью принимая такие священные обязанности, мы в нашем служении веры соединяем целомудренное старание и стойкость убеждений. Эти качества так полезны и священны, и настолько благородны, что если брат-рыцарь сохранит их неиспорченными, то заслужит право быть подле Эсмей в Чистилище, держать святой щит, гордо шагая в небесном строю. Только следуя этому религиозному порядку рыцарство расцветает и возрождается.

Но что сделал твой падший брат? — Великий Магистр повернулся и подошел к Гильдарту. — Он предал рыцарство! Предал орден, которому поклялся в вечной покорности. Предал Святую Церковь и Светлую Деву. Гореть ему в Преисподней. Навеки! — глава ордена взял рыцаря за плечи огромными ручищами и заглянул прямо в глаза. — За это весь ваш род подлежит вечной анафеме. Скажи-ка мне, в чем заключалась клятва твоего далекого предка, лорда Торстена?

— Младший сын каждого поколения де Кран обязывался вступить в орден и не щадить жизни для защиты угнетенных, — словно скороговорку отбарабанил Гильдарт, встретившись с Магистром взглядом.

— Все верно, — глава ордена улыбнулся. — Так твой дядя, святой сир Альбер Меднолобый, попал в орден. Да упокоит Эсмей его душу. Тридцать лет назад он прославил собственное имя в битве при Вале, отстояв независимость Эриндана. Именно Меднолобый сразил в бою императора Викторiana, когда сам уже истекал кровью от полученных ран. За это Церковь причислила его к лику святых, — он отпустил плечи Гильдарта и, вернувшись в кресло, продолжил спокойным тоном. — Только из-за его подвигов я закрыл глаза на порченную кровь твоего братца сира Нувеля. И более того — лично просил милости и разрешения Архиепископа. Наверняка тебе известно, что после страшного предательства Кадира бин Усама, все ашахиты в ордене подверглись очищению.

Больше двух сотен лет в рядах Рыцарей Меча не было ашахитов, но лорд де Кран, вопреки предостережений Святой Церкви, женился на ошиосской принцессе, и плод этого неугодного богине союза, вступил в орден по моему поручительству. Потому, сир Гильдарт, только кровь смоет этот позор. Ты убьешь Нувеля и принесешь мне его голову или твой род навеки останется отлученным от Церкви.

Рыцарь снова опустился на колени и склонил голову так, насколько это вообще возможно.

— Клянусь! — твердо произнес Гильдарт.

— Отправляйся в Анвил. В окрестностях ожидает отряд под командованием сира Тавина. Поступишь в его распоряжение и будешь покорным. Я отправил указания днем

ранее. А теперь оставь меня и не возвращайся, пока твой брат носит голову на плечах.

Дождавшись, когда посетитель закроет за собой дверь, Великий Магистр отклонился на спинку кресла и снова закрыл глаза.

— Ну? Что скажешь? — спросил он, запрокинув голову.

Из темноты возникла худощавая фигура. Юноша подошел к креслу главы ордена, держа в руке кубок с вином. На узком юном лице читалось смятение.

— Кажется, достойный рыцарь, Ваше Святейшество, — неуверенно ответил он.

Магистр сделал несколько больших глотков и сунул кубок обратно.

— Кажется ему. Понимал бы ты что-то в рыцарях, Айдексе. Ладно, — старый воин махнул рукой. — Давай-ка сыграем в шахматы. Неси доску.

Паренек отошел к высокому книжному шкафу. Его взгляд застыл на книгах, которые стояли не в соответствии с алфавитным порядком. Айдексе сглотнул подступающий к горлу ком и, протянув дрожащую руку к шахматам, стоящим на соседней полке, повернулся на пятках. Он сделал несколько шагов прочь, прижав к груди игральную доску, но не сдержался. Прыжком он оказался рядом с книгами и судорожно принялся их переставлять, с опаской озираясь на дремлющего покровителя.

Сир Гильдарт прибывал в дурном настроении, хотя его не особенно беспокоила перспектива умертвить сводного брата. Меньше всего ему хотелось тащиться в пустыню, исполняя фанатичную волю ордена, и расплачиваться за чужие грехи.

Лорд Уолес де Кран, являвшийся властителем плодородных земель Лоэринга и Порта-Грэртон, в сущности не был бессердечным человеком. Честолюбивый и милосердный, насколько это возможно для крупного феодала, всем сердцем обожал леди Катрин, которая стала его первой женой. Юная красавица скончалась при родах, но ребенка удалось спасти и выходить. Лорд тяжело переживал утрату, а потому не желал видеть малолетнего сына, напоминавшего о смерти матери.

Первый раз Гильдарт увидел отца в пять лет, когда тот женился на принцессе Зинат, смуглой девушке с надменным и расчетливым нравом. После этого наследник лорда де Кран гостил в замке отца по крупным праздникам и по случаю турниров. Рос и воспитывался Гильдарт под присмотром Дердена, молодого сквайра, являвшегося защитником леди Катрин, и заменившего ему отца. Именно Дерден научил наследника де Кран управляться с мечом и уверенно держаться в седле.

Нувель появился на свет, когда старшему брату исполнилось шесть зим. Он во всем отличался. Стройнее, красивее, с горячим и взрывным нравом. Лорд Уолес баловал младшего сына, позволяя ему любую шалость и прихоть. Младший получил прекрасное образование, покорило множество женских сердец и выиграл несколько турниров, неоднократно побеждая старшего брата. Обращаясь с мечом, Нувель словно кружился в танце. Медленный Гильдарт не мог за ним поспеть, удостаиваясь разочарованного отцовского взгляда.

Впрочем, Уолес слыл человеком чести, потому даже не помышлял о том, чтобы избавить любимого сына от участи стать рыцарем-монахом. Как его только леди Зинат не увещевала, какие бы слова не подбирала, лорд де Кран оказался неприступным. Тогда мать взяла дело в собственные руки.

Однажды, после турнира, закончившегося победой славного Нувеля, Гильдарт отправился в шатер к брату, чтобы выразить поздравления. Тогда он случайно подслушал разговор матери с сыном, которая эмоционально выразила мысль, что если вдруг старший

сын лорда умрет, то исполнить клятву окажется невозможно. Младший сын останется единственным наследником, ведь у Уолеса только два сына и дочь.

На следующий день, когда Гильдарт возвращался из Порты-Грэртон в замок Фонтенель, на него напали трое всадников. Рыцарь с трудом смог от них отбиться, лишившись мизинца на левой руке и получив тяжелые раны. Отец, возможно надеявшийся на смерть нежеланного сына, даже не прислал лекарей. Гильдарту выходил Дерден.

После этого наследник не виделся с лордом де Краном восемь лет, пока однажды отец сам не посетил замок Фонтенель. Тогда-то сообщил, что Гильдарту необходимо срочно отправиться в Эль-Эменталь и приклонить колена перед сиром Берингаром, главой ордена Рыцарей Меча. Впервые в жизни Уолес обнял старшего сына и наговорил кучу добрых и ласковых слов, но пробыв в замке не более часа, спешно уехал.

И вот от сира Гильдарту де Крана, всю жизни нелюбимого и нежеланного сына, зависела судьба рода, которую отец умолял защитить и очистить от тени, брошенной горячо обожаемым сиром Нувилем.

Ночной холод прошел так же внезапно, как и появлялся. Солнце снова нагревало песок, и температура неумолимо росла. Зеленый с тоской поглядел на солнечный диск. Он смог вытащить меч у сердобольного простофили, смог даже увести боевого верблюда из-под носа мамелюков, что прятались в засаде, но не позаботился о воде. Голодать ему приходилось часто, а вот отсутствие живительной влаги сводило с ума.

Щурясь от ярких испепеляющих лучей, паренек в уме прикидывал варианты дальнейшего развития событий. План, уйти вместе с Пустынными скорпионами, удачно налетевшими на караван, провалился. Бандиты бежали так стремительно, что Зеленый потерял след через полчаса. Вернуться в караван означало верную гибель, а путь в Муфтарак он не знал. Оставалось повернуть назад в славный Анвил, по дороге обязательно посетив оазис Глаз Ящера.

Парнишка позавидовал верблюду, который со скучающим видом перебирал ногами, нескончаемо чавкая жвачку. И жара ему нипочем, и жажда... вот уж действительно — корабль пустыни. Зеленый ласково потрепал животное за ухом, и верблюд тихонько простонал в ответ.

— Та-а-а-к... — произнес он в слух. — До Глаза вроде не больше дня пути. Да и на верблюде быстрее. А там уж разживусь бурдюком. Ну, а если нет, то до Анвила тоже день пути. Хех, — парень вдруг рассмеялся. — Получилось уйти из плена даже раньше, чем планировал. Утрись, Басим! — Зеленый погрозил кулаком в небо. — Хотя, такая свинья как ты, наверняка, гниет в царстве Асмодея. Пускай он как следует поджарит твою задницу.

— Смотри, как бы солнце не поджарило твою, — раздался окрик сзади.

Парень вздрогнул. По телу пробежала дрожь, вызванная внезапным приступом страха. Зеленый медленно повернулся, сидя в седле.

— Джубал?! Ты ли?

Всадник на верблюде оказался в нескольких метрах от беглеца. Паренек сразу узнал блеск зеленых глаз. Даже скрывающая лицо светло-коричневая куфия не смогла сбить с толку.

— А-ха-ха, — засмеялся всадник. — Думал, что ты припустишь от испугу, а нет... сразу узнал.

Зеленый остановил животное и развернувшись подъехал вплотную к старому другу. Джубал открыл лицо, и они радостно обнялись.

— Так ты все же вступил в скорпионы, — беглец осматривал собеседника, оценивая его презентабельный внешний вид и экипировку. — Эх, зря я тогда с тобой не пошел. Глядишь и не попал бы в рабы. А, — Зеленый осекся. — Ты отбился от банды? Нападение ваше совсем провальное вышло. Ну... еще бы. Я сам видел, как огонь во все стороны метался. Словно буря песчаная, только короткая и без песка... — паренек глупо улыбнулся. — С магами-то как сладить? Нет, брат. Если встретил колдуна, то считай тебе хана!

— Успокойся, я не с теми скорпионами, что на караван напали.

— Как это? Скорпионы разные бывают что ли? — беглец недоумевая уставился на друга. — Пока мы с тобой для них диверсии устраивали: ну там яд охране каравана подсыпать, верблюдов отвязать, так они все одинаковые казались.

— Скажем так... — Джубал понизил голос. — Не все верны атаману аш-Шамару. Но большего не скажу.

— Ладно, — Зеленый пожал плечами. — Есть вода? — получив от собеседника полный бурдюк, парень приложился к горлышку. Сделав несколько глотков, он с трудом отвел губы и протянул воду обратно.

— Бери себе. У меня хватит. Кстати, сам-то я за караваном следую.

— Да там поживиться особо нечем, — беглец пристраивал сосуд с водой в сумку, притороченную к седлу. — Разве что у Нахиора ларь с золотом и драгоценностями. Я ж так и попался. Скотина этот — Басим, бывший хозяин мамелюков, подловил меня. Спер я значит у него ларец. Укрылся в одной из хибар, чтобы вскрыть его, да как назло отмычку посеял, когда из шатра выбирался. Пока ножом ковырял, мамелюки меня и взяли. Притащили к Басиму, а тот ларь открывает и мне в рожу тычет, мол, смотри, сундучок-то пустой, а был доверху с побрякушками. Ржал так мерзко еще... короче, потребовали вернуть содержимое. Так я в невольники и попал.

— А-ха-ха, — скорпион одобрительно закивал головой. — Ловко он тебя.

— Ага. Что ж... сам виноват. В следующий раз надо сразу когти рвать. А ты это... чего за караваном-то следишь?

— Нашел я того гада, — Джубал опустил взгляд. — Пристроился в охрану, мразь. Ну ничего, скоро я вспорю ему брюхо и скормлю потроха стервятникам. Да и дело есть одно. Может ты со мной?

— Значит скоро твоя мать будет отомщена... — Зеленый задумчиво покачал головой. — Не, прости, но не могу я больше по пустыне шастать. Наведаюсь в Анвил, там сейчас мамелюков раз-два и обчелся, а потом в Эль-Эменталь отправлюсь.

Молодые люди горячо попрощались и разъехались в разные стороны. Беглец озирался, смотря в спину неожиданно возникшему другу. Зеленый всегда ему завидовал. Во времена, когда они беспризорничали в вольном городе, у Джубала всегда лучше выходили кражи. Он виртуозно скрывался от стражников и умел появиться из ниоткуда и так же пропасть. Незаменимое для вора качество. К Пустынным скорпионам стремились вместе, но вышло только у друга. Посреди пустыни вода в достатке у Джубала... да что говорить... Джубал знал в лицо убийцу матери, и более того — имел живых родственников.

У Зеленого даже воспоминаний о матери не осталось. Как же он сгорал от чувства зависти, когда друг рассказывал о том, какая красивая и ласковая у него мама. О том, как любила, баюкала, рассказывала сказки. Она жила в мыслях и сердце Джубала. А вот у Зеленого там сквозила пустота. На секунду ему сделалось больно от осознания бесконечного одиночества. Но, смахнув выкатившуюся слезу, он тут же заулыбался. Все же ловко вышло

обдурить дурака Ослябю, да умыкнуть красавца верблюда, который отныне будет зваться Удачник. Зеленый снова ласково потрепал животное за ухом и с легким сердцем направился в Анвил.

Глава XI. Анвил взят

— И как, он действительно похож на медведя? — Дерден хмурил густые брови, расспрашивая господина о встрече с Великим Магистром.

Они покачивались в седлах, встречая утреннее солнце в дороге.

— Да, — сухо ответил Гильдарт.

— Сир Берингар Свирепый Медведь, — с восхищением произнес престарелый сквайр. — Не хотел бы я скрестить с ним мечи.

— Для этого придется сначала перебить не меньше трех сотен рыцарей, что прибыли с ним в Эль-Эменталь. Даже если бы захотел, то вряд ли бы получилось, — де Кран потирал красные глаза. Спокойное путешествие нагоняло сон.

Дерден тоже не спал всю ночь, ожидая господина с аудиенции. Но, узнав о срочном отъезде из вольного города, даже порадовался. Не хотелось видеть Гильдарта в таком мрачном настроении. Да и чем быстрее удастся выполнить поручение ордена, тем раньше господин вернется домой.

Сквайр не имел ни жены, ни детей, только лишь дальних скверных родственников. Всю теплоту, которая у него имелась, Дерден подарил маленькому наследнику де Кран. Когда-то он любил мать Гильдарта. Любил всем сердцем. И чувство это отзывалось взаимностью у леди Катрин. Но что мог дать ей обедневший дворянин, ходивший в оруженосцах у одного из придворных рыцарей лорда Уолеса. Ни денег, ни имени, ни славы.

Юный Дерден обладал неплохими данными. Происходил из тех людей, чья внешность не казалась особенно красивой, но располагала к себе. Неплохо сражался и мог бы показать себя на турнирах, но не имел права на участие, ведь не являлся рыцарем. И как он пел... Его гармоничный голос, густой и струнный, как целый хор, заполнял собой все сознание слушателей. Проникал в душу и трепал ее, вызывая дрожь восхищения. Ох, из глаз юной красавицы Катрин ручьем бежали слезы, когда Дерден тихонько пел ей в саду, трепеща от того, что держит ее нежную маленькую ручку.

После смерти любимой, Дерден поклялся защищать ее дитя, даже ценой собственной жизни. С тех пор всегда старался быть рядом. Но тогда в нем что-то оборвалось. Глаза и лоб стремительно съедали морщины. Блеск во взгляде померк, а пение навсегда осталось там... в саду с прекрасной леди Катрин, которая бросилась на грудь юноши и прошептала: «Люблю!». Никогда он не говорил об этом с Гильдартом. Не смел омрачать светлую память о матери.

— Что-то ты совсем поседел, — рыцарь неожиданно вырвал Дердена из задумчивости. — И осунулся вроде.

— Да что там, — сквайр махнул рукой. — Меч все еще держать могу. Хоть три сотни рыцарей не одолею, но десяток-то наверняка заколю. И десятка два оруженосцев в придачу, — он улыбнулся.

— Рад, что ты отправился со мной, — наследник улыбнулся в ответ. — Одному бы туго пришлось. Сам же знаешь, боец из меня посредственный.

— Ну, других оруженосцев у тебя все равно нет, — Дерден пожал плечами и направил коня вправо, чтобы тот обошел верблюжий труп, над которым трудились стервятники. — А что до боев, то ты можешь лучше. Хватит уже жить в тени младшего брата. Ты отличный боец, Гильдарт, но всеми силами пытаешься это отрицать. Мало кто способен одолеть трех

закованных в латы ландскнехтов, имея при себе только короткий меч.

— Да повезло просто. Должно же хоть в чем-то везти...

— Женится тебе пора, — неожиданно сменил тему сквайр. — Уже тридцать три зимы за плечами, а все бобылем. Как же наследники и продолжение рода?

— Что-то не хочется мне сыновей к Рыцарям Меча отправлять. Да и наследники чего? Ни сегодня-завтра отцовский удел по частям растащат. Долго ли объявить отлученного от Святой Церкви еретиком, да организовать крестовый поход? Половина Совета Лордов спит и видит, как бы заграбастать Порт-Грэртон, где золото от торговых пошлин течет рекой.

— Без одобрения ордена и Церкви ничего такого не выйдет. А, как минимум, Его Святейшество сир Берингар на нашей стороне.

— Хм... ну да... на нашей... — Гильдарт тяжело вздохнул и поправил висевший на поясе меч. — Лучше дай мне карту. Сверюсь, где там этот Анвил. И думаю на следующем привале надеть доспехи. Местность-то дикая, болтают о бандитах, да и вроде бы нежить какая-то бродит. Видел нежить-то?

— Ни в жизни.

— И я не видел... — рыцарь скривил губы. — А она есть.

Дорога до Анвила заняла шесть дней. Путники вели с собой сменных коней, и еще две кобылы для перевозки грузов. На ночлеге разбивали палатку и спали по очереди, охраняя лошадей и друг друга. Гильдарт, как и планировал, экипировал тяжелый рыцарский доспех, покрыв его желтым сюрко. Желтый являлся фамильным цветом, а герб дома де Кран, украшал грудь и щит наследника. Дерден носил цвета и мол рода воспитанника, а также стальной доспех, который Гильдарт заботливо купил наставнику при достижении совершеннолетия. Лорд Уолес тогда не одобрил подобные траты, и старшему сыну пришлось выслушать прилюдные нравоучения.

— Смотри! — вдруг воскликнул Дерден качнув острием копья в сторону от дороги. — Кажется лагерь.

— Вроде... — Гильдарт всматривался в горизонт, приложив кисть ко лбу. — Штандарт белый. Герба не видно, но кто еще в этих землях носит белые флаги.

— Значит туда, — согласился сквайр и потянул поводья.

Сир Тавин высокий и светловолосый мужчина, вступил в орден еще ребенком. Он проделал тяжелый и долгий путь к успеху. По происхождению являлся сыном горняка, но усердием и безупречной службой заслужил посвящения в рыцари. А ныне, по личному поручению Великого Магистра, командовал разведывательным отрядом.

Члены ордена, отрекавшиеся от родственников, не носили фамильных гербов, но все же походный шатер командира всегда отличался. Будучи более просторным, он обычно располагался в центре лагеря и постоянно охранялся верными оруженосцами. Рыцарей в лагере оказалось тридцать человек и еще около семидесяти сквайров, занимавшихся хозяйственным обслуживанием сиров. Хотя члены ордена и отрекались от мирской жизни и титулов, знатность их семьи напрямую влияла на количество оруженосцев. У одного рыцаря он мог быть один, а у другого пять и более, так как принимавший обеты, часто делал это вместе с несколькими особенно верными слугами. Впрочем, продвижение по орденской иерархии также позволяло увеличить количество приданных сквайров.

Когда Гильдарт и Дерден подъехали к стоянке отряда, воины готовились в поход. Оруженосцы снаряжали лошадей и сиров. Сир Тавин, облаченный в стальной доспех с орденским сюрко поверх, разъезжал на рослом гнедом жеребце. Он кривил небритое лицо

осматривая собственное воинство. За ним неотступно следовали три молоденьких сквайра. Один заботливо удерживал щит, второй копьё, а третий оберегал шлем, навершие которого украшали длинные позолоченные перья.

Рыцари с трудом облачались в нагрудники. Многие жаловались на головную боль, кого-то даже стошнило. На красных и опухших лицах читались страдания, но воины, под тяжелым взглядом командира, продолжали готовиться к походу.

— Сир Тавин? — Гильдарт немного склонил голову в знак покорности и уважения, подъехав к военачальнику. — Мое имя сир Гильдарт де Кран. Прибыл под ваше командование.

— Вы как раз вовремя, сир, — Тавин глянул на прибывшего с полным безразличием. — Настало время очистить один из рассадников зла. Выступаем через полчаса, — бросил он и отъехал, выкрикивая команды оруженосцам, чтобы те собирали шатры.

— Рассадник зла? — Дерден поднял брови.

— Готовься к бою. Что-то на рыцарей-монахов ныне рассчитывать опасно, — де Кран надел шлем и принял копьё от престарелого оруженосца. — Очистить рассадник зла, значит. Сделаем!

— Позвольте, сир, — сзади послышался незнакомый голос. — Вижу, что вы из благородного дома. Щит и две скрещенных булавы. Если не ошибаюсь, дом де Кран?

— Не ошибаетесь, — Гильдарт повернулся.

Перед ним, на низкорослой рыжей пустынной кобыле, предстал человек в сером дорожном костюме. Его черные вьющиеся волосы, откиннутые назад, демонстрировали свежее побритое грозное лицо. Но, такие же черные глаза, низко посаженные в глазницах, смотрели на рыцаря вполне добродушно и ласково.

— Мое имя Энтони Барк, — мужчина, на вытянутой руке, продемонстрировал документ с красной печатью. — Дознаватель гильдии Хранителей.

— Ну, рад за вас. Не многим удается дорасти до такой должности, — съязвил Гильдарт. — Какими судьбами вы в таком забытом богами месте?

— Это вы зря, — улыбнулся Барк. — Богов тут хватает, просто они не покровительствуют ордену. Но, вернемся к делам. Я расследую один инцидент, случившийся в Анвиле. Думал, может вы не откажите обеспечить мне безопасность?

— Что еще за инцидент?

— Это я и пытаюсь выяснить. Проще говоря, из анвильского отделения перестали приходить вести.

— В Анвиле есть ваше отделение? — де Кран нахмурился. — Что у вас за интерес в таком захолустье? Тут же нет ничего, а содержание филиала требует финансовых трат. Не говоря уже о караванах, которые необходимы для доставки припасов, средств и почты. Вряд ли Хранители доверяют собственные донесения третьим лицам.

— А вы хорошо осведомлены об экономических вопросах, сир. Хотя, о чем это я. Вы же будущий лорд, — собеседник наигранно поклонился, приложив правую руку к сердцу. — Правда, если вашу семью вернут в лоно Святой Церкви. А то и гляди — все фамильное достояние растащат по кускам. Печальный сценарий, не находите?

— Что за дерзость, сир?! — сквайр встрепенулся в седле. — Как ты смеешь говорить в таком тоне с наследником дома де Кран?

— Тише, Дерден, — Гильдарт поднял руку. — Вы на что-то намекаете, дознаватель Барк?

— Отнюдь. Я говорю прямо, сир, — Энтони широко улыбался, нагло глядя в глаза собеседнику. — Хранители имеют влияние не только в Империи, но и в Эриндане. В частности — среди окружения Архиепископа есть немало сочувствующих нам людей, способных замолвить слово за вас и вашего дорого отца. Потому я предлагаю честную сделку. Вы обеспечите мою безопасность, а я, в свою очередь, обещаю дать о вас самую блестящую характеристику. Ну и, конечно, поспособствовать чтобы она достигла глаз или ушей Архиепископа.

— Увы, я не смогу неотступно следовать за вами. Если гильдия так хорошо осведомлена о делах моей семьи, то вам, наверняка, известно зачем я тут. В приказах Великого Магистра и слова не проскользнуло о помощи Хранителям. А его слово, на данный момент, куда весомее вашего.

— Хорошо. Выполняйте пока что указания сира Тавина. Уверен, что скоро он отпустит собственное войско в, — дознаватель развел руками, — так скажем, свободный полет. Тогда вы поможете мне провести расследование. Договорились? — Барк протянул руку.

— Да, — сухо ответил наследник де Кран, ответив рукопожатием.

Дознаватель гильдии Хранителей решил держаться подальше от атакующих. Он смешался с оруженосцами, которых отрядили для защиты вьючных лошадей.

— Походный строй. Живо! — орал сир Тавин гарцуя на гнедом. — Выдвигаемся через пять минут.

Дерден с интересом наблюдал за приготовлениями. Они с Гильдартом держались чуть в стороне, ожидая приказов.

— Что-то ты через чур мрачен, — начал оруженосец. — Если проблема в этом Барке, то нужно отказаться.

— Нельзя отказываться, — с горечью в голосе ответил рыцарь. — Надеяться только на сира Берингара опасно.

— Почему? — Дерден недоумева устался на собеседника, скрывшего лицо за забралом. — Разве можно ставить под сомнение слова Великого Магистра?!

— Берингар уже один раз поручился за моего брата перед Архиепископом. Даже если он захочет сдержать слово и вернуть семью в лоно Церкви, не факт, что к его словам прислушаются, — Гильдарт тяжело вздохнул. — Придется помогать каждому проходимцу, который обещает содействие в этом вопросе. Как же низко я пал. И ведь снова проблема в Нувеле. Никогда не хотел отрубить ему голову, но теперь это желание сжигает меня изнутри.

— Светлая Дева положила начало Рыцарей Меча, и в ней, и в ее чести, пребудет конец наших жизней и нашего ордена, когда Эсмей будет угодно, чтобы такой конец настал, — сир Тавин затянул напутствие перед походным строем. — Потому не убоитесь, братья, смерти! Принимайте ее как благо, дарованное желанием богини. Погибнув, рыцарь-монах окажется в Чистилище, где Светлая Дева озарит его священным светом, — он выхватил меч и поднял его к небу. — За мной, славные сирсы! Прославим наши имена!

Гильдарт приказал Дердену держаться подальше от боя. Следовало оберегать сменных и вьючных лошадей со скарбом. Рыцари почему-то не провели разведку, а если и провели, то не посчитали нужным поставить в курс дела новоприбывшего. В любом случае, наследник де Кран видел, что орденцы готовились к серьезному сражению, а потому не следовало лишней раз рисковать имуществом.

Рыцари выстроились в две колонны. Одну из них вел лично сир Тавин, а другую неизвестный Гильдарту рыцарь. Сквайры, выполнявшие роль легкой вспомогательной

конницы, держались в конце колонн. На вооружении у них имелись кольчуги, также покрытые белым сюрко, шлемы без забрала, короткие копья и длинные мечи. Некоторые имели арбалет или лук. Наследник де Кран решил пристроиться в хвост колонны сира Тавина. Оруженосцы почтительно расступились, чтобы рыцарь занял место в строю.

Лошадей пустили рысью. Всадники окружили городок, отрезав пути к отступлению и пустились меж домов. На улицах оказалось пусто. Даже стражники отсутствовали. Орденцы разочарованно кучковались на площади.

— Похоже, что черные стражи сумели сбежать! — к сиру Тавину подъехал один из воинов. — На горизонте облако пыли. Возможно с ними кто-то из жителей.

— Скорее всего те, кто имел верховых животных, — ответил командир. — Отправьте в погоню десятка два сквайров. И сира Патрика за главного. Только пусть поскорее снимет панцирь, а то загонит дестриэ.

— Слушаюсь! — ответил воин и ускакал выполнять приказание.

— Полагаю, что рассадник зла очищен, сир Тавин? — Гильдарт осклабился, подъехав к командиру с поднятым забралом.

— Так может подумать только непосвященный. На закате мои рыцари покажут вам, что значит истинное очищение. А сейчас можете заниматься чем хотите. Для вас пока что нет указаний.

Де Кран решил для начала найти Дердена, не желая тотчас отправляться на помощь дознавателю Барку. Но представитель гильдии Хранителей уже спешил к рыцарю вместе со сквайром.

— Ты знал, что у Хранителей служит эльфийка? — Дерден, выглядевший довольным и веселым, обратился к воспитаннику. — Тони говорит, что эта бабеха остроухая до капитана стражи дослужилась.

— Тони? — наследник поднял брови. — Быстро же вы подружились.

— А-ха-ха. Верно, — оруженосец легонько хлопнул Барка по плечу. — Дознаватель оказался славным малым. Заодно помог мне с лошадьми управиться. А, кстати, той девахе уже вроде больше ста лет, а она все еще молоденькая. Как яблочко наливное.

— Ее зовут Тинтур, — подержал разговор Энтони. — Интересная особа, знаете ли. Золотые волосы, изящная фигура, округлые формы, яркие голубые глаза, острые черты лица. А из лука бьет! Ой, знали бы как. Эх, сколько мужских сердец разбились о ее неприступные стены...

— Вы, дознаватель, тоже пали жертвой эльфийского безразличия?

— Я? Что вы, — он замотал руками. — Нет. Я женат и верен супруге. Но, продолжая мой рассказ о красавице Тинтур, кое-кто все же смог растопить ее ледяное сердечко. Некий Эфит, ветеран стражи вольного города Эль-Эменталь. Его направили в анвильское отделение и, по странному стечению обстоятельств, оно сгорело на следующий день после его прибытия, представляете?

— Ух ты! Чудовищная новость, — Гильдарт безразлично смотрел по сторонам. — Тогда давайте поскорее закончим с этим.

— Следуйте за мной, — Барк направил лошадь мимо трактира «Наследие Тамора», из которого двое оруженосцев волокли под руки трактирщика.

Мужчина вопил и пытался сопротивляться, но руководивший мероприятием рыцарь, ударил пленника в челюсть стальной перчаткой. Трактирщик умолк. Сквайры позволили ему сплунуть выбитый зуб со сгустком крови и поволокли обмякшее тело дальше.

Из трактира вытаскивали местных забулдыг, которых пороли розгами у порога, читая проповедь о необходимости отказа от пьянства. Двое рыцарей, сидевших на топчане, посмеивались, попивая вино из походной фляги, передаваемой друг другу после глотка.

Троица пересекла поле, где ранее располагались шатры. Один из них все еще стоял на прежнем месте. Несколько сквайров выбрасывали из него одежду и бытовой скарб.

Анвил вопил и стонал. Мимо коня Гильдарта пробежала девушка с непокрытой головой в коричневом абайя. Разрезанный подол платья волочился за ней, скользя по вытоптанной земле. Трое мужчин невольно бросили взгляд на смуглое бедро, мелькавшее между двумя лоскутами ткани. За ней с хохотом в припрыжку скакал сир Корвен, заместитель сира Тавина. Рыцарь корчил рожи и придерживал спадавшие портки, оголившие верхнюю часть ягодиц.

— Так вот, что значит очистить рассадник зла, — Гильдарт скорчил лицо и усмехнулся. — А я дурак, собрался биться с демонопоклонниками и культистами темных богов.

— Этого добра хватает в Сулифе, сир. Надеюсь, что вам не придется туда отправиться. Бр-р-р, — Барк остановил лошадь и ловко спрыгнул на землю. — А что до рыцарей... дайте же им поразвлечься. Все ведь люди! К тому же, местную чернь не стоит жалеть. Тут процветает работорговля, контрабанда и беззаконие, а каждая девка наверняка раздвинет ноги за пару серебряников. Для таких чернух познать рыцаря священного ордена — счастье, — дознаватель ухмылялся. — Займемся делом, — он указал рукой на развалины бывшего отделения гильдии Хранителей.

— Да-а-а, — де Кран окинул взглядом сгоревшую постройку. — Мое дело обеспечить охрану, остальное за вами.

— Само собой, — Барк достал из седельной сумки просторный халат и обернулся в него. После медленно натянул на руки кожаные перчатки и отправился на пепелище.

Ожидая дознавателя, Дерден и Гильдарт спешили. После замены стальных нагрудников на кольчужные рубахи, мужчины выпили воды и подкрепились черствым белым хлебом, который сквайр заботливо вез из Порта-Грэртон.

— Вот чего не хватает, так это свежего, горячего хлеба... — Дерден мечтательно уставился в небо. — Помнишь, какие старая Нени печет булки? А какой запах по всему замку...

— Не хватает сейчас головы Нувеля, — сквозь зубы ответил рыцарь. — Теперь я понял, чего боялся Барк.

— Чего же?

— Мщения. Не местные стражи или бандиты для него угроза. А местный люд. После того, что тут устроили Рыцари Меча...

— Вроде на закате очищение планируется, — наставник пожал плечами.

— Не хочу даже думать об этом. Вот что, — Гильдарт вскочил в седло. — Оставайся и защищай дознавателя, но если поймешь, что это может стоить тебе здоровья или жизни, то смело брось его и скачи к шатру Тавина. Его возводят у западной дороги.

— А ты? — на лице Дердена проскользнула тень волнения и озабоченности, такая, которую обычно родитель испытывает к чаду.

— Туда же. Поговорю с командиром о братце. Они должны что-то знать. Болтания за орденом по пустыне и по поручениям сомнительного Барка, слабо приближают нас к цели. Нувель может скрываться где угодно. Нужно скорее выяснить хоть что-то, — ударив

каблуками полусапог в бока жеребца, рыцарь умчался прочь.

Сир Тавин отдыхал рядом с шатром, сидя на трофейном кресле, обитом красной тканью, но так и не снял доспех. Его походное жилище с трех сторон покрывали полотна с символом ордена. А над входом висел белый треугольный щит. Командир отряда закинул ноги на табурет и, казалось, дремал. Гильдарт вспомнил встречу с Великим Магистром, только у Тавина за спиной неподвижно стояли три оруженосца со щитом, копьем и шлемом, покорно ожидая повелений господина.

— Неужто в ордене существует обязанность спать в креслах? — де Кран держал коня под уздцы, спешившись заранее.

— Что? — командир рыцарей недовольно открыл один глаз. — Каждый человек, будь то рыцарь, сквайр, солдат или слуга, должен иметь одежду и льняное постельное белье. Также, кроме матраса каждому должны выдаваться подушка и одеяло. И этого достаточно для каждого, — в глазах сира Тавина горел огонь фанатичной преданности ордену. Он говорил монотонно, так, словно повторял зазубренные до одурения фразы. — Все братья, а также сквайры, солдаты и слуги обязаны спать одетыми в серую или белую рубашку, штаны, обувь и пояс, — рыцарь поднял перед собой ладонь, обращенную к собеседнику. — Так велит двадцать первый пункт Устава ордена Рыцарей Меча.

— Э-э-э... ясно... — Гильдарт в недоумении поднял брови. — Всегда с благоговением слушаю требования Устава ордена, сир Тавин, — де Кран склонил голову.

— Подойдите, сир, — командир махнул ладонью поднятой руки. — Возьмите это, — он протянул небольшую книжицу в кожаном переплете. — Вам следует хорошо изучить священный кодекс ордена. Таково желание Великого Магистра.

— Не понимаю, сир. Зачем?

— Нам не дано понимать мотивы Его Святейшества. Его помыслы чисты и возносятся к Светлой Деве. Ставить их под сомнение — святотатство! Запомните это. Хорошенько запомните.

— Благодарю... — Гильдарт сжал зубы в приступе гнева. Он, наследник богатейшего дома де Кран, будущий лорд, должен выслушивать нотации и угрозы от безродного фанатика, нацепившего на себя белые одежды.

— Так зачем вы тут?

— Надеюсь, что вы расскажите что-то о предателе, которого я разыскиваю по поручению Великого Магистра, чтобы незамедлительно придать того праведному суду и очищению, через отделение головы от брэнного тела.

— Суду?! — сир Тавин вскочил с места. Оруженосцы мгновенно выхватили мечи, ожидая действий или команд от господина. — Вы лишь орудие, сир! Суд творит только Светлая Дева, Святая Церковь и Великий Магистр. Запомните это. Хорошенько запомните.

Будущий лорд и рыцарь-монах стояли друг напротив друга, сцепившись взглядами, словно крюками. Только приказы Великого Магистра и знатность наследника де Кран удерживали сира Тавина в руках. Стоял бы перед ним кто-то менее благородный и важный, то неминуемо получил бы с десяток ударов плетью. Он очень остро воспринимал любую неосторожную фразу о религии и ордене, а также незыблемо верил в необходимость воспитания заблудших, к которым относил всех не состоящих в Рыцарях Меча и Церкви.

— Как скажите, сир, — выдавил сквозь зубы Гильдарт, но головы в знак покорности не опустил.

— Смирение и безропотность! — прикрикнул командир рыцарей. — Этому вам еще

предстоит научиться, сир. И я вам в этом помогу. Сегодня вы обязаны присутствовать на суде грешников. Там узнаете о предателе. Но прежде чем уйти, подумайте вот над чем... — Тавин опустился в кресло. — Сир Нувель служил под моим началом. Сражался он прекрасно, но не хотел покориться. Пытался перечить, говорил тогда, когда следовало молчать. Он не опускал головы. К чему это его привело? — командир махнул кистью, прогоняя собеседника.

Гильдарт отошел на десяток шагов и поднялся в седло. Мимо него пронесся всадник, притянув за собой облако пыли. Воин выпрыгнул из седла прямо у ног командира и упал на колени. Де Кран не смог расслышать его доклад, но усмехнулся, поняв, что дело для рыцарей сложилось не так уж радужно. Сир Тавин вскочил с места как ошпаренный. Наотмашь, он саданул докладчика тыльной стороной ладони по щеке и потребовал коня.

Через полчаса Дерден пригласил воспитанника к трактиру, где дознаватель ужинал, полулежа на топчане. Он раздобыл где-то нежные розовые персики и наслаждался сладким вкусом, закатывая глаза. Сок фрукта стекал по подбородку и руке. Рядышком на блюде дымилась свежая варенная курица с нарезанными на четвертинки лепешками. В воздухе витал тягучий запах сытной еды, который мгновенно сворачивал животы тем, кто давненько не трапезничал.

— А, вот и вы! — Барк зашвырнул скользкую кость персика подальше к оазису. — Мой скромный стол. Не хватает только вина... — он с сожалением показал на кувшин с водой.

— Вино есть у нас, — Дерден радостно спрыгнул с коня и подошел к одной из навьюченных кобыл. — Вот, — он достал из седельной сумки глиняный закупоренный сосуд, — фонтенельское!

Гильдарт привязал коня и сел рядом с Барком.

— Урожай 1120 года, — продолжал наставник, разливая вино в серебряные походные кубки. — Почти восемь лет выдержки. Терпкое, но вместе с тем прекрасно чувствуются ореховые нотки.

— А вы ценитель, — дознаватель поднял кубок перед собой. — Давайте выпьем за славного Дердена, поистине заслужившего право стать рыцарем. — Барк сделал несколько больших глотков.

— Кстати, о рыцарях, — Гильдарт немного пригубил. — Не осудят ли наш скромный стол? Они ж ведь выступают за бедность, а у нас тут праздностью за милую несет.

— Не, — Тони отломал жирную куриную ногу от тушки. — Отступавшие мамелюки положили практически весь преследовавший их отряд. Устроили засаду за барханами. Даже сир Патрик ныне покоится в песках. Вроде уцелело несколько оруженосцев, да и то благодаря паническому бегству. Так что им не до нас.

— Так вот в чем дело...

— Кстати, о деле, — Барк улыбнулся. — Собирайтесь, нужно посетить поместье аль-Гази. Это домишко местного шейха. Ну, вернее бывшего шейха. Пропал вместе с женой, а на фамильном имении несколько десятков лет лежит проклятье.

— О снятии проклятий мы с вами не договаривались, — Гильдарт легонько взял персик, но на его тонкой коже тут же возникли вмятины.

— Вы обязались обеспечить мою охрану. Большого не прошу. К тому же, проклятие снято некими пришлыми героями. С трудом удалось отыскать местных, до которых еще не добрались наши воцерковленные союзники. Но я все же смог. Кстати, нагнанный на них страх положительно сказывается на допросах. — Тони поймал на себе тяжелый взгляд

рыцаря. — Ну да. К делу. Удалось выяснить, что Эфит вроде бы связан с этими героями. Одного из них зовут Ослябей, имена других пока не раскрыты, но известно, что среди оных присутствует волшебник и орк.

— И?

— Я осмотрел обуглившиеся трупы в развалинах. На лицо следы насильственной смерти. Повреждения черепа. И это определенно не из-за пожара. Я отлично разбираюсь в порезах и ранах.

Де Кран тяжело вздохнул и отхлебнул вина.

— Ну допустим. А в поместье вы надеетесь повстречать этих бедолаг? Которых мне, видимо, придется умертвить.

— Умертвлять указанных лиц стоит только в случае неповиновения или сопротивления. Но вряд ли нам удастся их встретить в поместье. Свидетели утверждают, что подозреваемые ушли с караваном некоего Нахиора.

Гильдарт поперхнулся. Дерден тут же оказался рядышком и принялся колотить по спине воспитанника ладонью.

— Но проверить все же стоит. Это близко, обернемся как раз к закату, — закончил Барк и вгрызся в курицу ровными зубами.

— Выдвигаемся немедленно! — рыцарь вскочил. — Дерден. Готовь нагрудник и проверь заточку меча.

— Я надеялся сначала окончить трапезу... — дознаватель изумленно смотрел, как рыцарь и его оруженосец спешно облачаются в доспехи, помогая друг другу. — Но мне определенно нравится ваш настрой, — Барк ухмыльнулся и отправил в рот еще один сочный персик.

И снова у старого поместья оказались очередные приключенцы. Рыцарь и сквайр ехали впереди, осматривая засыпанные песком каменные дорожки. Вокруг жилища покойного шейха некогда цвели великолепные сады, но ныне песок поглотил всю зелень. Только выглядывавшие из барханов останки системы орошения намекали на увядшую красоту.

Барк отклонился с тропы, осматривая местность вокруг. Гильдарт оглядел остатки деревянного поместья. Входные двери оказались выломаны. Второй этаж отсутствовал. Только обгоревший остов указывал на его наличие. На двух цепях, прибитых к перекладине, безмятежно скучала выгоревшая на солнце вывеска. Дерден попытался разглядеть надпись, но только пожал плечами на вопросительный взгляд господина.

Они остановились за двести метров до входа и слезли с лошадей. Вокруг стояла гнетущая тишина, особенно нагонявшая тоску при виде мертвой земли с разрушенным домом, где когда-то воздух благоухал ароматом цветущих растений, а прохладная вода обеспечивала жизнь людям.

— Что-то вас преследуют пожарища, — Гильдарт подмигнул Барку и качнул головой в сторону поместья.

— Тут есть еще кто-то, — вполголоса ответил дознаватель. Он улыбнулся и рассмеялся, будто сказал какую-то шутку.

Дерден подвел лошадей со стороны дома, закрыв тем самым обзор.

— Что вы нашли? — рыцарь аккуратно выглянул из-за седла дестриэ.

— Свежие следы. Видимо там всадник. Подозреваю, что скакун скрыт за поместьем. И там имеется один или несколько дополнительных выходов.

— Наверняка нас уже заметили, — Гильдарт медленно вынул из ножен меч. — Нет

времени на раздумье. Нужно отрезать пути костюплению. Дерден, — господин положил руку на плечо сквайра. — Давай на коня и вместе с Тони скачите вокруг. Остановите все, что попробует сбежать и главное — захватите лошадь. Вперед! — рыцарь вскочил на дестриэ и галопом доскакал до входа.

Оруженосец бросился исполнять приказание и скрылся за углом. Барк не особо горел желанием кого-то там перехватывать, предпочитая поручать грязную работу остальным. Но, все произошло настолько стремительно, а тон рыцаря оказался твердым и нетерпящим препирательств, что дознаватель достал притороченный к седлу арбалет и несся на перехват.

Стальной доспех сковывал движения, но Гильдарт сумел быстро спешиться. Подняв перед собой щит, он вошел внутрь. Свет, попадавший через щели в потолке, разбитые окна и выбитые двери, неплохо освещал бывшую парадную залу. В комнате слева послышался едва различимый скрип. Рыцарь смело шагнул на звук.

Заметив незнакомца, занесшего для удара меч, Гильдарт молниеносно атаковал щитом. Нападавший оказался на голову ниже де Крана, а потому удар пришелся в лицо. Послышался хруст и из носа тут же брызнула алая кровь. Меч выпал из рук, а незнакомец отшатнулся назад и, запнувшись о наваленные книги, приземлился на зад, едва успев подставить руку.

Наследник намеривался нанести удар оружием, но заметил, что противник выглядит скорее, как бродяга, чем какой-нибудь обученный боец. Выгоревшие лохмотья, бывшие когда-то халатом, а на ногах вместо обуви, обмотки из грязных тряпок. Да и хлынувшая носом кровь вовсе дезориентировала беднягу.

— Откуда ты взял этот меч, смерд? — Гильдарт носком стального сапога отодвинул оружие подальше от поверженного.

— Ф-х-х-х... ф-х-х-х... — сидящий только фыркал и сплевывал кровь между ладоней, которые закрывали лицо.

Дерден вбежал в комнату, держа в руках щит и булаву. Заметив, что опасности нет, он остановился рядом с господином.

— Что за уродливый доходяга? — сквайр с отвращением скривил лицо.

— А громила, что засандалил мне в рыло, будто красивее, — Зеленый усмехнулся, обнажив беззубый рот, заполнявшийся кровью из носа.

— Да как ты смеешь, червяк! — оруженосец пнул сидячего носком стального сапога в бок.

Вор сжался и вскрикнул от тяжелого удара.

— Перед тобой сир Гильдарт де Кран, законный наследник Лоэринга и Порта-Грэртон, — Дерден притопнул ногой, угрожая следующим ударом.

— Все равно... не знаю... чего это за порты... и лиринги, — выдавил из себя Зеленый, пытаясь хватать ртом воздух. — Не вы... так белые фанатики... чего тяните?!

— И правда, нечего, — оруженосец замахнулся булавой.

— Не торопись, Дерден, — воспитанник упер ладонь в грудь наставника. — Пускай расскажет, откуда взял меч. Выглядит он как бродяга, а оружие похоже таморское, хоть и простое.

Сквайр нашел валявшийся клинок, повертел перед собой и утвердительно закивал.

— Хм, ну вроде имперское. Говори, смерд, где стащил? А то еще раз сапогом получишь!

— У дурака Осляби спер, пока рабом в караване Нахиора тащился, — безразлично ответил парень. — Еще и верблюда у мамелюков увел. Где мой верблюд? — глаза Зеленого вдруг загорелись тревогой. — Что вы с Удачником сделали?

— Не тронули пока твою живность, — Дерден сплюнул на пол. — От этой твари кони шарахаются.

— Он пойдет с нами! — Гильдарт решительно глянул на оруженосца. — Свяжи ему руки и усади на верблюда. Да смотри, чтобы не сбежал.

— Зачем нам этот заморыш? Давай пробью ему черепушку и дело с концом?!

— Как минимум про Ослябю там что-то Барк говорил, а остальное тебя не касается, Дерден, — рыцарь повернулся на каблуках и вышел из комнаты, чтобы продолжить осмотр поместья.

Наставник в смятении смотрел ему в след. Еще никогда воспитанник не говорил с ним грубо. Это неприятное чувство переросло в ненависть к внезапному наглому бродяге, а потому оруженосец прикладывал излишние усилия по пленению Зеленого. Старался сделать ему как можно больнее, да затянул путы так, что руки почти сразу же побелели. Паренек не издал ни единого звука, обреченно смотря в пол.

Лошади фыркали и отказывались подходить к верблуду, на которого посадили пленника. Дерден сыпал проклятия и дергал вожжи. Зеленый повеселел, глядя как мучается конвоир.

— Они боятся этого зверя? — Барк устало поставил ногу в стремя. Он облазил каждую комнату, осмотрел каждый труп, но ничего существенного, что могло бы как-то помочь делу, не отыскал.

— Нет, скорее брезгают, — ответил оруженосец, разматывая веревку, которую достал из седельных сумок вьючек. — От этой образины несет за милю. Ну, не удивительно, если мочиться себе же на ноги. Скотина под стать хозяину.

Он привязал Зеленого к седлу, а верблюда за поводья к кобыле дознавателя. Тони сначала запротестовал, но сквайр отпустил веревку подальше, позволяя Барку увеличить дистанцию. Сам же, вместе с вьючными и сменными конями, двинулся в арьергарде, наблюдая за бродягой и поглядывая на рыцаря, который вел караван в Анвил. Дерден не забыл и о мече, спрятав его в пожитках.

Так они и добрались до городишки. Солнце клонилось к закату. На площадь орденцы согнали всех жителей города. С помощью местных соорудили помост, на котором не так давно проводил суд Нахиор.

Сир Тавин восседал в красном кресле наверху, с отвращением оглядывая толпу. Рыцари оцепили помост кольцом, держа мечи и щиты наготове. Оруженосцы же охраняли сооруженный рядышком костер, на который стащили все деревянное, что нашли. Это не особенно печалило анвильцев, ведь по указанию сира Тавина, в случае недостаточного количества топлива, использовались бы пальмы, защищавшие от солнечного зноя.

Гильдарт въехал на площадь и остановил товарищей. Они продолжали сидеть на лошадях, наблюдая за происходящим. Заметив его, командир рыцарей медленно поднялся. Люди молчали. Только едва слышимые женские всхлипывания нарушали тишину.

— Бойтесь?! — резкий голос сира Тавина словно стрела вонзился слух собравшихся. — Я чувствую, как трепещут ваши сердца, изъеденные грехом, словно могильными червями. Суровая кара постигнет каждого нечестивца. Но Светлая Дева милостива. Она готова принять того, кто кается во грехе. И сейчас я покажу, что ждет тех нечестивцев, которые следуют по пути тьмы, отвергая и оскорбляя требования и заветы Святой Церкви, а через это и любовь Эсмей! — он поднял руку и четверо оруженосцев вытащили к помосту трактирщика и старуху Ададь.

Женщину сразу привязали к столбу среди будущего костра. Для трактирщика на помост установили плаху. Мужчина не мог самостоятельно перебирать ногами. Его внесли под руки, и бросили на доски. Он ошалело крутил опухшей от побоев головой, пытаясь что-то сказать, но вместо слов с губ срывались кровавые пузыри.

— Эта падшая старуха обвиняется в связях с демонами и темными силами. Занятиях запрещенной магией. А также в совокуплении с дикими нелюдями, — продолжал командир. — Что ты скажешь в свою защиту, ведьма?

Адаль улыбалась. Она что-то прошептала и оруженосцы, охранявшие костер, отшатнулись. Старушка молодела на глазах. Грудь, словно налилась соком. Изорванное платье больше не могло ее сдерживать, и среди сквайров начались перешёптывания. Морщины на лице разгладились, а черный цвет поедал седину в волосах.

— Больше доказывать нечего! Сжечь ве-е-е-едьму!!! — заорал Тавин.

Оруженосцы опомнились. Один прошелся с факелом вокруг женщины и пламя медленно распространялось по обломкам мебели, дверей и прочей утвари.

Сооружавшие место казни для Адали пожалели масло, которого в Анвиле и так оказалось в недостатке. Огонь медленно разгорался, чем сулил страшные и долгие муки. Помолодевшая старуха смеялась, когда пламя облизывало ей ступни, но огонь не спешил.

Плоть лопалась от невыносимого жара. По лицу женщины побежали слезы. Силы покидали Адалю, и она уже не могла удерживать иллюзию. Наваждение и улыбка мгновенно пропали. Страшная гримаса боли исказила лик старухи, а с губ сорвался нечеловеческий вопль. Женщины закрывали детям уши. Многие отвернулись. Сир Тавин тоже закрыл глаза, но прибывал в духовном блаженстве, наслаждаясь криком, словно богословской музыкой. Орденцы стояли не шелохнувшись. Каменные лица выражали лишь безразличие.

Когда Адаль смолкла, а ее измученное тело полностью почернело в огне, настала очередь трактирщика. Командир рыцарей прочитал проповедь о похоти и чревоугодии, которым потворствовал обвиняемый. Также сообщил о связях трактирщика со шпиками Блудного Халифа. Ответить в свою защиту приговоренный ничего не смог, потому орденский палач, одетый в белое, хлестким, поставленным ударом отсек трактирщику голову.

Она упала на утоптанную землю за спинами оцепления. Один из рыцарей повернулся и пнул ее в толпу. Люди в страхе шарахнулись в стороны. Началась давка.

— Разогнать! — приказал Тавин и рыцари, подняв щиты, двинулись на толпу, беспощадно напирая и топча тех, кто попал под ноги.

Гильдарту пришлось спешно уводить коней с площади. Они отошли к бывшему зданию гильдии Хранителей, где оруженосец сира Тавина нагнал их и потребовал явиться к командиру. Де Кран нехотя повернул коня, наказав Дердену охранять имущество. Барк же занялся допросами Зеленого, выведывая у него о «героях» Анвила. Как оказалось, парнишка многое знал в подробностях, которые Ослябя не скупился рассказывать страждущим, пока оказывал помощь. Что-что, а слушать и запоминать Зеленый умел.

Шатер сира Тавина установили на краю Анвила, у дороги, ведущей в Эль-Эменталь. Он планировал первым встретить Великого Магистра, который уже направлялся в городишко вместе с войском. Гильдарт вошел внутрь, застав командира за приготовлениями к ужину.

Тавин успел снять доспех и сидел за небольшим скромным столом. Кувшин с легким, разбавленным водой вином и пшеничная каша — вот и все, что собирался употребить рыцарь. Он молча кивнул де Крану на свободный стул напротив, но угоститься не

предложил.

— Вы интересовались сиром Нувелем? — хозяин шатра сунул в рот полную ложку каши и активно заработал челюстями.

Гильдарт кивнул.

— Хорошо, — Тавин продолжал разговор с набитым ртом, не забывая подкидывать новую порцию каши. — Его выслеживал наш шпион. Можете называть его аббатом. Казалось, что он подобрался довольно близко, но связь оборвалась. Не знаю, в чем дело, но несколько связных не прибыли в Эль-Эменталь. Пропал и сам аббат. Скорее всего, он отправился в Сулифу.

— То есть, вы не знаете, где искать моего сводного брата?

— Войско будет идти медленно, но в любом случае, его продвижение может спугнуть предателя, — сир Тавин игнорировал собеседника. — Нужно действовать малыми силами. Я планировал дождаться Его Святейшество, но вижу, что это может оказаться губительным в нашем деле, учитывая, что урну все же могли обнаружить, — командир рыцарей жевал, смотря в стол. Голос его звучал отстраненно, слово он разговаривал сам с собой.

— Какую урну? О чем вы?! — Гильдарт повысил голос, начиная выходить из себя, но не получил никакой реакции.

— Отправимся в Муфтарак, — Тавин встал из-за стола и приказал оруженосцем готовить снаряжение и лошадей к скорому походу.

— А что с вашими людьми, попавшими в засаду? — Гильдарт от недоумения и смятения нахмурил брови, продолжая сидеть.

Но его никто не слушал. Казалось, что рыцарь совсем позабыл о госте. Де Кран вскочил с места от оскорбления. Стул упал и ударил о деревянный настил, но реакции и теперь не последовало. Гильдарт молнией вылетел из шатра, готовый сбить любого, кто попадется на пути. Никого не оказалось. Все разбежались выполнять поручения.

Глава XII. По следу каравана

Времени на отдых не оставалось. Сир Тавин с фанатичным упорством требовал немедленного выдвижения. Его не беспокоила ни ночь, ни необходимость подготовки перед выходом отряда в пустыню. Воды собрали минимальный запас, буквально пару бурдюков на человека. Отыскивали местного старика, обещавшего указать путь до Глаза Ящера, а далее — до Слезы Харамы.

Рыцари сняли стальные латы, облачившись в кольчуги. Все же командир еще не совсем выжил из ума и понимал, что долгое следование в тяжелых доспехах по изнуряющей жаре не приведёт ни к чему хорошему.

Гильдарт дремал, завернувшись в одеяло. Его собственный небольшой отряд расположился у «Наследия Тамора», ожидая, когда орденцы будут готовы выступить. Зеленый, под пристальным взором Дердена, облокотился на Удачника, лежавшего на земле. Парень, все еще со связанными руками, уныло смотрел на ночное небо. Барк же взобрался на топчан и тихонько похрапывал, сжимаясь от холода.

— А ты, что? Не мерзнешь? — Дерден лучше укутался в одеяло. Ему хотелось спать, но он держался, сидя на мешках.

— Привык, — ответил вор.

— Вот и отлично. Одеял у меня на тебя нет. Да и ни к чему оно. Все равно скоро попытаешься сбежать, и я отсеку тебе голову.

— Ага, — Зеленый сплюнул на землю.

— Вот и славно. Дознавателю все рассказал?

— Ну вроде, — паренек пожал плечами. — О чем спрашивал, то и рассказывал. А тебе какая печаль?

— Отрезал бы твой вонючий язык!

— А ты сам-то лучше воняешь? Пока вязал меня, я еле сдержался, чтобы не вывернуло. У тебя во рту кто-то сдох?

— Щенок! — вскрикнул сквайр, вскочив. — Сейчас я тебе желание дерзить-то подрежу, — в лунном свете блеснуло лезвие кинжала. Одеяло сорвалось с плеч мужчины и упало в пыль.

— Оставь! — раздался голос Гильдарта. Рыцарь продолжал лежать с закрытыми глазами.

— Что? — оруженосец опешил и уставился на воспитанника.

— Не тронь мальчика, говорю.

— Какой же это малец?! Преступная морда.

— Иди лучше снаряжай лошадей, — де Кран приподнялся на локтях. Заметив, что на наставнике нет лица, немного смягчил тон. — Убить его всегда успеешь, Дерден.

Престарелый сквайр смерил господина гневным взглядом, но смолчал. Он демонстративно не спешил. Поднял одеяло, отряхнул его от пыли. Отхлебнул вина из бурдюка, покопался в дорожной сумке и медленно зашагал к привязанным недалеко коням.

— Расскажи мне о Нахиоре, — начал Гильдарт, дождавшись, когда Дерден отойдет, — какой он из себя?

— Ну-у-у... — Зеленый посмотрел на рыцаря. — Сбитый. Вроде не здоровяк, но жилистый. Видно, что силы при нем. Немногословный особо. Все молчит больше.

— Странно... непохоже на него... — произнес де Кран в полголоса, смотря на звезды.

— Чего не похоже-то? Он и при Басиме не особенно языком чесал. Или про телосложение речь?

— Не важно. Продолжай.

— Все вроде, — вор прижался к верблюду другим боком. — Чего еще-то? А. Ну бьется неплохо. Я сам-то не видел, но рассказывали, что он Ослябю разделал в чистую. Типа поединок. Тот только защищался. Нахиор никаких шансов не оставил. Вертелся с глефой как кошка, словно танец смерти вытанцовывал. Хотя не убил в итоге. Пожалел дурака.

— Хм... — Гильдарт почесал подбородок.

— Вы это, милорд, мне бы руки развязали, а то помочиться хочу, сил нет. Да вы не бойтесь, бежать не стану. Тут лучше при рыцаре шкуру греть, а то того и гляди — вздернут.

— Ладно, — мужчина поднялся и разрезал путы маленьким ножичком. — Героев, которых местная чернь славит, опасаться стоит?

Зеленый поднялся, потирая запястья.

— Я бы опасался. Особенно старика, — вор спешно отошел на пару шагов и звонкое журчание прервало его мысль. — Ух. Как заново родился, — наполовину беззубая челюсть обнажила довольную ухмылку. — Так вот. Колдун он. Огонь извергает, словно печь кузнечная. Как с таким справишься? — паренек вздохнул. — Правильно! Никак!

— Сталь любую плоть берет.

— Может, — Зеленый пожал плечами. — Стрела там какая или подкрасться, пока спит. Но кто знает, чего там этот дед наколдовал? Подойдешь, а у тебя хер отвалится. Или еще хуже — бабой обернешься. Не. Я уж лучше Калдору голову бы отвинтил, у него деньжата водятся. Но ящерица его ручная покоя не даст...

— Чего ж не даст? Притопнешь ногой и забудешь.

— Хе-хе-хе, — Зеленый ехидно похихикал. — Там тварина такая, что ногу-то и отпилит. Зубищи — во! — вор ладонями указал длину в полметра. — А орк сумасшедший чего стоит. Мозг с орешек, но силы как у быка. И с ним ветеран стражи вольного города и нордварец. Так что, милорд, без серьезного подкрепления не суйтесь.

Мимо отдыхающих проехал сир Тавин со свитой. Командир заметил Гильдарта и едва заметно кивнул. Де Кран только покачал головой тяжело вздохнув. Идти в поход под командованием одержимого церковника не прельщало.

— Есть у меня подкрепление, — рыцарь посмотрел в след удаляющейся процессии. — Надо разобраться, кто еще страшнее.

— Вы это, милорд рыцарь, — Зеленый переминался с ноги на ногу, тщательно подбирая слова. — Я тут подумал... может меня в оруженосцы возьмете? Могу мечи с доспехами чисть, коней там... тоже могу. Или какой кашицы сварганю. Да про караван подробнее расскажу, кто там чего и как... Сражаться я не особо поднаторел, но кинжалы метать умею или, скажем, подкрасться к кому.

Гильдарт посмеялся, но не отказал. До выхода в поход оставались считанные минуты, потому рыцарь приказал новому оруженосцу приготовить кольчужную рубаху. Сам же разбудил Барка и направился помогать Дердену.

Как и ожидалось, престарелый сквайр воспринял новость о пополнении отряда с горечью и негодованием. Если бы Анвил ныне спал, то половина городишки наверняка проснулась бы от криков. А вторая обязательно бы подскочила после требования выделить оборванцу одежду и кольчугу из личных запасов Дердена. Наставник отговаривал господина

как мог, но тот оказался непреклонен.

— Никак разума лишился?! — не унимался оруженосец. — Вот когда этот проходимец уведет наших лошадей, так вспомнишь мои слова. Только поздно будет.

— Вот ты и позаботься о том, чтобы не увел, — выпалил Гильдарт, устав слушать нотации. — Разговор окончен. Я так решил. Исполни.

Через двадцать минут небольшой отряд де Крана уже влился в колонну рыцарей. Анвил остался позади, провожая освободителей редкими огнями потухающих костров, что оставили орденцы после себя. Жители прятались по домам, содрогаясь от страха и ужаса, что обрушились на них неумолимой лавиной. Кто-то, наблюдая за уходом рыцарей облегченно вздыхал, но старики призывали не показывать носа. Затишье после бури нередко оказывается обманчивым.

На удалении от Анвила путников встретили свежие обезглавленные трупы, насаженные на пики отдельно от голов. Среди них Гильдарт узнал нескольких оруженосцев, которые выжили после засады мамелюков. Вступившим в орден Меча не полагалось отступать перед врагом. Рыцарь, сквайр, солдат или слуга обязан, или одержать победу в бою, сражаясь с именем Эсмей на устах, или с честью принять смерть.

Рассвет забрезжил после пары часов пути. Солнце спешно принимало владение над пустыней Мумит, стремясь одарить каждого жаром и духотой. Длиннохвостые юркие тушканчики спешили укрыться в норах, чтобы дождаться часа, когда воздух начнет остывать. Вдалеке послышался вой хитрых шакалов. Хищники оповещали округу об удачной охоте, а теперь отправлялись в укрытия, предоставив пустыню самой себе.

Только рыцари продолжали молчаливое движение. Недовольное фырканье лошадей и лязг металла нарушали тишину. Кольчуги, прикрытые сюрко, нагревались не так стремительно, как могла бы греться латная броня, но тем не менее, на лицах людей появлялись испарины и гримасы дискомфорта. Кислый запах пота устойчиво обосновался над колонной. Через час многие уничтожили по бурдюку воды и с ненавистью поглядывали на небо, кутая головы и шеи в шарфы.

Сир Тавин не проявлял никаких эмоций. На его каменном лице не промелькнуло ни тени страдания. Лишь изредка он осенял себя крестом, благодаря богиню за возможность следовать по пути света. Командир часто бывал глубоко в себе, наедине с верой. Никогда его не видели смеющимся. Только гнев искажал его лицо. Да и тот только в моменты угрозы религии или нарушения Устава ордена. Слуги прозвали Тавина Ледяным. Ходившие под его началом опасались произносить прозвище в слух, но за пределами отряда оно прочно закрепилось в умах.

— Пугает меня этот командующий с мертвецким взглядом, — Зеленый, одетый в новенькие кожаные ботинки и дорожный кафтан из грубого сукна, восседал на верблюде, держась за новым господином. На ремне парнишки красовался меч, похищенный у Осляби.

Барк, ехавший на пустынной кобылке, клевал носом и зевал. Со сном ему в последнее время не везло, поэтому его морило даже на лютой жаре. Дерден и Гильдарт тоже молчали, но каждый по собственной причине.

Вор со скучающим видом осмотрел путников.

— Не, ну милорд-рыцарь, — не выдержал он тишины, — правду говорят, что в Эриндане девку, прежде чем замуж отдать, бароны и лорды пользуют? А уж потом муж законный?

— Чего болтаешь, — Дерден грозно глянул на паренька. — И обращайся как положено

к господину-рыцарю — «сир» добавляй.

— Милордом нельзя что ли? Или милсдарем?

— П-ф-ф, — сквайр брезгливо фыркнул, демонстрируя отвращение к собеседнику. Он ударил пятками в бока коня, чтобы тот ускорил шаг.

Зеленый, казалось, не заметил этого и тоже подогнал верблюда.

— Ты растолкуй как следует, а то проще дочку Алмазного Властителя за зад ущипнуть, чем в этих ваших дворянских правилах разобраться.

— Во-первых, не ты, а вы. А во-вторых, тебя только девки волнуют?

— С чего бы слуга со слугой на «вы» должен болтать? А так да, — Зеленый расплылся в уродливой улыбке. — Мне девахи нравятся. Странно, что тебя это удивляет. Ты не мужеложец часом?

Дерден вскипел. Выхватив из-за седельной сумки тонкий металлический хлыст, он принялся охаживать им парнишку. Вор заорал и припустил верблюда, уходя от неумолимых жгучих ударов. Только когда Гильдарт одернул наставника за плечо, тот обмяк и спрятал орудие воспитания. Жеребец Дердена, тревожно шевелящий ушами, облегченно фыркнул.

— Хватит устраивать сцены. — рыцарь продолжал держать сквайра.

— Я не намерен терпеть оскорбления от безродного бродяги. Ему не место подле нас.

— Это мне решать, Дерден, — твердый голос де Крана не давал повода усомниться. — Успокойся уже. Этот парнишка может пригодиться, — Гильдарт огляделся. Убедившись, что орденцы потеряли к компании всякий интерес, продолжил. — Он шел вместе с караваном Нахиора. Много видел, многое слышал.

— Да какой там прок от этого? — вскрикнул наставник.

— Тише! — воспитанник сжал плечо собеседника крепче. — Зинат упорно отрицала данное сыну эринданское имя. Сама, в особенности, когда они оставались наедине, звала его Нахиором.

Зрачки престарелого оруженосца мгновенно расширились.

— Ты думаешь, что Нувель — это...

— Почти уверен, — прервал собеседника рыцарь. — Похоже, что орден об этом не знает. Пока что пусть так и остается. Держи ухо остро, а рот на замке. Заодно обучи парнишку грамоте.

— Да какой грамоте, — Дерден глянул в сторону верблюда, следовавшего на удалении от проложенной караванами дороги. — Проще собаку петть заставить.

— Научи элементарному этикету и орудовать клинком. Он вроде смышлённый и ловкий, кто знает, когда его таланты могут пригодиться.

День выдался тяжелым. Всадники с трудом держались в седле. Лошади, не привыкшие к переходам по пустыне, тяжело переставляли ноги. Если люди понемногу употребляли влагу из бурдюков, то животные такой роскоши не имели. Более того — как оказалось, воды для них не запасли. Оставалась надежда на ближайший оазис. Его-то и достигли к ночи, когда воздух остыл, заставляя всадников кутаться в одеяла и теплые плащи.

Глаз Ящера встретил рыцарей так же, как и многих других, приходивших ранее. Оазису все равно, кто пьет из его источников и укрывается от палящих лучей под тенью его деревьев. Каждому даровалась возможность прожить еще один день.

Оруженосцы не мешкая занялись ухаживанием за лошадьми, что без отдыха шагали весь день. Животные с жадностью глотали прохладную воду и с наслаждением подставляли бока под щетки во время чистки. Сквайры также успевали устанавливать для господ палатки и

шарты, выстирывать одежду, очищать от пыли кольчуги и готовить ужин. Рыцари же в это время у костров попивали вино, разбавленное водой, и травили друг другу байки, заканчивавшиеся добротным мужским смехом.

Не отставал от товарищей по цеху и Дерден. Вместе с Зеленым они спешно почистили двоих дестриэ, решив обойти вьючных и сменных стороной, а также постирали дорожную одежду Гильдарта. Барк занялся ужином и сварил лоскуты вяленного мяса с пшеном. Спать лагерь лег только под утро.

Гильдарт проснулся ближе к полудню. Голос сира Тавина у палатки пробуждал лучше ведра ледяной воды.

— И сколько их? — командир орденцев расспрашивал дознавателя, которого заставил ни свет, ни заря перешерстить оазис с верху до низу.

— Человек двадцать, думаю. Их след совсем свежий. И только конные, — Тони с недовольным видом стоял у палатки де Крана. — До этого много следов виднеется, но там и пешие есть. Это скорее всего караван, а эти, — Барк качнул головой в сторону тропы, — однозначно той группы, что из Анвила ушла перед нами.

— Прекрасно, — сир Тавин перекрестился. — Светлая Дева ведет нас. Собирайтесь Через час выступаем.

— Что?! — дознаватель обомлел. — Я спал всего два часа. Полдня тут проползал на коленях по вашему поручению, сир.

— Такова воля богини, мастер, — Ледяной сухо потрепал Барка по плечу и удалился под конвоем из несменных оруженосцев.

Тони без сил рухнул на землю. Зеленый, мешавший длинной деревянной ложкой суп в котелке, усмехнулся.

— Сколько до следующего оазиса? — Гильдарт обратился к Барку, выбираясь из палатки.

— Да Асмодей его знает.

— Смотря как идти, — вмешался Зеленый.

— Молчи, пока господин говорить не велит, — Дерден отвесил пареньку звонкую оплеуху. Вор выронил ложку, которая самым важным концом попала в пламя и тут же взялась чернеть.

— Сам-то чего болтаешь, когда вздумается! — паренек ловко выпихнул ее носком ботинка из огня.

— Поговори мне! — сквайр замахнулся второй раз, но Зеленый юркнул ему за спину и занял воинственную позу. Престарелый оруженосец намеривался поймать наглеца, но по раздраженному взгляду воспитанника понял, что время неподходящее, — Не смей сравнивать меня с собой, щенок.

— Это с какого припеку? Рыцарь — господин для каждого оруженосца. Нечего мне белену в уши втирать. Пожили, знаем!

— Лучше узнайте, сколько дней в пути до следующего источника, — Гильдарт устало опустил у огня. — И что там с завтраком? Два оруженосца, а рыцарь все равно голодный.

— Я это мигом, — Дерден подпрыгнул и поспешил к седельным сумкам, сложенным у палатки.

— Слышал, что до Слезы Харамы пешему дней девять-десять добираться надо, — вор вытер ложку о рукав кафтана и накладывал в деревянную тарелку варево. — А мы может дней за пять доберемся, — с довольной ухмылкой он подал господину дымящуюся похлебку.

Престарелый сквайр вытащил посуду из сумки и выругавшись, тут же убрал обратно. Воспитанник ел, не обращая на него никакого внимания. При этом еще внимательно слушал выскочку, в полезности которого еще предстояло разобраться. Самолюбие тихонько затрещало, словно подпиленный вековой дуб накренился и угрожал с грохотом завалить глупого и назойливого лесоруба.

— За пять дней лошади издохнут без воды, — заключил де Кран и громко отхлебнул горячее из ложки.

— Это ваши, — вмешался Барк. — Моя рыжая как раз пяток продержится. Ну, может и семь. Пустынная порода выносливая.

— Т-ю-ю. Нашел чем козырять. Мой Удачник и пару недель сдюжит.

— Что толку, — Дерден подошел к очагу. — Или ты на своей образине два десятка рыцарей повезешь? Сир Тавин почему-то не позаботился о запасах воды для лошадей.

— Ну и чего делать? — Зеленый вопросительно уставился на господина.

Гильдарт пожал плечами.

— Надо в округе пошарить, — предложил первый оруженосец. — Все лучше, чем просто сидеть и думать, — Дерден поднялся и направился к ближайшему бархану, возвышавшемуся над всем оазисом.

Подъем оказался крутым и сложным. Песок уходил из-под ног, угрожая опрокинуть непрошенного гостя, но сквайр чувствовал на себе взгляды товарищей, а потому напрягал все силы. Мускулы горели от непривычной и интенсивной нагрузки. Пот заливал глаза, а горло предательски сводило от приступа жажды. На самом верху Дерден порадовался, что кольчуга осталась дожидаться в лагере.

Немного отдышавшись, он приложил ладонь ко лбу и всмотрелся в даль. Улыбка поползла по лицу, заросшему трехдневной седой щетиной. «Старый Дерден еще хоть куда!» — подумал он и свистнул воспитаннику два коротких сигнала.

Гильдарт молниеносно подпрыгнул, опрокинув тарелку с варевом в песок. Два коротких свиста, по давнему уговору, означали необходимость «боевой готовности». Он схватил меч и приказал дознавателю и второму оруженосцу седлать лошадей. Зеленый слабо разбирался в этом деле, но успевал подсматривать за господином и точно воспроизводил увиденное.

Престарелый сквайр бодро скатился с бархана, набрав в портки немало песка. Радость от возможного разрешения ситуации с водой восстановила силы. А понимание собственной вновь возраставшей значимости, заряжало дополнительной энергией. Потому он с легкостью добежал до коня, оседланного вором, и через минуту уже скакал вперед, указывая дорогу товарищам.

Орденцы, собирающиеся в поход, удивленно провожали глазами несущуюся во весь опор тройцу. Барк, сначала поддавшийся внушению, пришел в себя. Он не привык вступать в схватки или авантюры вслепую, а потому удержал лошадь, переведя ее на шаг. Медленно следуя за умчавшимися, дознаватель улыбался взволнованным рыцарям и оруженосцам, сообщая, что нет поводов для беспокойства.

В гильдии Хранителей Энтони слыл даже через чур осторожным. Расследуя дела предпочитал брать с собой в сопровождение несколько стражников, которых посылал впереди для осмотра местности. Несмотря на это, у руководства Барк находился на хорошем счету, ведь любое дело, за которое он брался, закрывалось в пользу гильдии. Даже, если это требовало «неординарных» решений и «щекотливых» поворотов. О нем говорили: «Этот малый не боится замарать руки. Вывернет все на изнанку, но до сути докопается. Сложное

дело, детали которого могут привести к скандалу? Вызовите Тони Вьжлеца в Исиасполис!».

Успешное завершение анвильского дела обещало протекторат от Главного Хранителя, а это означало одно — стремительный взлет карьеры, уважение и почет не только в Таморе, а практически, во всем цивилизованном Архее. Ну, само собой, баснословное раздувание кошелька также прилагалось в комплекте.

Присутствовал единственный очень неприятный нюанс. Требовалось действовать практически нелегально, скрывая цели и задачи от большинства гильдийцев, а значит — стража дознавателю не полагалась. К тому же, капитан стражи оказалась замешана в деле по личным мотивам.

Зеленый, вцепившийся в поводья Удачника, едва поспевал за господином. Его верблюд ревел от недовольства внезапной скачкой, но продолжал ловко переставлять жилистые ноги.

Всадники вылетели из-за бархана. В миле от них шел небольшой караван из шести верблюдов, который вели два бедуина в белых халатах и куфиях. Они сразу заметили погоню. Ор Удачника разносился далеко вперед. Несмотря на это, кочевники не стремились скрыться. Новости из Анвила еще не разошлись по пустыне, потому они спокойно следовали на рынок, продать выращенных животных и закупить провиант для племени.

Дерден обходил караван с фронта, отрезая путь к отступлению. Рыцарь и вор наседали на замыкающего. Ошалевшие кочевники остановили животных и махали руками, крича на ашахитском. Престарелый сквайр подскочил к ведущему караван и саданул смуглого мужчину кулаком. Погонщик всплеснул руками и вывалился из седла. Замыкающий же сам прыгнул на землю и встал на колени. Он кланялся, касаясь лбом песка и бормотал что-то невнятное.

— А на кой мы бедуинов прищемляем? — Зеленый с отвращением смотрел на кочевника, сидящего под конем господина.

— Они нам не нужны, а вот верблюды другое дело, — пояснил рыцарь. — Давай, — он качнул головой в сторону животных, безразлично жующих жвачку. — Забирай и веди к лагерю.

Вор повиновался. Дерден в это время связал руки пленникам и поставил их рядом на колени.

— Что говорят местные аборигены? — Выжлец не торопясь подъехал к товарищам. Арбалет, обычно притороченный к седлу, оставался на месте.

— На здешней тарабарщине что-то поют, — Гильдарт продолжал сидеть на дестриэ, наблюдая за действиями оруженосцев.

— Так-так. Любопытно, — Барк медленно спустился с лошади и подошел к кочевникам.

Он заговорил на ашахитском. Бедуины сперва вздрогнули и переглянулись. Тони сказал еще несколько фраз, и они принялись на перебой эмоционально тараторить. Рыцарь не понимал ни слова, но ему нравилась ашахитская речь. Незнакомые слова звучали словно музыка. Мелодично и мягко. Мелькнула мысль, что трепетный женский голос, разливавшийся в южном наречии, мог с легкостью очаровать.

— Знаете язык бедуинов? — спросил де Кран.

— Само собой, — Выжлец отряхнул колено от пыли и выпрямился. — В гильдии обязательно изучение ашахитского. Большинство экспонатов во Дворце Хранителей Древности из Ошиосской Империи. Хоть ныне они и забывают язык предков, предпочитая всеобщий, множество старинных свитков и скрижалей написаны именно на древнеашахитском. Чего только стоят пирамидные усыпальницы.

— А эти что? Не уважают всеобщий?

— Им он совершенно не нужен. Бедуины живут в пустыне и обособляют себя от цивилизации, занимаясь в основном разведением верблюдов. Огромный спрос на них только в южных землях, где каждый торговец обязательно владеет ашахитским языком. Впрочем, настоящие дельцы договорятся и без слов, — Барк улыбнулся.

— Так что повéдали дикари? — Дерден осматривал шерстяные мешки, подвешенные на верблюдов с каждой стороны.

— Спросил о героях, что сняли проклятие с поместья аль-Гази. Они мигом сообразили о ком я. Кочевники называют их Караванщиками Анвила. Слухи расходятся со скоростью ветра даже в таком захолустье.

— Значит они так и следуют с караваном Нахиора? — Гильдарт напрягся, но не подал вида, театрально зевнув.

— Боюсь, что нет, — дознаватель разочарованно скривил лицо. — Говорят, что герои бесследно пропали в пустыне. Вроде бы нашли только одного из них, да и того без головы. Бедуины считают, что его умертвил призрак пустыни Асад.

— Не слышал о таком, — Зеленый вмешался в разговор. — А я много легенд слыхивал. В Эль-Эментале их на торговой площади бродячие артисты балакали частенько.

— Какой-то местный фольклор, — заключил Барк, пожав плечами. — Его, видимо, только кочевники страшатся. Ну может и Пустынные скорпионы еще. Асад — это «лев» на ашахитском.

— Хм... значит караван Нахиора остался без надежной охраны... — Гильдарт задумчиво нахмурил брови.

— Мамелюки тоже серьезная угроза. Не забывайте, что они разбили превосходящий по силам отряд сира Патрика.

— Такое не забудешь. Отдал бы сотню золотых, чтобы еще раз увидеть лицо сира Тавина в момент, когда он об этом узнал, — рыцарь повеселел. — Значит нам будет проще совершить облаву на Нахиора. Где они видели караван в последний раз?

— Десять дней назад выходили из Слезы Харамы. Возможно Нахиор еще там. Но это все теперь неважно, — Выжлец взобрался на лошадь и взялся за поводья. — Меня интересовали как раз Караванщики Анвила. В частности — Эфит. Если они погибли, то дело закрыто. Но я должен убедиться лично. Потому мы отправимся на поиски. И надо торопиться. Сир Тавин приказывал выдвигаться через час. Боюсь, что время вышло, — он повернул кобылу и поскакал к оазису.

— Кстати, о сире Тавине, — Дерден указал рукой на четырех всадников, приближающихся со стороны Глаза Ящера. — Вон и церковники.

Двое рыцарей следовали в сопровождении оруженосцев. Под белым сюрко блестели начищенные хауберки — длиннорукавные кольчуги, к которым прикреплялся защищавший голову капюшон-койф. Кольчужные чулки, закрывавшие всю площадь ног, рыцари обмотали бинтами, чтобы хоть как-то спастись от неумолимых солнечных лучей.

Они остановились в нескольких метрах от Гильдарта, который выехал им навстречу.

— Сир Корвен, — де Кран вежливо склонил голову в знак приветствия.

Рыцарь ордена смерил собеседника презрительным взглядом. Небольшие глазки, выглядывавшие из-под кольчужного капюшона, просверлили дыру в груди Гильдарта и устремились дальше, оценивать добычу и пленников.

— По какому праву вы, сир, грабите этих людей? — наконец выдавил из себя Корвин.

— Военного времени, — наследник де Кран усмехнулся. — К тому же, эти кочевники — ашахиты. Не забыли ли вы, сир, что у них порченная кровь, да и вообще, поклоняются они демонам и джиннам. Разве можно позволить им безнаказанно богатеть? И еще. Девяносто шестой пункт Устава ордена Рыцарей Меча, — Гильдарт потряс книжечкой в кожаном переплете, — гласит, что не состоящий в ордене дворянин имеет право не делиться военными трофеями, если они добыты им самостоятельно.

Корвин побагровел. На висках от гнева вздулись вены.

— В таком случае, орден в праве забрать часть пленников для ведения проповедей и допросов. — сквозь зубы прошипел церковник.

— Как вам угодно. Можете забрать всех, мне они ни к чему, — де Кран повернул коня и махнул рукой оруженосцам, чтобы те вели захваченный караван к месту стоянки.

Орденцы привязали бедуинов за руки к седлам, оставив тройку метров свободной веревки. Корвен приказал припустить лошадей. Кочевники с трудом поспевали, напрягая каждый мускул, чтобы не упасть. Сил на такой бешеный бег не хватило. Пленники рухнули на песок и жалобно кричали, пока кони тащили их волоком за собой.

Сир Тавин решил отложить выход отряда до утра, чтобы как следует допросить плененных. Крики боли и отчаяния всю ночь напоминали собравшимся в оазисе о неотвратимости расплаты за грехи.

Зеленый почти не спал, прижимаясь к Удачнику. Он боялся Рыцарей Меча и знал, что с таким как он не случится ничего хорошего, если судьба подведет под суд. Все его надежды наладить жизнь в Эль-Эментале рухнули. Алмазные Властители с радостью отдавали преступников в руки палачей, прибывших с Великим Магистром. Поживиться в Анвиле не удалось, да и в знаменитом поместье аль-Гази ничего кроме трупов и пыли. Как же можно устроить жизнь, если за душой ни гроша, а возможная работа едва позволит сводить концы с концами. Да и жить где? В канаве? Нет. Определенно пришлось бы возвращаться к воровскому ремеслу. А, как известно, сколько веревочка не вейся, а конец будет. Тогда и участь раба покажется не такой уж страшной, по сравнению с тем, как орден наказывает за грехи.

Идея пристроиться оруженосцем к Гильдарту, сначала показавшаяся вполне привлекательной, ныне омрачилась. Этот де Кран явно не ладил с церковниками. Как бы это не вышло боком всем остальным.

Наставник и воспитанник тоже плохо спали. Дерден переживал из-за холода, пробежавшего между ним и Гильдартом. А рыцарь, хоть и не особенно переживал за жизни полудиких смердов, но страшился тому, какие муки они испытывали. Бессмысленные страдания живого существа всегда вызывали в нем чувство сострадания.

Беззаботно похрапывал только Барк, завернувшийся в теплое шерстяное одеяло. Недостаток сна угнетал и нервировал. А тут выдалась целая ночь. Засыпая, он слышал завывания бедуинов, но какой смысл мучить себя переживаниями? Их все равно будут пытаться, а выспаться может больше и не случится.

На утро Гильдарт осматривал собственный караван. Верблюды, связанные веревкой, пропущенной через седла, казалось, что не заметили смены хозяев. Животные вели себя спокойно и подчинялись вьючившим их оруженосцам. Среди трофеев, помимо корма для кораблей пустыни, нашлись глиняные емкости, предназначенные для переноски воды на верблюжьих спинах.

— Затягивай давай! — Дерден ругался на Зеленого. — Тяни ремень! Что за болван?!

Говорю же, — они грузили на верблюда мешки с палатками и походным скарбом.

— Да слышу я! — огрызнулся парень. — Нашелся... Верховод.

— Что с выючками делаем? — наставник оглянулся на рыцаря.

— Воды на них не хватит. На боевых коней и то впритык. Оставим тут.

— Как это?! — Дерден выпучил глаза и перестал поддерживать мешок. Зеленый так и не закрепил ремень. Поклажа рухнула на землю, подняв пыль. — Кто ж лошадей просто так отпускает. Им цена есть, да не малая.

— Тут Кипучий дело говорит, — вор выглянул из-за верблюда, потрепав его по голове. — Можно же чеканки получить. Поди не лишняя.

— Кто?! — наставник скорчил лицо от раздражения.

— Да ты бурлишь постоянно, да горячку порешь. Житья свободного от тебя нет. Все ошпарить пытаешься. Так что я тебя теперь так звать буду! — вор нагло ухмылялся.

Кипучий нащупал за спиной хлыст, висевший на поясе и угрожающе надвигался на парня. Зеленый дождался, когда противник обойдет верблюда, и ловко проскочил у животного под брюхом. Дерден чуть-чуть не успел схватить его за воротник.

— А у вас снова веселье? — Барк зевнул, подойдя к престарелому сквайру сзади. — На вот, выпейте и остыньте, — он протянул флягу с вином.

— И ты туда же?! — Кипучий грубо оттолкнул протянутую руку и нервно зашагал прочь.

— Перестаньте раздражать Дердена! — Гильдарт прикрикнул на товарищей. — В бою он стоит куда больше, чем вы оба. Пойду успокою его, а вы займитесь верблюдами. Чтобы к моему возвращению были готовы, — рыцарь выхватил из рук Выжлеца флягу и поспешил за наставником.

— А я-то что сделал? — Тони изумленно таращился по сторонам, разведя руки.

— Ах-ха-ха, — вор рассмеялся. — Посоветовал Кипучему остыть.

— Чего?!

— Давай, сыскарь, помогай, — Зеленый подкинул мешок, чтобы снова закрепить его на верблюжьей спине.

Опешивший Барк ничего не успел сообразить и принялся выполнять указание рыцаря, который умел подчинять себе людей. Хотя все еще не осознавал этого.

Рыцари Меча выходили из Глаза Ящера в приподнятом настроении. Некоторые шутили и смеялись, обсуждая как один из кочевников обмочился при виде раскаленного прута. Потом кто-то вспомнил о анвильском трактирщике, который молил Шеннаитха о спасении, но после нескольких ударов плетью отрекся от него и славил Эсмей. Волна злорадного хохота прокатилась по колонне всадников.

Сир Тавин снова разрешил не надевать стальных доспехов. Сквайры и их господа облачились в хаурбеки, прикрыв их белыми одеждами. Товарищи Гильдарта следовали и вовсе без кольчуг. Нестерпимая жара с новой силой навалилась на непрошенных гостей. Толстая кожаная подкладка хаурбека не пропускала воздух. В таких условиях даже сюрко не особенно помогало. Тело мгновенно перегревалось и усиленно теряло влагу, не говоря уже о том, что прикосновения к доспеху незащищенной кожей приводили к ожогам.

— Вам не жалко собственных воинов? — де Кран поравнялся с командиром отряда, оставив товарищей в хвосте. — Жара мучает и изводит их, учитывая недостаток воды...

— Сир! — Ледяной оборвал собеседника. — Мне докладывали, что вы начали изучать Устав нашего священного ордена. Но на этом, видимо, прогресс вашего очищения

закончился. Иначе вы поняли бы, что для воина Святой Девы любые лишения лишь желанное испытание тела и духа. Муки, за которые они непременно будут вознаграждены богиней!

— Само собой, сир, — Гильдарт понизил голос. — Но предстоит длинный переход. Вы рискуете потерять не только лошадей, но и рыцарей.

— На все воля Светлой Девы! Каждый из нас с великой радостью примет смерть, если так угодно Эсмей.

— Ясно.

— И вам, сир, следует запомнить мои слова. Вами движет желание поскорее избавиться от лишений и позора, но где же раскаяние?! — Тавин прикрикнул и трое оруженосцев, следовавших за ним, вытянулись в седлах. — Только чистые помыслы и желание услужить Эсмей, Святой Церкви и ордену! Вот, что должно повелевать вашей грешной душой.

— Хах, — де Кран усмехнулся. — Моей грешной душой? Не я направлял Нувеля к Рыцарям меча. Не я просил Архиепископа принять его. И не я, в конце концов, рожали и воспитывал вашего предателя! — Гильдарт вызывающе смотрел на командира. — И вроде бы как вы, сир, являлись его начальником. Нет ли вашей вины в предательстве сира Нувеля? Не вы ли недосмотрели за паршивцем?!

Лицо Тавина налилось гневом. Он выхватил меч. Сквайры опустили копья. Гильдарт приготовился защищаться.

— Команди-и-и-р! — заорал сир Корвин, скакавший в начало колонны. — Бу-у-у-ря! Команди-и-и-р!

Все глянули на горизонт. Темное облако стремительно приближалось и закрывало голубое небо. Яростный порыв жаркого ветра ударил в лица всадников. Кожу больно закололо. Тавин спешно спрятал клинок.

— Нужно остановиться, — обратился к нему Гильдарт.

— Не-е-т! Продолжать движение! Убийцы наших братьев и предатель впереди. Их задержит буря, но мы, священное воинство Светлой Девы, пройдем сквозь нее.

Фанатик продолжал что-то кричать, но де Кран не слушал. День меркнул ночью. Солнечный свет, словно кубик льда на раскаленном камне, бедственно таял. Рыцарь ударил коня хлыстом и несясь вдоль колонны к товарищам. Огромная стена песка и пыли, похожая на монолитную скалу, тянулась по всему горизонту. Она целиком поглотила отряд, будто-то кит одним движением челюсти сглотнул косяк мелких рыбешек. Жгучие крупинки секли все живое. Вой и свист ветра съедал любые звуки, но кричать все равно не получалось. Песок мгновенно заполнял собой любые отверстия: будь то глаза, уши, ноздри или рот.

Гильдарт зажал края капюшона дорожного плаща, сведя их вместе. Ему показалось, что он видит верблюдов. Они продолжали идти, но не к нему на встречу, а куда-то в сторону. Рыцарь направил коня к товарищам. Он брыкался и не слушался, а через два десятка шагов дестриэ вовсе отказался идти. Пришлось отпустить поводья, чтобы ударить жеребца хлыстом, но в этот самый момент конь встал на дыбы и сбросил всадника.

Рыцарь больно ударился спиной. Капюшон, увлекаемый порывом ветра, слетел. Песок ожег глаза, словно раскаленный прут. Пролежав несколько секунд, Гильдарт с трудом поднялся, но скакуна рядом не оказалось. Верблюды пропали. Мужчина в отчаянии лег на землю спиной к ветру. Прижал колени и голову к груди.

Пыль проникла в легкие. Невыносимое удушье от жары и нехватки воздуха помутило рассудок. Де Кран зажмурился, но ему казалось, что он ясно видит Дердена, который шел к

нему с палицей в руках. Желтый цвет его сюрко ослеплял. Гильдарт пытался закрыть лицо ладонями, но руки не слушались. Наставник приблизился. Вместо того, чтобы помочь встать, замахнулся и ударил лежащего по голове, размозжив череп. Рыцарь понял, что умирает и сознание предательски померкло.

Глава XIII. Пустыня безразлична

Пара десятков муравьев слаженно и упорно копали песок. Передние лапки молниеносно загребали песчинки и выбрасывали их из-под брюха. Стояла невыносимая жара, но насекомые чувствовали себя вполне комфортно. Их тельце покрывала густая серая шерсть, блестящая под лучами полуденного солнца, самого жаркого в пустыне Мумит. Буря засыпала входы в колонию, потому муравьи спешили вызволить соплеменников из песчаного плена.

Через двадцать шагов от работающих насекомых, поверхность песка зашевелилась. Раздался глухой, раздирающий горло кашель. Показалась человеческая голова. Пыль плотным слоем покрывала волосы, лицо и шею. Проходящий мимо наверняка посчитал бы выжившего за песочную фигуру, если бы кашель не гремел на всю округу.

Мужчина прополз несколько метров и упал без сил.

— Живой... — прохрипел Гильдарт, ощупывая голову. — Де-е-р-д-е-е-н... — он постарался крикнуть, но горло сводило так, словно в нем застряло лезвие ножа.

Сморщившись от боли, рыцарь пролежал несколько минут. Солнце беспощадно пекло, заставляя мужчину шевелиться. Гильдарт кое-как сумел сесть и окинуть округу взглядом. Никого. Пустыня казалась вымершей. Даже муравьи закончили раскопки и укрылись в прохладных коридорах. Рыцарь нащупал капюшон и натянул его на голову. Пыль ударила в лицо. Он снова закашлял. Грудь и глаза жгло. Жажда, не ощущаемая в начале, накатила так сильно, что горло свело болезненным спазмом.

Остаться на месте означало верную гибель. Понимая это, де Кран заставил себя подняться на ноги. Караванную тропу занесло. Ни одного следа в округе. Вихри до неузнаваемости изменили пейзаж. Гильдарту показалось, что бархан впереди знаком. Возможно тот самый, который он видел, разговаривая с сиром Тавином в последний раз. Шатаясь, рыцарь медленно поплелся к цели.

Пройдя около мили, он повалился к подножью бархана. Напрягая, как казалось, последние силы, де Кран пополз вверх. Раскаленный песок обжигал ладони, но крутой склон не позволял подниматься иначе. Тело усиленно выделяло драгоценную влагу. Пыль на шее и лбу мокла и превращалась в грязь.

На вершине дюны хотелось отдохнуть, зарывшись в песок. Поглубже. Подальше от беспощадных солнечных лучей. Но вновь пришлось оглядеться. Пустыня. Бесконечное море песка, окружающее одинокого, истощенного человека.

Рыцарь вытащил из ножен меч. Сейчас он казался невероятно тяжелым и невероятно бесполезным. Нести его на себе не хотелось. В условиях, когда каждый шаг давался с трудом, лишний вес играл немалую роль. «Что толку теперь от железки?» — с горечью подумал Гильдарт.

Он собирался зашвырнуть его вниз и размахнулся, повернув корпус. Взгляд зацепился за пятнышко на горизонте. Солнце светило в спину и де Кран начал всматриваться. Пятно, сначала показавшееся кактусом, медленно двигалось мимо бархана.

— Э-э-э... — рыцарь снова попытался закричать, но с губ сорвался едва различимый хрип.

Гильдарт сунул меч обратно в ножны и размахивал руками, мыча при этом так громко, насколько мог. Далекая фигура остановилась и, кажется, заметила стоящего на дюне.

Сменив направление, пятно не спеша приближалось. Де Кран решил идти на встречу, но оружие все же оставил. Обжигаясь, он спустился с бархана.

Сир Тавин не узнал выжившего. Солнечные лучи слепили. Впрочем, он и помыслить не мог, что грешники могли выйти живыми из такой смертоносной бури. Только истинные ревнители веры, вроде него, заслужили и дальше нести свет Эсмей по Архею. Прославлять имя Светлой Девы, гордо подняв праведно разящий меч и белоснежные стяги.

Белая ткань, побывавшая в вихрях пыли, сменила цвет на светло-коричневый. Церковник так и не снял кольчугу. Даже кольчужные чулки, плотно забитые песком, продолжали тяжелить ноги. Ледяной стойко сносил муки, воодушевляя себя молитвой. Многие на его месте пали бы духом, но Тавин радовался. Он улыбался, глядя на небо, ведь погибшие в буре братья восходили к облакам по золотой лестнице. Там, в Чистилище, они займут почетное место рядом с богиней, пополнив ряды небесной рати. А ему еще предстоят испытания. Светлая Дева решила, что священная миссия очищения не окончена, потому он, сир Тавин, еще ходит и дышит.

— Какая ирония... — выдавливая слова, Гильдарт прервал благоговейную эйфорию Ледяного. — Не пойму... как я выжил... но... какое же... чудо... — мужчина улыбнулся, и сухая кожа губ тут же лопнула. Кровавые прожилки возникли перед глазами Тавина. — Ты... выжил тоже.

— Так вот в чем промысел Эсмей! — церковник вскинул правую руку и принялся креститься. — Богиня направила меня, чтобы положить конец греховной душе. Отправить ее на вечные муки к Асмодею. — Ты! — орденец ткнул пальцем в лицо Гильдарта, стоявшего на удалении пяти шагов. — Демон. Напился крови. Вот в чем заключается моя священная миссия! — сир Тавин выпучил глаза и бешено орал. — Я уничтожу тебя, Белиал! Да. Больше ты никого не собьешь с праведного пути. Никто по твоей прихоти больше не нарушит заповеди и не снизойдет в порок. Умри! — звякнуло лезвие извлекаемого меча.

Гильдарт держал оружие наготове, позволив противнику самому преодолеть разделявшее их расстояние. Внезапная встреча и сражение придали истощенному телу энергию. Сердце бешено заколотилось. Рыцарь почувствовал себя свежим и собранным, от усталости не осталось и следа.

Ледяной атаковал сверху. Взявшись за рукоять двумя руками, он вложил в удар все имевшуюся силу. Если бы лезвие достигло цели, то могло располовинить противника до живота, но де Кран шагнул в сторону и подставил оружие под меч противника. Раздался звонкий лязг стали. Пучок искр вспыхнул в месте соприкосновения металла.

Безумие, усугублявшееся удушьем и истощением, целиком поглотило сира Тавина. Он перестал ощущать реальность. Церковник видел перед собой окровавленную челюсть, оскалившуюся двумя рядами острых как пики зубов. Голова и тело противника иссохли. Волосы выпали, а их место заняли четыре длинных рога, устремленных к небу. Руки демона удлинились, а на правой вырос уродливый костяной отросток, который использовался как оружие. Нечисть не имела ног и парила над землей, без особого труда уходя от атак.

Озверевший церковник наносил удар за ударом. Звон стали оглушал. Гильдарт блокировал и делал редкие выпады. Ледяной не зря считался в ордене одним из самых умелых и опасных бойцов. Даже в состоянии истерии, орденец бился искусно. Де Кран, изначально планировавший измотать противника, сам терял силы и инициативу.

Лезвие меча порезало сукно и добралось до плоти. Скользящий удар пришелся в правую грудину и пробороздил вниз. Капли крови брызнули в сторону. От боли перехватило

дыхание, но острие рыцарского клинка уже летело вперед.

Сир Тавин ликовал. На мгновение его охватило торжество. Великий подвиг. Победа над Белиалом, одним из самых могущественных демонов, и заклятым врагом Святой Церкви. Он обладал почти неограниченными возможностями и мог выполнить любое желание смертных. В обмен на душу, само собой. Но больше всего, Белиала развлекали церковники, которых он подбивал нарушать заповеди и следовать собственным порокам.

И вот, бич святости почти повержен. Ему пущена кровь. И никем иным, а сиром Тавином, сыном горняка, избранным Светлой Девой для великой миссии. Ледяной не успел ничего больше сообразить. Острие вонзилось между глаз и уперлось в кольчужный капюшон с обратной стороны. Смерть мгновенно пожрала сознание орденца, но на лице застыла блаженная улыбка. Держа рукоять, Гильдарт толкнул стопой обмякающее тело. Клинок, окрашенный кровью, покинул убитого, который глухим ударом встретился с раскаленным песком, чтобы навсегда в нем и остаться.

На поясе бывшего командира висел небольшой бурдюк. Де Кран лихорадочно дергал за бляшку ремня, пытаясь поскорей стянуть его с мертвеца. Отбросив ремень, рыцарь жадно припал к горлышку. Живительная влага смочила горло. Глоток дался с болью, но все тело отозвалось на него благодарной дрожью. Теплая, но такая прекрасная и желанная вода. Всего два глоточка. Маленьких, но таких важных и нужных.

— С паршивой овцы хоть шерсти клок, — Гильдарт смотрел на довольное лицо сира Тавина. Кровь заполнила открытые глаза и стекала к ушам, словно слезы. — Ты даже после смерти продолжаешь раздражать.

Говорить стало заметно легче, но усталость возвращалась. Снова почувствовался невыносимый жар. Резкая боль скрутила правый бок. Ноги подкосились, и мужчина упал на колени в изголовье трупа. Кровь обильно смачивала кафтан. Де Кран срезал с Ледяного сюрко и вывернул его на изнанку, где ткань еще оставалась более-менее белой. Кряхтя и морщась от боли, мужчина стянул с себя одежду. Солнце тотчас ожгло белую мускулистую спину.

С помощью меча, зажатого между ног, сюрко за минуту превратилось в лоскуты. Сложив несколько полосок ткани вместе, рыцарь скрутил их в плотный валик и силой прижал к ране, придавив бицепсом. Повернувшись, он лег, навалившись всем весом на правую руку. Подождав около пяти минут, осторожно поднялся и прихватил валик длинными лоскутами, пропустив их через плечо и подмышкой.

Открытая для солнца кожа краснела. Ее начинало жечь. Гильдарт оделся так быстро, как мог, опасаясь разбередить рану. Над головой послышался свист. Рыцарь посмотрел в небо, прикрывая глаза ладонью. Два стервятника кружили над местом сражения, ожидая возможности полакомиться свежатиной.

— Хех, — мужчина усмехнулся. — Кушать подано.

Опираясь на меч, Гильдарт поднялся. Солнечные лучи продолжали печь спину. По нестерпимому жару, он догадался, что сейчас, примерно, середина дня и вспомнил, что полуденное солнце всегда светит с юга. Но, одно дело определить стороны света, а другое — понять, куда идти. Глаз Ящера, по прикидкам, находился западнее, поэтому мужчина повернул налево и, полагаясь на удачу, зашаркал ступнями по песку.

К вечеру солнечный диск светил прямо в лицо. Жара потихоньку спадала. Усталость свинцовыми цепями сковывала мускулы. Пустой бурдюк уныло болтался на поясе, постукивая по бедру. Вода заняла все мысли и желания. Какие-либо жизненные

переживания перестали существовать. Гильдарту хотелось одного — глотка воды. Совсем неважно какой она будет. Пускай горячая, пускай мутная и затхлая, пускай с ошметками грязи. Главное — жидкая.

Перед глазами возникла огромная лужа посреди двора замка Фонтенель. Пятилетний Гильдарт разглядывал трех поросят, что плескались в грязи и хлебали дождевую водицу. В этот день он впервые должен был встретиться с отцом. Мальчик захотел поймать поросенка за торчащий хвостик и осторожно подкрадывался. Планируя внезапную атаку, будущий рыцарь прыгнул, но раскисшая земля предательски покатила под ногой. Он рухнул в грязную воду, испачкав новенький зеленый кафтан, сшитый специально по случаю приезда лорда де Кран к сыну. Дерден кинулся к воспитаннику, но лорд Уолес уже проехал через барбакан. За ним следовал десяток рыцарей со стягами дома господина.

— Где? — гневный взгляд упал на бывшего защитника леди Катрин. — Этот?

Дерден нерешительно подошел, держа на руках сопливого мальчонку, измазанного в грязи. Ребенок таращился на лорда серыми глазками и шмыгал носом. Темная вода стекала с его штанишек и капала на землю. Уолес брезгливо поморщился.

«Моли всех богов, которых только знаешь», — сказал тогда отец, обращаясь не то к сквайру, не то к маленькому сыну. Повернул коня и больше не появлялся в замке Фонтенель, который достался ему в качестве приданного покойной жены.

Мальчик думал, что сейчас получит хорошую взбучку от наставника, но тот, со слезами на глазах, крепко обнял его, не смотря на испачканную одежду. Первый и последний раз.

Гильдарт и забыл об этом моменте, но сейчас он всплыл в памяти. Нет, не из-за отца или Дердена. А из-за грязной лужи, в которую ныне хотелось зарыться по уши, и, растолкав поросят, приложиться губами к спасительной влаге. Наполнить рот водой и с наслаждением проглотить.

Резкое похолодание пришло вместе с темнотой. Рыцарь подумал о том, что лучше бы передвигаться по пустыне ночью, а днем отдыхать, но где же отыскать укрытие от палящего солнца. Из вещей — только длинный меч, который мужчина решил все же нести, и пустой кожаный бурдюк. Все остальное сгнуло вместе с верблюдами.

Вдалеке послышался вой шакалов. Измученное тело отказывалось идти дальше, но Гильдарт боялся замерзнуть насмерть или стать добычей хищников. От холода колотило так сильно, что зубы, стуча друг об друга, оглушали. Дрожь сводила мускулы. Обняв себя руками, мужчина смог пройти еще два часа, прежде чем рухнул в холодный песок. Как только голова коснулась опоры, сознание моментально померкло, не обращая внимания на изнуряющий холод.

Сны редко посещали наследника де Кран, но в этот раз, рыцарь видел все, как наяву. Он оказался на ступенях какого-то монументального сооружения. Массивные колонны из черного камня поддерживали арочный свод. Повсюду: на стенах, потолке, колоннах вырезаны жуткие картины. Армии мертвецов брели по земле, пожирая все, что встречается на пути. Черный маг парил над ними. Его глаза светились сине-зеленым светом. Даже в камне. Гильдарт поспешил пройти арки.

За ними мрачный тронный зал, устланный алыми коврами. Пустые жаровни, расставленные вдоль прохода к белевшему трону, внезапно вспыхнули зеленоватым пламенем. Тени заплясали по стенам. Рыцарь пошел вперед. Подойдя к трону, мужчина с ужасом отпрянул. Свежие кости, на которых еще виднелись куски человеческого мяса, вот из чего состоял зловещий престол. Но кто же занимал его? Где владелец? Гильдарт в панике

озирался, пытаясь нащупать меч. Оружие пропало. Только пустые ножны легонько оттягивали ремень.

Перед ним возникла молоденькая черноволосая девушка. Ее симпатичное лицо скривило от боли. Голова оказалась разбита, и из-под волос текла густая кровь. Алые струйки капали на щеки и губы. Мертвецки ледяной взгляд пробрал до костей. Гильдарта затрясло от холода и страха.

— Ну зачем?.. — незнакомка находилась всего в паре метров, но ее голос раздавался откуда-то издалека. Он казался мертвым и безжизненным. Де Кран с ужасом отметил, что она не шевелит губами. — Зачем ты убил меня?.. Я лишь хотела жить... Теперь Дева отомстит. Ничто не сдержит ее гнева!

Гильдарт схватился за голову. Она разрывалась от оглушающего крика. Плоть девушки внезапно зашевелилась, будто сотни жуков ползли под кожей. Острый подборок значительно удлинился. Позвоночник тоже начал расти вверх, заставляя тело скручиваться. Лицо уродливо перекосило. Через мгновение от прежней красавицы не осталось и следа. Большое чудище, с копытами, шипастым хвостом и длинными когтями, кривило жуткую морду. Вязкая слюна капала на ковер и прожигала в нем дыры, словно раскаленный уголь.

— Слишком поздно, рыцарь! — за спиной раздался старческий голос. — Правление живых окончено!

Развернуться де Кран не успел. Чудище пронзило правую сторону корпуса когтями. Зловонная челюсть разомкнулась. Слюна брызнула в лицо. Кожу зажгло. Мужчина схватился за него, пытаясь смахнуть вязкую слизь, но ничего не получалось. Гильдарт закричал от отчаяния и вздрогнул.

Солнце принимало правление над пустыней и безжалостно светило прямо в лицо. Чудище исчезло, а вместе с ним и загадочный старик, и черный храм. Рыцарь облегченно вздохнул, но жажда не позволила расслабиться. Корчась от боли в правом боку, мужчине удалось подняться на ноги. Ему показалось, что стая птиц кружит вдалеке над барханом.

— Вода? — Гильдарт спросил у пернатых, но не дождавшись ответа, спешно зашагал к дюне.

Обойдя песчаный холм, он увидел, как на горизонте мерцала полоса синеющей воды. Птицы, кружившие над барханом, пропали. «Быстро же они добрались. Сейчас бы тоже пару крыльев, да с полета сразу в воду», — подумал де Кран и в приподнятом настроении отправился утолять жажду.

Он совсем позабыл о выбранном ранее направлении. Пройдя около получаса, рыцарь остановился. Удачно обнаруженный оазис так и не стал ближе. Гильдарт рухнул на колени. «Мираж», — мелькнуло в мыслях. Солнце и обезвоживание продолжали медленно, но верно убивать.

Рассудок мутило, но мужчина не сдавался. Снова заставил себя встать и идти, но уже не соображал куда. Остановка означала смерть, а движение оставляло надежду на спасение. Какое-либо ощущение времени пропало. Организм словно отключил все ненужные функции, направив остатки энергии на требуемые для выживания занятия. Зрение совершенно испортилось, глаза заволокло белой пеленой. Гильдарт с трудом видел собственные ноги, а окружение вовсе растворилось в мерцающей мгле.

— Мерзость! — отец брезгливо поглядывал на старшего сына. — И этому слабаку я должен все оставить?

Гладко выбритый старик прихрамывал на правую ногу, делая из золотого кубка

маленькие глоточки.

— Вино со льдом? — рыцарь не поднимал глаз.

— Это все, что тебя интересует? Права была Зинат. Ты не достоин стать лордом! Зря не позволил ей тебя отравить.

Гильдарт всегда боялся отца и не смел ему перечить.

— Молчишь? Хе-хе-хе.

— Я только и делал, что пытался заслужить твою любовь...

— Бездарно. Мне стыдно, что я назвал сыном такое ничтожество. Ты носишь мою фамилию, но ничего моего в тебе нет. Хватит. Сейчас ты подохнешь, и этот позор сгниет вместе с тобой.

Мужчина остановился. Воздух со скрипом вырывался из легких. Рыцарь поднял голову и посмотрел в карие глаза старика. На измученном и обожженном лице возникла ухмылка. Губы вновь лопнули, но Гильдарт не почувствовал боли.

— Пусть так. Но все, чем ты дорожил, сгниет вместе со мной, — удар меча разрезал воздух.

В него мужчина вложил остатки истощенных до предела сил. Тело рухнуло на раскаленный песок. Он хотел последний раз взглянуть на небо. Мать, по которой Гильдарт тосковал всю жизнь, могла быть где-то там. Капеллан замка Фонтенель сказывал, что леди Катрин на небесах. Может хоть в смерти получится обрести тепло, которого так не хватало долгие годы, проведенные в холодной крепости.

Удалось повернуться на бок. Бархан закрыл весь обзор. Песок. Никакого неба.

Горделивый хищник грациозно спускался к Гильдарту. Его пышная черная грива слегка развевалась от слабого ветра. Показав клыки, он зашелся в страшном и протяжном рыке. Величественное животное почуяло запах добычи.

— Асад... — прошептал рыцарь и потерял сознание.